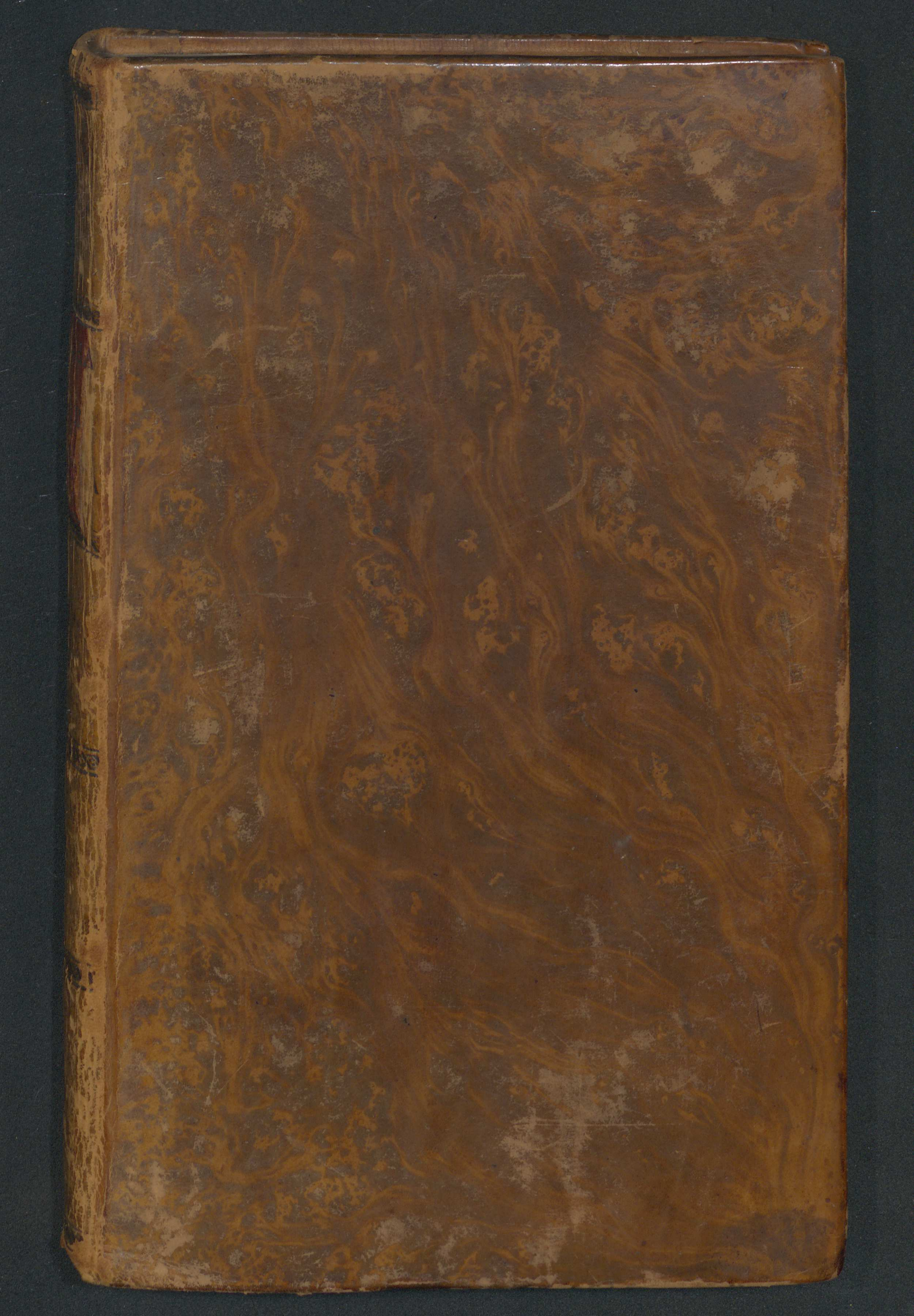


Остался [illegible] лучшій экз.
у [illegible].

А. Оленинъ

КАРТИНА
ЖИЗНИ И ДѢЯНІЙ
ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО
КОРОЛЯ ПРУССКАГО

По начертанію Графа Гибера.



СЪ дозволенія Управы Благочинія.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

на иждивеніи І. К. Шнора, 1789 года.

УВѢДОМЛЕНІЕ

Сія первая часть исторіи *Фридриха Великаго* Короля Прусскаго, содержитъ въ себѣ большею частію съ толикою славою веденныя имъ войны. Она представляетъ картину его подвиговъ, достойную вниманія не только воиновъ, но и каждаго человѣка умѣющаго цѣнить истинную души великость. Слѣдующая часть будетъ въ себѣ заключать частную жизнь сего Великаго Монарха, и представитъ намъ образъ мудраго правителя и Отца отечества; вся же исторія будетъ основана на сущей истиннѣ и почерпнута изъ подлинныхъ источниковъ.

Любители анекдотовъ въ сей части можетъ быть не найдутъ себѣ удовле-

творенія; однако же я уповаю въ слѣдующихъ частяхъ наградить сей недостатокъ; но я тѣ токмо избирать стану, кои прямую истинну основаніемъ своимъ имѣютъ. Что же всѣ напечатанные *анекдоты и дѣянія, означающіе свойство* Короля Прусскаго *Фридриха II*, весьма неосновательны и несправедливы, о томъ славный ученостію Фридрихъ Николаи въ Берлинѣ представляетъ намъ слѣдующее извѣстіе:

,,Еще при жизни Короля весьма многіе анекдоты были о немъ расказываемы, особливо въ Берлинѣ, гдѣ вольность говорить о всѣхъ предмѣтахъ, со времени вступленія на престолъ сего Великаго Монарха, была чрезвычайна. Изъ сихъ анекдотовъ весьма немногіе подлинны. Большая же часть

,,ложны и совершенно вымышлены; ибо ,,не мало такихъ людей, которые о ,,свойствахъ Короля по своимъ собствен- ,,нымъ заключали, и такїя дѣла и ост- ,,рые отвѣты ему приписывали, какїе ,,никогда ему и въ мысль не приходили. ,,Если же иные и заключаютъ въ себѣ ,,нѣчто истинное, то или не прямо ихъ ,,разумѣли, или иначе толковали, и они ,,переходя отъ одного къ другому, такъ ,,смѣшались съ ложью, что истинна едва ,,примѣтна осталась. Такїе анекдоты ,,перенесены въ другїя государства и ,,многїе о свойствѣ Короля судили по ,,симъ несправедливымъ расказамъ.

,,Послѣ же его смерти, когда вни- ,,манїе всея Европы устремлено было ,,на его чрезвычайный умъ, который въ ,,теченїе сорока шестилѣтняго его

,,царствованія въ толь многоразличныхъ
,,случаяхъ ознаменовался, то и выискивали съ великою жадностію всякія объ
,,немъ сказанія, изъ коихъ иныя были
,,напечатаны особо, другія же въ различныхъ собраніяхъ. Не можно также
,,сказать и того, что бы хотя малѣйшее употреблено было раченіе въ выборѣ оныхъ, или въ изслѣдованіи, справедливы ли онѣ, или нѣтъ. Были онѣ
,,изданы единственно для любопытства,
,,которое гораздо чаще удовлетворяется, если повѣствованіе странно и забавно, нежели истинно.,,

Издатель.

Санктпетербургъ
Іюня 1788 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Когда погружаемся въ глубину вѣковъ протекшихъ, когда разверзаемъ лѣтописи міра представляющія намъ теченіе многихъ столѣтій дѣяніемъ краткихъ дней, взоръ нашъ останавливается при великихъ благодѣтеляхъ человѣчества, призванныхъ Всемогущимъ на свѣтъ сей, для возстановленія падшей истинны, для воздержанія быстротекущихъ пороковъ, и для спасенія ниспадшаго человѣчества отъ грозящей ему гибели.

Человѣкъ, слабое по существу своему созданіе, не можетъ неощущать въ душѣ своей нѣкоего сладостнаго удовольствія взирая на подобнаго себѣ, которой во образѣ

человѣка производилъ дѣла единому Божеству свойственныя — которой среди разрушенія пребылъ непоколебимъ, злу вѣщалъ: *удалися*, и угнѣтенному человѣчеству: *буди свободно*. Внутреннее признаніе достоинства, исполняетъ насъ благоговѣніемъ къ тѣмъ мужамъ, которые вселенной свѣтъ и правду даровали, и мракъ невѣжества прогнавъ, озарили ее лучами мудрости. — Таковыя изображенія представляетъ намъ исторія въ преславныхъ обладателяхъ міра, которые Скипетромъ *Кротости* миліонами управляли, и миліоны щастливыми содѣловали.

Антонинову мудрость, *Траяново* благодушіе, *Катонову* любовь къ отечеству, *Титово* милосердіе, величіе души *Густавово* и пра-

восудіе *Генрихово*, почитаемъ мы за картины достойно изображающія достоинство человѣческое — чрезъ нихъ примиряемся мы съ естествомъ произведшимъ на свѣтъ сей чудовищъ, которыя носимый ими образъ человѣческой мерзостями своими осквернили. — Потомство судитъ съ неумолимою строгостію дѣла владыкъ земныхъ; оно открываетъ ихъ добродѣтели, и раздираетъ завѣсу покрывающую ихъ пороки; — оно изслѣдываетъ жизнь ихъ вѣся дѣла ихъ на вѣсахъ справедливости. Такимъ образомъ посрамило оно память *Нероновъ* и *Измаиловъ*, память *Филипповъ* и *Христіерновъ*; а имена *Трояновъ*, *Генриховъ* и *Густавовъ* написало на вѣки во храмѣ безсмертія, воздвигнутомъ отъ чело-

вѣчества благодѣтелямъ онаго. — Когда ниспадаютъ личины раздѣляющія состоянія людскія на семъ свѣтѣ — когда разрушаются преграды отдѣляющія знатность отъ низости, и убожество отъ богатства, — и человѣкъ единственно человѣкомъ является; въ то время человѣчество безъ лицепріятія судитъ о сочленахъ своихъ опредѣленныхъ Всевышнимъ правити судьбою народовъ. - Видали и тирановъ вѣнчанныхъ лаврами сплетенными раболѣпствомъ - видали усыпанныя цвѣтами кровавыя стези ихъ — рабы и льстецы дѣла ихъ обоготворяли - злобою дышущія замыслы ихъ называли мудрыми. — Но едва обратилися они въ прежнее свое ничтожество, едва смерть низвергнула ихъ со престола; какъ про-

гнанная истина паки явилася и память ихъ погрузила въ бездну забвенія — оскорбленное ими человѣчество со слезящими еще очами вопіетъ ко престолу Всевышняго Судіи, предъ коимъ и Цари трепещутъ. Преходя съ презрѣніемъ бичей сихъ человѣческаго рода, съ какимъ удовольствіемъ созерцаемъ мы тѣхъ достойныхъ смертныхъ, которые, добродѣтели Божества на землѣ творили. Колико почтенными являются намъ, мудрый *Юліянъ*, твои владычнія добродѣтели! — Коль велика твоя мудрость! Вѣкъ нашъ, разторгнувъ оковы Іерархіи, избавилъ имя твое отъ стыда, которымъ помрачали его глупость и суевѣріе — онъ показалъ тебя свѣту образцомъ Владѣтелей, открылъ дѣла твои, которыми едва осмнад-

цать мѣсяцовъ свѣтъ наслаждался. Но коль знаменитыми творенїями, коль мудрыми законами ознаменовалося краткое сїе время? и коль затмило оно владѣнїя предшественниковъ твоихъ осквернившихъ имя *Кесарей*. — Испыталъ бы я силы свои быть твоимъ Плутархомъ. — Начерталъ бы я изображенїе возвышеннаго свойства души твоей, и истинна бы кистїю моею водила. — Но нѣкїй дражайшїй и священный долгъ зоветъ меня! Во храмѣ потомства знаменитое блещетъ имя, кое Генїй Германїи проливая слезы, незагладимыми буквами на скрыжалѣхъ безсмертїя начертаваетъ! имя сїе есть великаго обладателя Пруссїи *Фридриха*, преселившагося отъ жизни сея въ вѣчную 17 Августа

1786 года. — Не являлося никогда въ лѣтописяхъ имя его превосходящее! никогда толь рѣдкія качества не соединялись съ толикими добродѣтелями — тщетно бы искать въ воображеніи образца, по которому бы можно было начертать его. — Онъ останется всегда *Единъ* въ своемъ родѣ яко *Воинъ*, яко *Владѣтель*, яко *Философъ*! три великія имени, изъ которыхъ каждое особо имѣетъ уже право на безсмертіе. Кто когда въ такомъ совершенствѣ оныя соединялъ въ себѣ? кто соединялъ подобно ему, *твердость воина* съ *великодушіемъ побѣдителя*? *величіе владѣтеля* съ *отеческою любовію* къ послѣднему изъ подданныхъ, — *возвышенность духа* съ *философіею человѣческой жизни*, — *чувствіе до-*

стоинства своего, со *смиренїемъ* и *человѣколюбїемъ!* Кто изъ вѣнценосцевъ съ нимъ въ сихъ добродѣтеляхъ равняться могъ? Но сколь онъ превосходилъ еще ихъ со стороны *Человѣка*. Отвергнувъ должности Царей, снизшедъ на предѣлы положенные Божествомъ между собою и существами земными, кто болѣе явилъ въ себѣ истиннаго человѣка, какъ не тотъ, который презираетъ всѣ тѣ малости и мечтанїя, съ каковыми буи мїра сего являются на позорищѣ свѣта, украшая оными бренную свою храмину; который снисходя въ самово себя, мыслитъ токмо о своемъ предопредѣленїи -- которой разгоняетъ мглу его окружающую, и бездушныя оживляетъ существа --- которой человѣчество возбуждаетъ отъ

усыпленія и поощряетъ ко употребленію силъ своихъ собственнымъ своимъ примѣромъ! — *Великіе удары*, которыми онъ потрясъ половину Европы, были неотвратимыя слѣдствія, неутомимымъ его духомъ въ уединенныя часы начертаннаго обширнаго плана. *Великія творенія*, единымъ разомъ въ дѣйство имъ произведенныя, напередъ уже предуготованы и расположены были. *Великій его духъ* начерталъ совершенную *политическую систему*, превосходную *тактику*, устройство всего Государственнаго состава объемлющее всѣ части царствованія, и содѣлавшее малую землю его сильною державою, а его, судіею Европы. Какими неувядаемыми лаврами увѣнчаваетъ его человѣчество! но что зна-

чатъ завоеванія, которыми онъ вселенную приводилъ въ трепетъ? что суть мудрыя оныя политическія системы, которыми онъ Европу содержалъ въ равновѣсіи, что они суть, въ сравненіи съ просвѣщеніемъ человѣческаго ума, стенавшаго подъ игомъ невѣжества? Онъ возвратилъ человѣчеству потерянныя имъ права, истребилъ духъ гоненія, изувѣрство и закоснѣлое предразсужденіе обращать къ закону Божію огнемъ и мечемъ, обагрившее кровію человѣческою толь многія вѣки. - Братнюю любовь и вѣрность возвратилъ въ сердца человѣческія - И такъ не о *Государѣ* единомъ, и не о единомъ *Ироѣ* рыдаютъ сыны Германіи — оплакиваютъ они *мудреца вѣнценоснаго!* — *просвѣтителя своего вѣка!* — *бла-*

годѣтеля человѣчества! — Внутреннее чувствіе исторгаетъ у насъ слова сіи: — *Никогда еще свѣтъ не зрѣлъ подобнаго ему!* Когда судьба благословила насъ счастіемъ быть его современниками, то остановимся при имени его, повѣдаемъ дѣла его для насъ и для потомковъ нашихъ имъ произведенныя! - Священный долгъ повелѣваетъ намъ напечатлѣть въ душахъ нашихъ преизящныя добродѣтели, единственныя и неподражаемыя его качества. Начертаемъ *образъ его*, колико дозволяютъ намъ слабые силы наши, начертаемъ оной для потомковъ нашихъ, да возвѣстятъ тѣ сыновомъ сыновъ своихъ. — *Таковъ былъ Великій Фридрихъ!* Воины подъ его знаменами служившіе, научившіеся изъ его Тактики соединять чело-

вѣколюбїе съ Иройствомъ, прекрасное имѣютъ изображенїе величїя его въ Гибертовомъ начертанїи. Но *гражданину свѣта*, чтущему человѣка, яко *человѣка*, истинно чувствующему величїе и достоинство *человѣческое*, прїятнѣе бы было изображенїе, на коемъ бы онъ зрѣлъ *духъ Великаго Короля* въ прямомъ его видѣ, и ему то посвящаемъ мы черты сїи. -- И такъ, неожидайте совершеннаго изображенїя всѣхъ дѣлъ *Фридриховыхъ*. -- Здѣсь предлагается единое токмо обозрѣнїе великихъ произведенїй, которыми человѣчество и народъ его ему обязаны. -- Не ожидайте подробнаго повѣствованїя воинскихъ его подвиговъ и царскихъ дѣянїй: здѣсь увидите *слабыя лишъ оныхъ начертанїя* и высокость его мыслей и склон-

ностей толь совершенно *величїе его духа* означающихъ. Иройскїя его дѣла извѣстны свѣту, исторїя возгласитъ ихъ временамъ грядущимъ. -- Но великїя качества *духа* Его не могутъ быть довольно живо представлены, ибо они были лучи озарившїе кругъ земной. Чрезъ нихъ достигъ онъ высочайшей степени человѣческаго совершенства --- чрезъ нихъ приобрѣлъ онъ себѣ имя *Единственнаго*, которымъ его вѣкъ добровольно величалъ его. Кто изъ всѣхъ обладателей земныхъ былъ Ему равенъ, или равенъ быти могъ? Каждой вѣкъ производилъ своихъ Ироевъ, своихъ мудрецовъ; --- но были они таковыми во свое время по стеченїю благопрїятствующихъ къ тому обстоятельствъ. -- Такимъ образомъ прославилися *Кесари*, *Ав-*

густы, *Антонины*; -- но находимъ ли мы въ лѣтописяхъ ихъ всѣ блестящія черты, знаменующія жизнь *Фридрихову*? Обрѣтаемъ ли мы въ нихъ въ величайшей опасности неустрашимаго воина, малыми полками поражающаго многочисленные непрiятельскiе легiоны и исторгающаго побѣду и добычу изъ рукъ ихъ? -- Находимъ ли мы въ нихъ *великаго владѣтеля*, предначертавающаго себѣ мудрыя правила, и исполняющаго оныя со всею точностiю; правила, которыхъ умъ человѣческiй нн воображалъ, ниже дерзалъ о нихъ помыслить.

Если бы можно найти ему сравненiе съ однимъ какимъ Монархомъ протекшихъ вѣковъ, то развѣ со знаменитымъ и толь долго въ неизвѣстности погребеннымъ

Римскимъ Императоромъ *Юлїаномъ.* -- Въ немъ находимъ мы приключенїя подобныя тѣмъ, какїя встрѣчаемъ въ жизни *Фридриха* -- находимъ въ немъ блестящїя добродѣтели --- возвышенныя чувствованїя и великїя творенїя, въ краткое осьмнатцати мѣсяцовъ теченїе -- Царствованїе *Юлїаново* несомнѣнно содѣлалося бы однимъ изъ блистательнѣйшихъ и отличнѣйшихъ въ Римской исторїи, если бы болѣе оно продлилось; но оно было блеснувшее токмо явленїе, невѣжествомъ и тиранствомъ преемниковъ его помраченное. — Но тѣмъ паче имя его заслуживаетъ почтенїе отъ потомства, и если мы въ немъ, въ толь краткой его жизни находимъ чувствованїя, величїе духа равныя тѣмъ, кои во

Фридриховой жизни въ величайшемъ блескѣ являются, то не можемъ мы памяти его не воздать того благоговѣйнаго почтенія, которое похищено у нево въ теченіи толикихъ вѣковъ суевѣріемъ и невѣжествомъ.

Природа дары свои различнымъ образомъ на людей изливаетъ --- она поступаетъ съ сынами своими съ жестокостію мачехи и силы душевныя весьма рѣдко щедрою рукою раздѣляетъ. -- Еще во чревѣ матернемъ насаждаетъ она въ сердца ихъ сѣмена произращающія тѣ великія качества, которыя почтеніе и удивленіе производить долженствуютъ; но коль часто сіи сѣмена истребляются неукротимыми страстями! -- Коль часто на мѣсто добродѣтелей пороки,

и вмѣсто великихъ дѣлъ, дѣла постыдныя произрастаютъ? - Сколь часто удивляются рано разверзающимся душевнымъ силамъ во младенцѣ, которыя въ послѣдствіи дѣлаются источникомъ его гибели, когда не стараются въ немъ возвысить оныхъ добротою его сердца, и каждую страсть допускаютъ въ немъ возрастать и укореняться; со всѣмъ тѣмъ желательны дарованія душевныя, ибо оныя не покупаются цѣною злата, и приближаютъ человѣка къ существу Вышнему; но все зависитъ отъ надлежащаго и разумнаго употребленія силъ, которыя въ душахъ нашихъ какъ бы погруженными во снѣ пребываютъ, и кои для собственнаго нашего и сограждан нашихъ блага возбуждаемы и къ дѣятельности

приводимы быть долженствуютъ. Въ теплицѣ возращаемая роза не многіе цвѣтетъ дни; отъ легкаго дуновенія холоднаго воздуха опадаютъ ея листья: но если она возрастаетъ незащищена отъ вѣтровъ и непогоды, отъ холоду и жару, тогда распускаетъ свои листья при благорастворенномъ воздухѣ -- мало по малу разверзается, процвѣтаетъ и исполняетъ воздухъ благовоніемъ. -- Мы видимъ въ ней образъ человѣка, который въ юныхъ своихъ лѣтахъ будучи воспитанъ въ нѣгѣ, не имѣетъ довольно крѣпости и мужества къ перенесенію обуреваній свѣта: но если въ юности своей научился онъ противуполагать бодрственность и рѣшимость духа ударамъ судьбы, -- если онъ въ училищѣ

превратностей научился быть человекомъ, то несомнѣнно достигнетъ того величїя и совершенства, которыя вознесутъ его превыше другихъ человѣковъ. —— Тако были обременены горестїю и младыя лѣта *Великаго Фридриха*; тако испыталъ онъ во цвѣтѣ дней своихъ пораженїя рока, и умѣлъ себѣ прїобрѣсти ту бодрость, которая служила ему подпорою во всѣхъ противныхъ случаяхъ его жизни. - Если Цари воспитываяся въ нѣгѣ и сладострастїи не знаютъ что есть горесть и превратность — если однѣ шумныя забавы занимаютъ дни ихъ и ночи сокращаютъ -- если среди льстецовъ своихъ ничего не слышатъ кромѣ похвалъ, и не знаютъ что внѣ двора ихъ въ свѣтѣ происходитъ, то мало по малу слага-

ютъ съ себя образъ человѣка, и обрѣтая въ діадимѣ удовлетвореніе всѣмъ своимъ желаніямъ, становятся *деспотами*, *сластолюбцами* и *рабами страстей своихъ* --- забываютъ счастіе своихъ народовъ, мысля въ заблужденіи чувствъ своихъ, что они *для нихъ* единственно созданы -- но Царь, знающій страданія человѣчества, претекшій заблаговременно терніемъ устланный путь, который ему напоминаетъ трудности сея скоротечныя жизни, ополчаетъ сердце свое бодростію на всякіе случаи, научается чувствовать горести человѣческія и принимать участіе въ скорьби другихъ человѣковъ своей собратіи, чувствуетъ внутреннее убѣжденіе, что судьба для того единственно возложила на

главу его блестящій вѣнецъ владыкъ, да подастъ отраду своему народу, и счастіе его устроитъ. Сѣмена тѣхъ великихъ добродѣтелей, которыя *Фридрихъ* явилъ свѣту, были уже насажденны отъ рожденія въ душѣ его, но ихъ надлежало возрастить, образовать и довести до зрѣлости; сіе было главнѣйшее упражненіе во дни его юности. -- Отеческою строгостію сосланъ будучи въ *Кистринъ* - живучи въ *Рейнсбергѣ* подобно уединенному *Тессину* -- тамо учился онъ познавать человѣка изъ образцовъ древности, свелъ знакомство съ мудрецами обнажившими ничтожество человѣчества -- тамо научался онъ мудрости въ такихъ лѣтахъ, когда всѣ желанія стремятся единственно къ забавамъ -- та-

мо навыкъ онъ обуздывать стремленіе страстей, управлять склонностями и итти по стезямъ добродѣтели. -- Тако творенія *Светонія* и *Кесаря* образовали будущаго Ироя, со временемъ пожавшаго больше ихъ еще себѣ лавровъ -- тако примѣромъ *Антонина* и *Марка Аврелія* образовался сей великій духъ и послѣ всю Европу научилъ мыслить -- отъ *Траяна* и *Генриха* научился быть *Отцемъ* отечества, и послѣ всѣхъ ихъ въ томъ превзошелъ -- тако содѣлался мудрецомъ, другомъ музъ и любителемъ всякаго знанія, - когда умъ его почерпнулъ уже всѣ красоты изъ источниковъ древности, онъ тщился заимствовать оныя и отъ тѣхъ знаменитыхъ образцовъ, какіе въ то время Франція изключительно предъ всѣми на-

родами имѣла. Германія тогда въ глубочайшемъ была погружена бездѣйствіи, мгла невѣжества и суевѣрія простирала еще мрачный свой покровъ надъ нею, и небольшее лишь число мудрецовъ появлялися и паки изчезали непримѣтно. *Вольфъ* возжегъ пламенникъ просвѣщенія, но гонимый невѣжествомъ и признанный за еретика принужденъ былъ удалиться. – Собраніемъ превосходныхъ умовъ, наставленіями *Iордановъ*, *Альгаротіевъ* и д' *Аламбертовъ* пріобрѣлъ *Фридрихъ* отличную любовь и склонность къ Французскому письмословію, а чрезъ оное и привязанность ко всѣмъ учрежденіямъ Франціи; обожалъ единую токмо Галліи музу, которой таинствомъ посвятилъ его *Волтеръ*. Колико еще въ то время по-

читалъ онъ сего великаго *философа* и *просвѣтителя своего вѣка*, доказываетъ первое его къ нему письмо, писанное отъ 8 Августа 1736 года: и какъ изъ онаго видѣть можно, сколь сей двухлѣтній Государь былъ глубокъ въ умозрительной философіи и тонокъ въ красотахъ Французскаго языка, то оно здѣсь заслуживаетъ себѣ мѣсто:

Государь мой!

„Хотя я не имѣю удовольствія знать „васъ самолично, однако же тѣмъ не ме-„нѣе знакомы вы мнѣ по твореніямъ ва-„шимъ. Творенія обработанныя съ толи-„кимъ вкусомъ, что красоты ихъ сколь-„ко бы кто ни читалъ, всегда новыми „кажутся, почитаю я драгоцѣнными ума „произведеніями. Думаю, что открылъ „я въ нихъ истинное свойство сочи-

„нителя ихъ приносящаго толь великую „честь нашему вѣку и уму человѣческому.

„Если бы когда возгорѣлся опять „споръ о превосходствѣ новыхъ и древнихъ писателей, то великіе умы нынѣшняго времени вамъ, единственно „вамъ обязаны будутъ, что имъ сіе „преимущество было бы уступлено. Ибо „имъ только стоитъ на васъ сослаться, „то побѣда уже и въ ихъ рукахъ.

„Вы соединяете съ качествомъ превосходнаго стихотворца множество „другихъ преимуществъ, и обладаете „познаніями, которыя хотя имѣютъ нѣкоторой союзъ съ поезїю, но они въ „первые присвоены ей единственно перомъ вашимъ. Никогда Пїитъ не измѣрялъ стопами метафизическихъ мыслей; первому вамъ честь сїя предоставлена.

„Вкусъ къ философїи изъявляемый „вами въ творенїяхъ вашихъ, побуждаетъ меня доставить вамъ переводъ „обвиненїя и оправданїя Г. *Вольфа*, зна-

„менитѣйшаго изъ философовъ нашего „вѣку, котораго съ жестокостїю порицаютъ въ беззаконїи и безбожїи за „то, что онъ озарилъ свѣтомъ темнѣйшїя мѣста метафизики, и что сїи „трудныя матерїи предложилъ возвышеннымъ и яснымъ слогомъ.

„Таковъ жребїй веeликихъ мужей: „высокїй умъ ихъ подвергаетъ ихъ „изощренному и ядовитому жалу клеветы и зависти. Я также заставилъ перевести творенїе начертанное „перомъ того же сочинителя, о *Богѣ*, „*душѣ* и *мїрѣ*. Пришлю вамъ оное, какъ „скоро окончено будетъ, и уповаю, что „сила истинны тронетъ васъ и убѣдитъ во всѣхъ его предложенїяхъ, ко„торыя одно изъ другаго геометрически слѣдуютъ, и все между собою соединены непрерывною цѣпью.

„Благоприятство и споспѣшествованїе являемое вами всемъ, кои себя посвящаютъ наукамъ и художествамъ, подаютъ мнѣ надежду, что вы не исключите и меня изъ числа тѣхъ, кото-

„рыхъ находите достойными наста-
„вленія вашего. Подъ симъ я разумѣю
„письменную съ вами переписку, кото-
„рая не можетъ не быть полезна каж-
„дому мыслящему существу. Я употре-
„бляю собственныя слова ваши, осмѣ-
„люся даже утверждать, ни мало не
„унижая достоинства другихъ, что во
„всемъ свѣтѣ никто не найдется, чьимъ
„бы вы не могли быть наставникомъ.

„Не обременяя васъ лестію недо-
„стойною вашего слуха, могу вамъ ска-
„зать, что я нахожу безчисленныя кра-
„соты въ твореніяхъ вашихъ. *Генріяда*
„ваша меня плѣняетъ, и славно торже-
„ствуетъ надъ безразсудною сдѣланною
„на нее критикою. Трагедія *Кесаря* пред-
„ставляетъ вездѣ строго поддержанные
„характеры, мысли всѣхъ ея лицъ спра-
„ведливы и высоки; и читая ее, чув-
„ствуешъ, что *Брутъ* былъ или Римля-
„нинъ, или Агличанинъ. *Альзира* съ пре-
„краснѣйшимъ слогомъ соединяетъ сча-
„стливое противуположеніе дикихъ нра-
„вовъ съ Европейскими. Въ характерѣ

„*Гусмановомъ* показываете вы, что ло-„жно понимаемое и слѣпою ревностїю „водимое христїянство, лютѣе самаго „безбожїя. Великїй Корнеллїй, ко-„ему въ его время весь свѣтъ дивился, „если бы воскресъ во дни наши, уви-„дѣлъ бы со удивленїемъ, а можетъ быть „и съ завистїю, что Мельпомена васъ „осыпаетъ изобильно дарами, которы-„мы къ нему иногда скупилась.

„Чего не должны мы ожидать отъ „сочинителя толь превосходныхъ тво-„ренїй? Какихъ новыхъ чудесъ не пред-„ставитъ намъ перо начертавшее съ „толикимъ остроумїемъ и тонкостїю „*храмъ вкуса*?

„Вотъ причина, для которой я толи-„ко желаю всѣхъ вашихъ творенїй: прошу „васъ, государь мой, одолжить меня ими, „и доставить мнѣ всѣ безъ изключенїя. „Если между рукописями находятся та-„кїя, которыя вы изъ предосторожно-„сти не разсуждаете за благо предста-„вить свѣту, то обѣщаюся вамъ хра-

,,нить ихъ въ тайнѣ; одинъ токмо ими
,,довольствоваться буду. — Знаю я къ
,,сожалѣнію, что въ нынѣшнія времена
,,мало вѣрятъ словамъ Государей; надѣ-
,,юся однако, что вы не послѣдуете
,,общему предразсужденію, и что ради
,,меня изъ сего правила сдѣлаете изклю-
,,ченіе. Имѣть сочиненія ваши почитаю
,,я имѣть больше, нежели всѣ презри-
,,тельныя и тлѣнныя дары фортуны,
,,которые какими случаями приходятъ
,,такими и изчезаютъ; а творенія мож-
,,но себѣ присвоить помощію памяти и
,,тогда они у насъ останутся до тѣхъ
,,поръ, пока ее имѣть будемъ. Зная сла-
,,бость памяти своей, я долго колѣблюся
,,въ избраніи того, что достойнымъ
,,нахожу предать ей.

,,Если бы стихотворство въ преж-
,,немъ еще было состояніи, если бы
,,стихотворцы не умѣли ничего болѣе
,,составить, кромѣ скучныхъ идилій,
,,единообразныхъ еклогъ, не вкусныхъ
,,стансовъ, или хотя иногда могли бы

„настроить свои лиры и для воспѣтія „кому похвалы, то бы навсегда я отъ „поезіи отказался. Но вы сему иску- „ству придаете новую цѣну, вы неизвѣ- „стные доселѣ намъ показываете пути, „которыхъ не вѣдаетъ и Руссо.

„Стихотворенія ваши имѣютъ тѣ „достохвальныя качества, которыми за- „служиваютъ отъ всѣхъ уваженіе и дѣ- „лаютъ ихъ достойными чтенія каж- „даго.

„Онѣ по всюду заключаютъ нравоу- „ченіе, изъ котораго мыслить и посту- „пать научаться можно: изображена въ „нихъ добродѣтель прелестнѣйшими „чертами, въ нихъ опредѣлено понятіе „прямой славы и вы раждаете ими вкусъ „къ наукамъ толь тонкимъ и чувстви- „тельнымъ образомъ, что всякъ, кто „бы токмо ни читалъ сочиненія ваши, „не можетъ не почувствовать искрен- „няго желанія къ той чести, чтобъ „быть вашимъ послѣдователемъ. Сколь- „ко разъ ни говорилъ я самъ себѣ:

,,оставь бремя несоразмѣрное твоимъ ,,силамъ; не льзя подражать Волтеру не ,,родившись Волтеромъ. Тогда то я ,,чувствовалъ, что преимущества рода ,,мало или и совсѣмъ ничего не значатъ. ,,Сїе отличїе украшаетъ одну токмо ,,наружность: коль превосходнѣе ихъ ,,дарованїя душевныя!

,,Чемъ не обязаны мы подвизающим-,,ся въ наукахъ и художествахъ? А ,,долгъ Царей есть награждать неусып-,,ные труды ихъ. Для чего слава не ме-,,ня избрала вѣнчать ваши успѣхи! развѣ ,,того бы единаго опасался, что земля ,,моя будучи неплодоносная лаврами, ,,не моглабы столько произвести, сколь-,,ко творенїя ваши заслуживаютъ. Если ,,судьба толико мнѣ неблагопрїятна, ,,что не дозволяетъ мнѣ владѣть вами, ,,то по крайней мѣрѣ подайте мнѣ на-,,дежду, что я могу видѣть того, кому ,,съ толь давнаго времени издалека уди-,,вляюсь, и увѣрить васъ изустно, что ,,я со всѣмъ почтенїемъ должнымъ тому,

„которой цѣлїю своею единственно по-
„ставляетъ изысканїе истинны, посвя-
„щая труды свои мїру, на всегда остаюсь

Государь мой

преданный вамъ другъ

Фридрихъ, наслѣдникъ Прусскїй.

Городъ Рейнсбергъ содѣлался жилищемъ мудрецовъ; въ немъ составился ученой Ареопагъ, котораго первымъ членомъ былъ *Фридрихъ*; въ немъ приносилися жертвы музамъ и дружбѣ -- въ немъ соединялися вкусъ и чувства, и душа посвящалася возвышеннымъ мыслямъ, отвлекающимъ ее отъ всякихъ мятежныхъ забавъ мїра и наполняющимъ понятїями прямо отличающими образованной умъ; здѣсь то произведено преславное *творенїе*, въ которомъ младой наслѣдникъ

престола опровергаетъ вредныя правила *Махіавеля*, даетъ Царямъ наставленіе, какъ они должны владѣть скипетромъ, и какъ бы онъ самъ владѣть онымъ желалъ. Какими возвышенными мыслями исполнено сіе твореніе! -- мыслями, означающими прямо *великій умъ* и *благородство* духа: разсмотримъ оба сіи важныя качества, разсмотримъ въ молодомъ Государѣ *наставника Царей* и *друга человѣчества*. Онъ предпринимаетъ защищать человѣчество противу чудовища стремящагося на истребленіе онаго. --- Лжемудрованіямъ и порокамъ противуполагаетъ онъ разумъ и справедливость -- научаетъ Государей, что истинная политика состоитъ единственно въ томъ, что бы имъ *подданныхъ своихъ превосходить до-*

бродѣтелями, дабы они не были принуждены въ другихъ осуждать то, къ чему соблазняютъ примѣромъ своимъ -- показываетъ имъ, что для пріобрѣтенія незыблемой славы неблестящія требуются дѣла, но такія, которыя бы имѣли предмѣтомъ благосостояніе человѣческаго рода. Государи, говоритъ онъ, бывшіе *человѣками* не бывъ еще Царями, могутъ помнить то, что они были, и не такъ скоро привыкаютъ къ ласкательствамъ; но царствовавшіе во весь вѣкъ свой, питаются подобно Богамъ, однимъ токмо куреніемъ похвалъ, и жизнь бы ихъ пресѣклася отъ истощенія силъ, если бы прекратилось таковое имъ приношеніе. -- Государи почитающіе подданныхъ своихъ рабами своими, безъ милосердія

своимъ прихотямъ ими жертвуютъ и теряютъ ихъ безъ жалости; но Государи чтущїе людей за подобныхъ себѣ, и народъ за тѣло ими одушевляемое, щадятъ кровь подданыхъ своихъ -- все сїе сочиненїе исполнено кротостїю *и любовїю человѣчества, ненавистью къ неправдѣ и тиранству, ревностью ко благу человѣческаго рода, и къ счастїю каждаго гражданина.* Съ такимъ правдолюбїемъ начерталъ онъ Царямъ ихъ должности, коихъ исполненїе поставилъ онъ себѣ закономъ непреложнымъ, и сей ко истиннѣ и познанїю всегда стремящїйся духъ возбуждалъ онъ ко всякой наукѣ: -- то старался изыскивать силы и таинства природы въ путяхъ ея -- то наставленїями *Евклида* и *Вольфа* упраж-

нялъ свою душу. Съ неутолимымъ желанiемъ искалъ онъ прямо постигнуть человѣка, разбиралъ склонности и дѣла его, отъимал у сна ночи, что бы духъ свой обогатить новыми открытiями и прiобрѣсти всѣ великiя качества, кои бы со временемъ содѣлали его колико великимъ, толико и благодушнымъ Государемъ.

Смерть отца его послѣдовала въ 1740 году и онъ вступилъ на упразднившiйся престолъ. -- Вся *Еврола* устремила на него взоръ свой -- народы его приносили клятву вѣрности не одной *дiадимѣ*, но и *величiю души* того, которая оную какъ *ло достоянiю*, получалъ отъ судьбины -- музы воспѣли съ *Волтеромъ*: *явился день блаженной, день, въ которой философъ воз-*

сѣлъ на престолѣ. Вѣнчанный на царство *Фридрихъ* съ величїемъ въ первой разъ вступилъ въ собранїе вельможей государства: *до сихъ поръ былъ я вашимъ сочленомъ; теперь я Государь надъ вами; но никогда не премину быть вашимъ другомъ*: тако вѣщалъ онъ, и симъ уже привлекъ къ себѣ всѣ сердца. Онъ первѣе всего желалъ принести жертву любви сыновнїя праху отца своего. -- Онъ претерпѣвалъ отъ него оскорбленїя, но оныя не уменьшили въ немъ благоговѣнїя и любви, кои всегда въ сердцѣ его запечатлѣны были. -- Въ Бранденбургской исторїи говоритъ онъ о отцѣ своемъ: „что сей Государь „имѣлъ въ семействѣ своемъ дома„шнїя безпокойства, но что по„томство должно проститъ *сы-*

„*намъ* ихъ проступки ради *заслугъ*
„*отцовъ ихъ*.„

Съ возможнымъ великолѣпїемъ предалъ онъ погребенїю тлѣнные остатки отца своего — съ сыновнимъ почтенїемъ произносилъ онъ имя его — чтилъ его установленїя, и перемѣнилъ только то, чего благо Имперїи, обстоятельства, и перемѣнившїйся образъ дѣлъ необходимо требовали. Достойную супругу свою встрѣтилъ онъ слѣдующими словами:„ всѣмъ подданнымъ
„моимъ извѣстно, Государыня, ка-
„кимъ образомъ я приступалъ съ
„вами ко олтарю. Вы сами знаете,
„какъ я съ той самой минуты жилъ
„съ вами: сїи слова заставляютъ
„васъ можетъ быть помыслитъ,
„что я теперь, имѣя въ своей вла-
„сти поступки свои, разорву со-

„юзъ, въ которой вступилъ по при-
„нужденїю, и котораго никогда
„не исполнилъ. Но знайте, Госу-
„дарыня что *терпѣнїе ваше, нѣж-*
„*ность, любви достойныя ваши ка-*
„*чества и добродѣтели*, давно мнѣ
„глаза открыли, хотя я нѣчто
„врожденное въ себѣ имѣю, назо-
„вите то какъ вамъ угодно, что не
„дозволяло мнѣ изъяснить вамъ
„моихъ чувствованїй прежде неже-
„ли я могъ сдѣлать сїе такимъ
„образомъ, которой бы васъ и весь
„свѣтъ увѣрилъ, что сїе есть дѣй-
„ствїе единственно *моей воли.*
„Время теперь къ тому приспѣло,
„и я зову васъ дѣлить со мною
„престолъ, котораго вы толико
„достойны.„ Потомъ взявши ее за
руку привелъ предъ собранїе дво-
ра и говорилъ: „вотъ ваша Коро-

„лева.„ -- Сколь велики и благородны сіи чувствованія, столько и заслуживала ихъ Государыня толико отличившаяся великостію духа, кротостью сердца и пріобрѣтшая себѣ отъ всего народа любовь, которую донесь ей хранятъ сердца истинно умѣющихъ цѣнить ея добродѣтели. Въ письмѣ къ областнымъ правительствамъ, которымъ Король возвѣстилъ смертъ отца своего, изъясняется онъ слѣдующимъ образомъ: „первое попеченіе наше „стремиться будетъ къ тому, что „бы споспѣшествовать благу Госу„дарства и каждаго подданнаго „творить довольнымъ и щастли„вымъ. Не угодно намъ, что бы вы „утѣсненіемъ подданныхъ стара„лися обогащать насъ; но паче же„лаемъ что бы вы цѣлію своею по-

„ставляли выгоды государства и „наши собственныя, которыхъ мы „неразличаемъ.„

Какъ философъ чувствовалъ *Фридрихъ* всю важность и все пространство Царскаго сана. Коль безчисленныя и важныя открывалися въ семъ должности! -- книга *человѣческихъ упованій* лежала предъ нимъ разверста -- всѣ оныя исполнить ему надлежало -- основать счастіе тысящей и *свою собственную славу* -- защитить отъ зависти, несогласія и отъ всякаго оскорбленія *достоинство своей короны* и утвердить *славу своихъ предковъ*. Коль гибельная высота представляется уму человѣческому -- коль многіе претыкалися -- ниспадали въ пропасть и теряли все отъ того, что сохранить не умѣли. -- *Быть не-*

ограниченнымъ обладателемъ милїоновъ людей, сїя мысль имѣетъ нѣчто въ себѣ великое; человѣкъ, прельщающїйся одними наружными видами, судящїй обо всемъ по одному блеску, а не по тягости носимой Царями на раменахъ своихъ, останавливается мыслями своими при одномъ величествѣ и пышности, и не знаетъ ничего выше и желательнѣе сего; но философъ знаетъ, что съ возвышенїемъ *сана*, и *должности* возрастаютъ. Онъ знаетъ, что должности Владѣтелей колико обширны, толико важны и безчисленны. Дабы исполнить ихъ безъ роптанїя и со всею точностїю, потребно *величайшее силъ человѣческихъ напряженїе*, потребенъ *безпрестанно дѣйствующїй духъ*, которой бы новые находилъ пути,

и новыя дѣла производить могъ; *какая бодрость во опасности! какая неустрашимость въ несчастіяхъ! какая твердость въ неудачныхъ опытахъ! какое преодолѣніе страстей!* Всѣ сіи добродѣтели сколь нужны, что бы быть достойнымъ Владѣтелемъ; но что бы быть таковымъ не по одной наружности, а *самымъ дѣломъ*, не долженъ Государь никогда преставать *быть человѣкомъ*: союзъ сопрягающій его съ человѣчествомъ, долженъ онъ болѣе и болѣе стараться утвердить, *любовію и снисхожденіемъ*, а не ослаблять тиранствомъ и роскошію.

Фридрихъ былъ *добрый Король*, отъ того, что былъ добрый *человѣкъ* -- онъ былъ *великій Государь* отъ того, что умѣлъ обладать страстями своими -- отъ то-

го, что онъ всегда помнилъ, что Владѣтель долженъ быть *Отцомъ своего народа.* Онъ *мудрый былъ Король* отъ того, что заблаговременно образовалъ духъ свой и обогатилъ его познанїями. -- Онъ былъ *единъ* въ своемъ родѣ потому, что *благодушїе*, *величїе* и *мудрость* совершенно соединять умѣлъ --- тѣмъ, что великїя дарованїя умѣлъ возвышать великими добродѣтелями и употреблять ихъ къ счастїю народа. Въ цвѣтущихъ лугахъ которыми естество украсило окрестности *Рейнсберга*, возрасло желанїе въ душѣ его быть тѣмъ, чѣмъ никто прежде его не бывалъ --- быть *добрымъ Государемъ* и *порфироноснымъ философомъ*: воцарился онъ и мысль сїя созрѣла -- изъ рукъ его произошли совершен-

ныя творенія *Царской науки*, *законодательства* -- *система* во всѣхъ частяхъ совершенная, коей Цари подражать старались, и недостигли. *Великій духъ его* узрѣвъ суевѣріе господствующее самовластно, и духъ предразсудка поработившій сыновъ человѣческихъ расторгнулъ узы изувѣрства и рабства толь уничижительнаго для человѣковъ, и разторгнувъ оныя вѣщалъ: „будьте свободны и счастли„вы -- употребляйте силы разума „своего, и наслаждайтеся свобо„дою мыслить и чувствовать, коею „божество тварей своихъ одарило „для отличія ихъ отъ безслове„сныхъ животныхъ.„ Братъ возставалъ противу брата отъ разномыслія въ вѣрѣ. -- Гонимыхъ бралъ онъ подъ покровъ свой -- изгнаннымъ

изъ Франціи давалъ убѣжище и принималъ въ службу. -- Онъ самъ былъ наставникомъ въ терпимости вѣръ и въ человѣколюбіи -- скоро распространилося ученіе сего любомудрствующаго Государя -- возженный пламенникъ просвѣщенія вскорѣ воспылалъ и озарилъ тьму -- со стыдомъ уклонилися служители суевѣрія -- сыны Германіи не могли сносить сего блистанія, но малое число мудрецовъ, надъ коими ослѣпленіе вѣка власти не имѣло, почувствовали приближеніе божества, и счастливыми себя почитали, что дожили до сихъ временъ. Такими то великими дѣлами изліянными ко благу человѣчества пріобрѣлъ себѣ *Фридрихъ* уже *удивленіе свѣта -- почтеніе своихъ современниковъ и неизмѣнную любовь*

своего народа. Тронутое человѣчество свободяся отъ ига рабства, поднесло ему пальмы и назвало его своимъ избавителемъ. Но судьба еще ему плела вѣнецъ *побѣдителя*, котораго достойнымъ его вся *Европа* и даже *отдаленные концы свѣта* признали. Цѣлыя семь лѣтъ проведенныя среди военнаго шума, въ кровавыхъ бояхъ и въ грозящихъ опасностяхъ, усовершили военныя добродѣтели неизвѣстныя намъ дотолѣ. Среди величайшихъ опасностей познали мы прямаго философа, коего мужество и сила и тогда пребывали непоколебимы, когда все окрестъ его разрушалось, -- коего великїй духъ никогда не упадалъ подъ ударами судьбины, но среди опасностей *Кесареву* являлъ бодростъ и *Гекторову* крѣпостъ. На

кровавыхъ поляхъ брани, стяжалъ онъ себѣ ту блестящую славу, коея Ирои прежнихъ вѣковъ у него оспоривать не могутъ. Славу сïю еще возвысило всегда на дѣлѣ оказываемое имъ *человѣколюбïе*, — онъ утѣшалъ скорбныхъ, помогалъ нуждающимся, старался о исцѣленïи уязвленныхъ, и неисцѣлимымъ подавалъ утѣшенïе и отраду. Такимъ образомъ содѣлался онъ *великимъ* и *благороднымъ Ироемъ*, и соединенïемъ *величïя съ мужествомъ* — *неустрашимости съ человѣколюбïемъ* - *личныя храбрости съ благодушïемъ*, былъ онъ *единственнымъ въ числѣ Ироевъ*.

Въ слабыхъ сихъ чертахъ служащихъ основанïемъ къ изображенïю характера сего Великаго Государя, видимъ мы толь различныя величïя,

что единому его только выспреннему духу оныя совокупить было возможно. Мы находимъ добродѣтели великія и неподражаемыя душевныя дарованія обыкновенному уму непостижимыя. Начертать ихъ токмо перо наше слабо, кольми паче достигнуть оныхъ, -- но когда силы наши слабы изобразить *Гогартову линію красоты и совершенства*, что бы предъ лице свѣта представить изображеніе достойное сего Великаго Государя, то по крайней мѣрѣ представимъ его таковымъ, какъ онъ вездѣ толь видимо являлся, какъ онъ поступалъ въ различныхъ положеніяхъ дѣятельной своей жизни, не входя въ безплодныя изысканія, какія бы могли быть причины побудившіе его къ онымъ: ибо въ семъ удовольство-

ваться уповаемъ изъ *собственныхъ* *его* оставленныхъ намъ творенiй.

Разсмотримъ доказательства *великихъ качествъ* и *добродѣтелей его* изъ собственныхъ *дѣлъ* его и *словъ* -- разсмотримъ *Фридриха* въ трояком пути его жизни, какъ *воина*, -- какъ *Государя* и какъ *мудреца*. -- А открывши непреложныя доказательства добродѣтелей и дѣянiй его -- открывши великiя благотворенiя имъ на человѣчество излiянныя, возчувствуемъ мы долгъ свой, и чемъ мы обязаны памяти его; созерцанiе добродѣтелей его воспламенитъ сердца наши любовiю къ добрымъ дѣламъ, и подвигнетъ ревность нашу къ достиженiю въ нашей сферѣ того же совершенства, коего онъ достигъ во своей.

Кто можетъ взирать спокойнымъ окомъ на утрату, какую Европа претерпѣла смертїю Фридриха Великаго? Развѣ недругъ просвѣщенїя и человѣчества!

Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ умовъ, каковыхъ природа во многїя столѣтїя мало производитъ, кои суть велики во всѣхъ своихъ предпрїятїяхъ, кои ничего для себя малаго не обрѣтаютъ, ибо и самые малѣйшїе вещи умѣютъ обратить въ пользу человѣческаго рода, кои всѣ трудности мужественно преодолѣваютъ, кои распространяютъ свѣтъ тамо, гдѣ обыкновенный разумъ вѣчно ничего не видитъ, и все отъ себя и сами собою предпрїемлютъ.

Весьма несвойственнымъ образомъ всегда почти разсматривали сего великаго мужа со стороны единыхъ токмо побѣдъ и завоеванїй. Писатели дѣянїй

его, коихъ онъ еще при жизни своей имѣлъ уже болѣе, нежели иной Государь по смерти, всѣ почти изображаютъ правленіе его единственно съ военной стороны, ничего болѣе намъ не предлагаютъ кромѣ битвъ и осадъ, забывая достопамятнѣйшую правленія его отличность. Фридрихъ Великій обладалъ всѣми дарованіями преславнаго Ироя; но оныя уступали усердію его творить щастіе своея державы. Если онъ когда извлекалъ свой мечь, если страшныя свои войска выводилъ когда на брань, то дѣлалъ сіе единственно въ томъ намѣреніи, дабы легче и надежнѣе достигнуть сего конца, который во все время его царствованія всегда былъ предъ его очами. Нечаянные военные его подвиги, предпріятые имъ стремительно, утвердили мнѣніе Европы, которая долгое время ничего въ немъ не зрѣла кромѣ полководца, а на важнѣйшія его заслуги совсѣмъ почти вниманія своего не обращала. Мирныя его дѣянія въ нѣдрахъ самаго отечества производились безъ шума; они мздоимными

новостей писателями не были разглашаемы во всѣхъ земляхъ; слѣдовательно проходили безъ общаго вниманія, по чему и занималися всѣ единою токмо новою Тактикою, скорою пальбою Прусскаго войска и Королевскими побѣдами. Фридрихъ безъ сомнѣнія и въ семъ былъ великъ; но величіе сіе не было его единственное и высочайшее величіе. Войски отцомъ его для виду только содержанные, премѣнилъ онъ въ прямыхъ воиновъ, знатно оные умножилъ, обучилъ ихъ новому военному искуству, и предводительствуя ими, одержалъ многія съ ряду знаменитыя побѣды, каковыхъ никакой до его полководецъ такимъ образомъ и противу толь многихъ непріятелей вдругъ не одерживалъ. Но все сіе въ очахъ правосуднаго наблюдателя по тому токмо причисляется къ величію его, что онъ чрезъ то сохранилъ равновѣсіе противъ нѣкоихъ державъ, пришелъ въ состояніе поддержать права Нѣмецкой Имперіи и Прусскому владѣнію пріобрѣлъ высокій степень почтенія и уваженія

въ политической системѣ, и тѣмъ усугубилъ благоденствіе своего государства, поелику оное привелъ въ такое оборонительное состояніе, что не каждой по своему желанію дерзалъ нападать на него безъ наказанія. Если Фридрихъ былъ великій полководецъ, прозорливый воинъ, которой окончаніе сраженія могъ столь же почти вѣрно вычислить какъ математическую задачу, то былъ еще болѣе великъ въ дѣлахъ государственныхъ или если позволенно будетъ употребить слова его похваловѣщателя: „не онъ ли то былъ самой, которой превосходнымъ даромъ краснорѣчія, тонкости и вкуса каждаго могъ пріобрѣсти дружбу по своему желанію? установилъ сношеніе съ другими государствами, заключилъ съ ними постановленія и союзы?„ И не онъ ли былъ, тотъ самый, которой благоразуміемъ своихъ переговоровъ, непріятелей своихъ обращалъ въ пріятелей больше, нежели своимъ оружіемъ, уничтожалъ дѣланные противу его оковы,

и до удивленія противорѣчущіе пользы Нѣмецкихъ Князей согласилъ и соединилъ, когда дни его къ концу уже приближались!

И среди военнаго шума, среди различныхъ между собою сопряженныхъ дѣлъ, кои множество обыкновенныхъ умовъ съ трудомъ моглибъ производить, имѣть еще попеченіе о безчисленныхъ Государственныхъ нуждахъ, все самому видѣть, самому слышать и самому дѣйствовать, въ семъ то состоитъ высочайшая степень величія, до котораго человѣкъ достигнуть можетъ. Онъ былъ тотъ, которой въ теченіе семи лѣтъ велъ войну не обременивъ подданныхъ своихъ ни малѣйшими налогами, кромѣ тѣхъ, кои они обыкновенно давали въ мирное время. Онъ области свои даже и тѣ самыя, для коихъ природа отнюдь не была щедродательна, превратилъ въ поля благословенныя, распространилъ повсюду изобиліе посредствомъ водопроводовъ, умножилъ число жителей, оживотворилъ прилѣжность къ рукодѣліямъ и художествамъ,

подавалъ помощь бѣднымъ, пострадавшимъ отъ общихъ народныхъ бѣдствій, яко истинный чадолюбивый отецъ, вожжегъ пламенникъ просвѣщенія и великимъ своимъ примѣромъ явилъ свѣту, что совершенная свобода мыслей, всеобщее всѣхъ вѣръ терпѣніе, вольность книгопечатанія, отнюдь не противоборствуютъ благосостоянію Государства. Онъ притупилъ жало ябеды, добрыми законами и попечительнымъ оныхъ наблюденіемъ обезопасилъ жизнь и стяжаніе своихъ подданныхъ отъ кровожаждущихъ и мздоимныхъ судей, и до самого пресѣченія жизненныя своея нити былъ упражненъ благомъ человѣчества и твореніемъ щастія своихъ подданныхъ. (*)

Таковъ былъ Фридрихъ! не токмо Ирой, не токмо Министръ, но и благо-

---

(*) Послѣднее его бесѣдованіе съ Францомъ касалось между прочимъ до приведенія въ лучшее состояніе больницъ. Важное дѣло къ уменьшенію бѣдствій человѣческихъ!

душный отецъ своихъ подданныхъ, другъ и споспѣшествователь блага и великъ во всемъ, что человѣка творитъ знаменитымъ, и возвышаетъ его превыше самого себя.

Какой предмѣтъ для дѣеписателей можетъ быть обильнѣе — но для дѣеписателя философа, въ благороднѣйшемъ смыслѣ слога — какъ описанiе жизни Фридриха Великаго. Я увѣренъ, что въ то самое время, какъ сiе пишу, писатели во всѣхъ странахъ свѣта занимаются описыванiемъ его дѣянiй или стихами или свободнымъ словомъ: ибо онъ всѣхъ даже тѣхъ самыхъ, кои порицать его старались, привлекалъ на себя вниманiе. Можетъ быть развѣ будущiй вѣкъ произведетъ человѣка, который будетъ имѣть дарованiя, чтобъ описать его достойнымъ образомъ; но для сего ни кого я не порицаю, кто усиливается вознестися до сего предмѣта; ибо не возможно довольно описать сего Государя, ниже довольно ему надивиться. И сiи листы

могутЪ быть посвящены памяти его: ядЪ лести ихЪ не заражаетЪ; ибо будучи самЪ подданнымЪ нѣкоего благодушнаго Государя, не хочу я льстить ни единому земному Монарху; но я чтилЪ сего великаго мужа отЪ юности моей, сЪ радостнымЪ сердцемЪ сравниваю его сЪ великими мужами протекшихЪ временЪ, во многомЪ его нахожу большимЪ ихЪ, чувствую утрату, которую человѣчество лишась его претерпѣло, сЪ толикою же скорбїю, сЪ какою вѣрнѣйшїй подданный его ощущать можетЪ, и при всемЪ столько еще я щастливЪ, что могу нѣчто сказать обЪ немЪ не совсѣмЪ его недостойное. —

ФридрихЪ Великїй родился вЪ Берлинѣ Генваря 24 дня, 1712 года. ОнЪ былЪ третїй сынЪ Короля Фридриха Вильгельма бывшаго еще тогда НаслѣдникомЪ и Софїи Доротеи изЪ БраушвейгЪ-Линнебургскаго дому. ЕпископЪ Берскїй крестилЪ его 31 Генваря. Воспрїемники, изЪ которыхЪ однако же ни кто не присутствовалЪ, были: Римской ИмператорЪ

Карлъ шестый, вдовствовавшая Принцесса Вильгельмина Амалія, Царь Петръ Великій, Высокомощные господа Генеральные Штаты, правители округа Бернскаго, тогдашній Курфирстъ Ганноверскій бывшій по томъ Королемъ Аглинскимъ Георгій II, и напослѣдокъ вдовствовавшая Герцогиня Мекленбургская Христіана Вильгельмина. Принцъ во святомъ крещеніи нареченъ Карломъ Фридрихомъ; но имя Карла оставилъ, сдѣлавшися наслѣдникомъ престола.

Фридрихъ Вильгельмъ ввѣрилъ юность Фридриха втораго, по первомъ воспитаніи о коемъ имѣла попеченіе сама Королева матерь его, поручилъ Генералу Графу Конраду Финку Фонъ-Финкенштейну, которой былъ Оберъ-Гофмейстеромъ и при которомъ унтеръ-Гофмейстеромъ находился Генералъ, Христіанъ Вильгельмъ Фонъ-Калкштейнъ. Наставленіе въ наукахъ преподавалъ сему Государю великій въ учености мужъ родомъ Французъ Яковъ Егидій де Жорданъ, которой въ 1746 году по долговременной болѣзни

скончался въ Берлинѣ Тайнымъ Совѣтникомъ. Монархъ любилъ его чрезвычайно, посѣтилъ его въ самой день своего торжественнаго въ Берлинъ вѣезда на смертномъ его одрѣ и говорилъ ему. Любезный Жорданъ! „видя тебя въ „семъ состоянїи, чувствую скорбь неиз„реченную. О еслибъ Богъ помогъ мнѣ „чѣмъ нибудь вспомоществовать твоему „выздоровленїю или облегченїю. Ты бы „увидѣлъ, какую благодарность моя „принесла бы тебѣ жертву!„ Жорданъ слабымъ голосомъ отвѣтствовалъ ему: „величайшее для меня утѣшенїе, „что имѣю щастїе еще разъ видѣть „Ваше Величество. Теперь уповаю спо„койнѣе умереть, силы мои уже до кон„ца изнемогаютъ. По томъ взялъ Ко„роля за руку и хотѣлъ облобызать „оную. Но Король руку отнялъ, самъ „облобызалъ больнаго и съ поспѣшно„стїю вышелъ изъ покоя, сказавъ Боже „мой! не могу долѣе сносить сего зрѣ„лища.„

Сколь свойство сего Великаго Государя еще въ юныхъ лѣтахъ его было превосходно, о томъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ его прїятелей (*) оставилъ слѣдующее начертанїе:

„Господствующая его страсть была „къ славѣ, которую онъ въ томъ полагалъ, чтобъ безпрестанно дѣйствовать „по правиламъ строжайшаго разума, „тщательно удалять отъ себя всѣ предразсужденїя, и сколько возможно не до„пускать никого владѣть собою.

„Въ намѣренїяхъ своихъ по зрѣломъ „размышленїи предпрїятыхъ, былъ онъ „непоколебимъ, и являлъ примѣръ своея „твердости и великодушїя при печаль„ныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ „ни на единую минуту не предавался „унынїю.

„Онъ былъ добросердеченъ, велико„душенъ, щедръ, чувствителенъ, со-

(*) Тайный Совѣтникъ Курфирста Саксонскаго и чрезвычайный Посланникъ при дворахъ Берлинскомъ и Петербургскомъ Баронъ фонъ-Зумъ.

„страдателенъ къ нещастнымъ и не „терпѣлъ никакого неправосудія, ненавидѣлъ клеветы и клеветниковъ.

„Наипаче сей Государь за долгъ себѣ „поставлялъ хранить всегда ненарушимо дружбу и союзъ.

„Что онъ былъ весьма мужественъ, „доказалъ то еще въ 1734 году будучи „при Рейнѣ. Однажды выѣхалъ онъ съ „довольнымъ войскомъ осматривать „Филипбургскія укрѣпленія, когда на „обратномъ пути проѣжжалъ чрезъ „рощу, безпрестанно палили по немъ „изъ пушекъ съ укрѣпленій такъ, что „многія деревья ядрами повергаемы были на землю. При семъ случаѣ онъ „былъ столь неустрашимъ, что даже „рука его, коею держалъ узду ни однажды не дрогнула. Тѣ, кои обращали на „него вниманіе, примѣтили напротивъ „того, что онъ весьма спокойно разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ сопровождавшихъ его Генераловъ, видя твердость его въ опасности совсѣмъ для „его новой, не мало оной удивлялись.

„Разумъ свой украсилъ онъ чтенїемъ „и безпрестанными размышленїями. Для „сей причины весьма любилъ онъ дружескїя бесѣды, въ коихъ однако же о государственныхъ дѣлахъ, какъ до его „еще совсѣмъ некасавшихся, никогда „ни слова не говаривалъ.

„Разсужденїя его были всегда справедливы тѣмъ паче, что онъ не былъ „въ нихъ тороплив, и никогда не предлагалъ оныхъ, не бывъ въ состоянїи доказать справедливость. Какъ однажды „за столомъ у Фельдмаршала Грумка, „между прочими разговорами рѣчь зашла „о младомъ Принцѣ Евгенїи умершемъ „при Рейнѣ, спрашивали: могъ ли бы сей „Принцъ имѣть со временемъ великїя „качества и сдѣлаться великимъ человѣкомъ. Фридрихъ отвѣтствовалъ, *нѣтъ*, „*ибо онъ никогда не умѣлъ снискать* „*себѣ такого друга, которой бы держалъ говорить ему правду.*"

Всему свѣту извѣстно, что Фридрихъ будучи наслѣдникомъ престола въ крайней строгости былъ содержанъ от-

цомЪ своимЪ. ОнЪ столь мало давалЪ ему денегЪ, что ПринцЪ никакЪ не могЪ жить безЪ долговЪ, часто подверженЪ былЪ аресту по тому, что отецЪ его Король ФридрихЪ ВильгельмЪ, поступалЪ съ нимЪ какЪ съ солдатомЪ. Иногда такЪ же сажалЪ онЪ его на хлѣбЪ и на воду. ОтецЪ не позналЪ его, и другаго своего сына Принца Августа Вильгельма гораздо предпочиталЪ ему. *ФрицЪ умѣетЪ только играть на флейтѣ и сочинять стихи,* говорилЪ онЪ нѣкогда, *а военнаго состоянія ни мало не уважаетЪ.* Сколь онЪ несправедливо обЪ немЪ судилЪ, время то доказало.

Между тѣмЪ хотѣлЪ онЪ однакожЪ, чтобЪ сей ПринцЪ при всякомЪ случаѣ показывался приличнымЪ ему образомЪ. Во время ихЪ пребыванія вЪ Боннѣ, тамошній КурфирстЪ пригласилЪ его на великолѣпной балЪ. На Королѣ Фридерикѣ Вильгельмѣ былЪ тогда весьма изношенной мундирЪ. НаслѣдникЪ былЪ такЪ же больше худо, нежели просто одѣтЪ и стоялЪ особо не пріемля

участiя въ общемъ веселiй. „Что ты „тамъ такъ стоишъ *Фрицъ*? Для чего „не танцуешъ?„ спрашивалъ Король. Фридрихъ въ молчанiи поклонясь окинулъ глазами свой изношенной кафтанъ. Король уразумѣлъ его, и весьма разсердясь поднялъ руку и вскричалъ: „ступай, ступай тотчасъ танцовать.„ У наслѣдника слезы на глазахъ навернулись. Онъ взявъ близьстоявшую даму танцовалъ столь долго, сколько отцу его было угодно.

Столь многiя грубыя поступки со стороны отца, коего Фридрихъ любилъ и почиталъ, сдѣлались ему наконецъ несносными. Онъ желалъ предпрiять путешествiе въ другiя земли, какъ для познанiя нравовъ и людей, такъ и для того, что бы хотя мало повеселиться въ своей юности. Отецъ совершенно въ томъ ему отказалъ, когда онъ просилъ его на то дозволенiя. Тогда молодой Принцъ рѣшился безъ отеческаго соизволенiя сдѣлать малое странствованiе; но самъ не зналъ куда бы оное предпрiять,

во Францїю или вЪ Англїю. Два молодые человѣка, вѣрные друзья его долженствовали ему сопутствовать, одинЪ изЪ нихЪ былЪ сынЪ Генерала фонЪ Катта, а другой фонЪ Рейта. Король узнавЪ о его намѣренїи, заключилЪ его вЪ крѣпость КистринЪ. По прошествїи нѣсколькихЪ недѣль послѣ его заключенїя, вошелЪ кЪ нему вЪ покой одинЪ старой офицерЪ сЪ четырмя солдатами. ОфицерЪ увидѣвЪ сего любезнаго Государя, едва могЪ отЪ слезЪ удержаться. ФридрихЪ не иначе думалЪ какЪ что казнятЪ его смертїю; но ОфицерЪ, сЪ болѣзненнымЪ чувствованїемЪ объявилЪ ему: что онЪ имѣетЪ повелѣнїе подвести его кЪ окну, и если онЪ будетЪ ему противиться, то онЪ долженЪ насильно туда привлещи его.

НаслѣдникЪ подошедЪ кЪ окну увидѣлЪ прїуготовленное для казни мѣсто и вЪ ту же минуту возведеннаго на оное любезнаго друга своего Катта. Едва сей тамЪ явился, тотчасЪ предЪ его глазами отсѣкли ему голову. ФридрихЪ простерши

къ нему руки, не зная, что дѣлалъ и что говорилъ, вскричалъ: *Каттъ! Каттъ!* и упалъ въ обморокъ.

Никто не можетъ отрицать, что сей Принцъ весьма много претерпѣлъ отъ Короля отца своего. Кто хотя мало знаетъ свойства Прусскаго двора того времени и отвращенiе *Фридриха Вильгельма* отъ всего того, что имѣло видъ учености, тотъ легко повѣритъ, что воспитанiе *Фридриха* совсѣмъ не къ тому клонилось, что бы сдѣлать его такимъ, какимъ онъ послѣ явился; однако же и сiе строгое его воспитанiе, равномѣрно какъ и тѣлесная его крѣпость, любовь къ точному наблюденiю порядка, ненависть къ нѣжнымъ забавамъ и къ празднолюбiю, немало къ тому споспѣшествовали. Король непремѣнно хотѣлъ сдѣлать его солдатомъ, по чему и все его воспитанiе было воинское, и Принцъ, которой съ толикою охотою могъ бы упражняться въ наукахъ, всегда находилъ преграду къ удовлетворенiю своимъ склонностямъ. Отъ сего произошла наконецъ взаимная

недовѣрчивость. Король пребывалъ непреклоненъ; Принцъ тайно тщился удовольствовать свои желанія, и напослѣдокъ дѣло дошло до того, что тотъ, коему въ послѣдованіи времени Пруссія всемъ одолжена была, 1730 году удаленъ былъ въ Кистринъ, какъ бы въ нѣкое заточеніе, гдѣ онъ проводилъ восемь мѣсяцовъ.

Сколь жребій *Фридриха* ни былъ жестокъ, да оной и еще былъ бы жесточае, если бы не удержали Короля отъ неистоваго его намѣренія; однако же Принцъ удаленіе свое отъ двора, гдѣ ему и безъ того не было пріятно, наилучшимъ образомъ умѣлъ обратить въ свою пользу. Въ Кистринѣ имѣлъ онъ всѣ способы показать свѣту великія свои дарованія, которыя при прежнемъ его совершенно солдатскомъ воспитаніи со всѣмъ могли бы быть въ немъ заглушены, или по крайней мѣрѣ обращены въ худую сторону. Здѣсь умножилъ онъ свои познанія чтеніемъ наилучшихъ писателей, и обхожденіемъ съ Президентомъ Минховомъ. Здѣсь жер-

ствовалъ онъ свободными минутами Музамъ, и отсюда возвратился въ Берлинъ, обогатясь несравненно большими знанїями, нежели съ каковыми оттуда прїѣхалъ.

Сїе возращенїе воспослѣдовало въ Августѣ мѣсяцѣ 1731 года. Тогда распря прекратилась и примиренїе запечатлѣно бракосочетанїемъ съ *Принцесою Брауншвейгъ-Беверпскою, Елисаветою Христиною* вдовствующею нынѣшнею Королевою. Хотя оное основано было болѣе на волѣ Короля, нежели на склонности Принца; однако же сїе не воспрепятствовало ему являть всегда къ супругѣ своей нѣжность и почтенїе.

Тогда симъ бракосочетанїемъ совершенно примирившїйся съ Королемъ *Фридрихъ*, началъ провождать спокойную философскую жизнь. Король подарилъ ему городокъ Рейнсбергъ, (которой съ 1744 году принадлежитъ Принцу Генриху) и здѣсь то въ отдаленности отъ шумнаго мїра дни его протекали въ восхитительной тишинѣ раждающей въ

душѣ человѣческой высокія мысли и сладостныя чувствованія. Если бы кто видѣлъ его здѣсь зарывшагося въ книгахъ, упражняющагося въ музыкѣ, занимающагося перепискою съ учеными, или бесѣдующаго съ немногими своими придворными — если можно такъ назвать небольшое число умныхъ людей, кои болѣе по склонности нежели по должности были къ нему привязаны — о философскихъ предмѣтахъ; если бы кто видѣлъ его въ таковыхъ упражненіяхъ, тотъ конечно не почелъ бы его наслѣдникомъ Прусской Короны, но паче удалившимся отъ свѣта философомъ; по крайней мѣрѣ конечно никому бы не пришло на мысль, что сей Государь будетъ нѣкогда судіею рѣшащимъ дѣла Европы.

Шестилѣтній, малыми только путешествіями пресѣкаемый покой, каковъ былъ сей, въ обыкновенномъ человѣкѣ отнялъ бы все душевное напряженіе и привелъ бы его въ совершенное бездѣйствіе; но *Фридрихъ* покоился подобно природѣ, которая въ зимнее время соби-

раетъ силы, дабы весною обогатить насъ разнообразными дарами. Тогда написалъ онъ Антимахіавеля, упражнялся въ сочиненіи Французскихъ стиховъ, а сверьхъ того пріуготовлялся къ правленію и положилъ въ душѣ своей основаніе тому великому зданію, кое по томъ воздвигъ рукою искуснаго художника. Такъ протекли шесть лѣтъ до кончины *Фридриха Вильгельма*, воспослѣдовавшей послѣ долговременной и изнурительной болѣзни 1740 года, Маія 31 дня. Въ сіе то время *Фридрихъ* долженствовалъ премѣнить свое философское спокойствіе на многотрудную жизнь Владыкъ.

Хотя никто отрицать не можетъ, что порядокъ и бережливость *Фридриха Вильгельма* во многомъ облегчили труды новаго Короля, однако же были и такія дѣла, кои требовали поправленія, а другія и совсемъ новаго учрежденія и должно признаться, что онъ всѣ дѣла государственныя нашелъ отнюдь не въ такомъ порядкѣ и теченіи, въ каковомъ оставилъ своему наслѣднику. Правда,

Король нашелъ около осьмидесяти тысячь хорошо обученаго войска, но оное и въ четвертую долю не было столь хорошо, какъ послѣ сдѣлалось. Важнѣйшее въ войнѣ было вмѣняемо за безполезныя малости, такъ что по словамъ вѣчныя славы достойнаго *Фридриха*, если бы миръ продолжился долѣе 1740 года, то вѣроятно, что въ войскѣ введены бы были въ употребленiе румяны и мушки. Науки, художества, торговля, при смерти *Фридриха Вильгельма* отнюдь не были въ цвѣтущемъ состоянiи. Нравы были грубы, не были украшены никакими прiятствами вкуса и общественнаго обращенiя. Военная суровость, коей во всемъ сообразоваться надлежало, была поводомъ ко многимъ несправедливостямъ, и тѣ изъ чужестранцовъ, кои отъ природы не имѣли солдатскаго вида, Прусской земли убѣгать долженствовали. И такъ Король нашедъ многое не по своему желанiю, долженъ былъ предпрiять знатныя во многихъ дѣлахъ перемѣны, дабы Пруссiю извнѣ сдѣлать страшною

а внутри цвѣтущею. Первые дни его царствованія, кои иной Государь посвятилъ бы веселостямъ, были отъ него посвящены отечеству. Во второй же день вступленія на престолъ велѣлъ онъ открыть запасные магазины и бѣднымъ продавать хлѣбъ за умѣренную цѣну; облегчилъ браки въ степеняхъ дотолѣ запрещенныхъ, и чрезъ то испровергъ сильную преграду къ размноженію народа; велѣлъ распустить звѣрей изъ Кенигсбергскаго звѣринца, а тысячу талеровъ на ежегодное содержаніе оныхъ опредѣленные, повелѣлъ раздавать бѣднымъ и другія сдѣлалъ узаконенія, кои всѣ имѣли единымъ предмѣтомъ благосостояніе Государства.

Среди сихъ мирныхъ упражненій, не забылъ онъ пещися и о войскѣ, которое не токмо знатно умножилъ, но и привелъ его въ лучшее состояніе, нежели въ какомъ оное при отцѣ его находилося. Послѣдованіе времени, сіи благоразумные предосторожности совершенно оправдало, ибо еще въ томъ же году спокой-

ствіе Нѣмецкой земли нарушено войною, въ коей *Фридрихъ* великія свои въ предводительствованіи войскъ способности, явилъ свѣту блистательнѣйшими своими подвигами.

Но прежде нежели увидимъ сего Великаго Государя на ратномъ полѣ, пожинающа многія лавры, не недостойно будетъ представить здѣсь изображеніе его особы.

Король *Фридрихъ второй*, былъ почти средняго росту, или нѣсколько меньше. Въ молодыхъ лѣтахъ имѣлъ въ лицѣ и во всей наружности своей плѣнительныя пріятства; но при старости былъ нѣсколько согбенъ и голову всегда держалъ на правую сторону. Сложеніе тѣла его отъ природы хотя было и не самое крѣпкое, но онъ укрѣпилъ его многими тѣлесными упражненіями. Онъ имѣлъ прекрасные голубые глаза, взоръ острой и пронзительной. Въ цвѣтущіе дни юности своея, имѣлъ онъ въ устахъ своихъ чрезвычайную пріятность. Но послѣ потерявъ передніе

зубы, при всей живости лица своего казался нѣсколько старообразенъ. Хотя всѣ изображенія его довольно на него похожи, однако же онъ имѣлъ многіе такіе знаки, коихъ кистью изобразить не можно. Когда онъ говорилъ, то всѣ черты лица его удивительнымъ образомъ соотвѣтствовали его выраженіямъ. Ни въ комъ душа съ толикимъ стремленіемъ не дѣйствовала на наружный видъ, какъ въ немъ, что наиболѣе примѣтно было въ то время, когда онъ слушалъ музыку. Со скоростію и премѣненіемъ голосовъ въ музыкѣ, перемѣнялись въ лицѣ его напечатлѣнія и доказывали весьма правильное и скорое въ немъ дѣйствіе каждаго чувствованія. Да онъ и самъ игралъ на флейтраверсѣ въ превосходнѣйшемъ степенѣ совершенства, такъ что почитается славнѣйшимъ своего времени флейтраверсистомъ. Особливо выражалъ онъ на семъ инструментѣ нѣжныя и трогающія чувствованія съ восхитительною пріятностію. Однако же немногіе имѣли щастіе его слышать, ибо

никому изъ постороннихъ не дозволялося входить въ тотъ концертъ, въ которомъ онъ самъ игралъ съ немногими изъ искуснѣйшихъ музыкантовъ. Даже и на войнѣ не оставлялъ онъ музыку. Всякой день, коль скоро только имѣлъ хотя малой покой, одинъ часъ упражнялся въ оной играя на флейтраверсѣ или Кванцовы или своего собственнаго сочиненія концерты, съ такимъ превосходнымъ искуствомъ, что какъ будто бы оное было единственное жизни его упражненіе. — Голосъ его въ разговорахъ былъ чистѣйшій и пріятнѣйшій теноръ, какой токмо себѣ представить можно. Если онъ предводительствовалъ своимъ войскомъ, то голосъ его былъ громокъ и даже въ самой отдаленности весьма явственъ. Онъ говорилъ много и обыкновенно со скоростію соотвѣтствовавшею быстрому мыслей его теченію, имѣлъ безпримѣрное дарованіе давать скорые и остроумные отвѣты. Хотя къ женскому полу и не весьма былъ склоненъ, однако же обходился съ нимъ со свой-

ственною ему учтивостїю, и въ сообществѣ достопочтенныхъ особъ женскаго пола былъ весьма веселъ. — Платья его было всегда весьма просто, и если когда случалось ему выѣжжать верьхомъ, то отъ всѣхъ отличался синимъ своимъ кафтаномъ; при чемъ обыкновенно носилъ щляпу большую съ бѣлыми перьями. Въ первые дни своего правленїя одѣвался весьма чисто и обстоятельствамъ соотвѣтственно. Въ великїе праздники или какїя торжества надѣвалъ богатое золотомъ и серебромъ шитое платье съ бриліянтовыми пуговицами; но послѣ семилѣтней войны, всегда носилъ свой мундиръ, которой въ большїе торжественные дни былъ изъ голубаго бархату богато вышитъ серебромъ. Волосы носилъ онъ завязанные на зади въ косу, а на вискахъ небрежно поставленные пукли, которые по большой части были не напудрены, что доказывало, что великой Государь не имѣлъ времени для уборовъ. Коль скоро вставалъ, тотчасъ одѣвался онъ безъ всякихъ сбо-

ровъ и не много требовалъ себѣ въ томъ помощи. Часто для скорости самъ себѣ чесалъ волосы подлѣ зеркала, которое велѣлъ подавать предъ постель, и менѣе нежели въ четверть часа былъ совсѣмъ готовъ.

Довольно сего начертанія о особѣ сего Великаго Монарха. Въ послѣдованіи, гдѣ нерѣдко о его частной жизни упоминаемо будетъ, болѣе его познаемъ.

Теперь нить исторіи ведетъ насъ къ великимъ его военнымъ подвигамъ.

Смерть Императора *Карла шестаго* воспослѣдовавшая 20 Октября 1740 году, всѣ Европейскіе дворы приводитъ въ движеніе: одни желаютъ преемницѣ его *Маріи Терезіи* доставить не раздѣленное наслѣдіе, а другіе думаютъ лишить ея онаго и распространить свои предѣлы. *Баварія*, *Саксонія* и *Испанія* объявили свои требованія основывавшіяся или на бракосочетаніяхъ, или завѣщаніяхъ: ибо съ того времени, какъ всѣ Европейскіе Государи составляютъ не больше пяти или шести фамилій, вели-

кое наслѣдство не можетъ быть праздно безъ того, чтобъ каждой не искалъ на оное своего права, которое сильнѣйшіе всегда рѣшатъ кровопролитіемъ. Къ сему присовокупилось еще избраніе Императора.

Англія, Голландія и часть Нѣмецкой земли единогласно съ *Маріею Терезіею* опредѣлили Императорскую корону Герцогу Францу, ея супругу, сыну того *Леопольда*, коего Лотарингцы по нынѣ еще оплакиваютъ, и который имѣя толь малое владѣніе, оставилъ по себѣ столь великій примѣръ всѣмъ Государямъ. Небо добродѣтели отческія наградило сыновнимъ счастіемъ, и сіе счастіе, коему исторія подобнаго не представляетъ, было сочетаніе со знаменитѣйшею и сильнѣйшею наслѣдницею въ Европѣ, которая при томъ была прекраснѣйшая и любви достойнѣйшая женщина своего вѣка и любила его до такого степени, что сдѣлала его соучастникомъ подвластныхъ ей владѣній, предприняла войну, дабы присовокупить еще къ онымъ пер-

вой престолъ въ Европѣ, не имѣя иной причины, кромѣ любви къ своему супругу, котораго увѣнчать желала. *Францїя*, которая по причинѣ частыхъ бракосочетанїй съ Австрїйскимъ домомъ, равномѣрно могла выискивать требованїя, казалась столь умѣренною, что какъ будто ничего требовать не хотѣла. Она подкрѣпляла домъ *Баварскїй* и хотѣла доставить ему Корону Нѣмецкой Имперїи съ частїю наслѣдства. Возвеличивъ сей домъ, уповала она явить великодушїе, что яко бы хотѣла чрезъ то исполнить долгъ благодарности, къ памяти *Людовика* XIV, для коего оный домъ жертвовалъ собою; но втайнѣ Францїя находитъ важнѣйшую пользу въ томъ, чтобъ раздѣлить Австрїйское наслѣдство и воспрепятствовать, чтобъ оное не досталось нераздѣльно новой съ нею несоюзной фамилїи.

Король *Прусской* не искалъ Нѣмецкой Имперїи. Онъ мало заботился о томъ, кому достанется Императорское достоинство, чрезъ которое сила не

прїобрѣтетъ никакого приращенїя. Политика его не къ тому клонилась, что бы усугубить силы свои приведенїемъ другихъ въ слабость. Онъ желалъ существеннѣйшаго приращенїя; ему необходимо нужна была Силезїя, для подкрѣпленїя своего королевства. Въ семъ состояла совершенная безопасность счастїя *Бранденбургскаго* дома. Отъ прїобрѣтенїя, или непрїобрѣтенїя оныя, зависѣло то, что ему надлежало или царствовать остальные дни жизни своея, или трепетать на престолѣ. Онъ объявилъ требованїя свои на знатную часть Силезїи чужестраннымъ министрамъ находившимся въ Берлинѣ.

Въ слѣдствїе мудрыя политики, какую сей Государь наблюдалъ во все теченїе жизни своея, чтобъ всѣ дѣла производить самимъ собою, безъ чужаго посредства прямо стремиться къ предполагаемому концу, повелѣлъ онъ здѣлать *Марїи Терезїи* предложенїе, что онъ желаетъ вспомоществовать ей въ доставленїи всего прочаго наслѣдства,

и супругу ея Императорской короны, если она уступитъ ему нижнюю Силезію. Но она не хочетъ слабостію купить короны своему супругу; предпріемлетъ страшную войну; вооружаетъ всѣ свои войски, нещастіемъ своимъ паки преклоняетъ на свою сторону прежнихъ союзниковъ своего дома, и повергается въ объятія своего народа; священное и жалостное для несчастныхъ Государей прибѣжище, если они токмо не отвратили отъ себя сердецъ своихъ подданныхъ; ибо человѣки всегда преклоняются на жалость, видя величество низринутое съ высоты своея и подверженное несчастіямъ.

Если бы въ сіе дѣло не вмѣшался *Фридрихъ*, то можетъ быть и довольно было бы мужества въ *Маріи Терезіи* для разсѣянія грозившей ей тучи; она вступила въ переговоры, писала манифесты, но ничего не дѣлала. Король Польскій и Курфирстъ Баварскій, были столь слабы, что не могли утвердить своихъ требованій; Испанія съ лишкомъ отдалена;

Кардиналъ *Флери* чувствовалъ, что старость его не въ состоянiи уже понести трудовъ съ великою войною сопряженныхъ, и никогда бы не рѣшился къ начатiю оныя; Король Прусской видимъ, что если онъ пропуститъ сей случай, если дастъ время *Марiи Терезiи* утвердиться въ своемъ наслѣдствѣ и усилить свои войски; то Силезiя будетъ уже для него навсегда потеряна. Онъ разсуждаетъ, что въ такомъ положенiи дѣлъ отважнѣйшiй начать долженъ, и что если только откроется театръ войны, то не будетъ недостатка въ соучастникахъ оныя. Онъ несумнѣнно надѣется, что и Францiя ему послѣдуетъ; ему извѣстно, что общее мнѣнiе по закоснѣвшему предразсужденiю питаемое къ Австрiйскому дому было то, чтобъ стараться привести его въ слабость, слѣдовательно будетъ склонно къ войнѣ; извѣстно ему и то, что оба *Бель-Иля* горѣвшiе желанiемъ показать себя и прославиться, имѣли силу надъ Кардиналомъ; онъ видитъ боязливость сего ста-

рика въ дѣлахъ государственныхъ, который не отваживается первой сдѣлать объясненія, но который по причинѣ сей самой слабости слѣдуетъ другимъ въ начатомъ ими дѣлѣ, по тому что онъ болѣе опасается, чтобъ несогласія его не вмѣнили въ порокъ его старости, и не лишили бы его власти въ правленіи, нежели окончаніи войны. Пріемля все сіе въ разсужденіе увидимъ мы, что рѣшимость *Фридриха Великаго* вступить въ Силезію съ шестьюдесятью тысячами человѣкъ, не иное что было, какъ отважная мудрость. *Карлъ Шестой* умеръ 6 Октября, а въ Декабрѣ онъ сдѣлалъ сіе нападеніе. *Маркизъ Бово*, котораго Франція къ нему отправила для испытанія его мнѣнія, встрѣчаетъ его на пути съ войскомъ. *Я намѣренъ, говорилъ ему Фридрихъ, играть вашу игру; а если тузы мнѣ попадутся, такъ мы подѣлимся.* Выраженіе тонкое и забавное, въ каковыхъ Король Прусскій въ самыхъ сумнительныхъ и важнѣйшихъ обстоятельствахъ своея жизни, не имѣлъ недостатка.

Сїя свободность духа, сїя независимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, свойственны токмо великимъ мужамъ, и служатъ доказательствомъ, что они господствуютъ надъ оными, и что опасность ослабляющая и приводящая въ унынїе духъ людей обыкновенныхъ, ихъ духу тѣмъ болѣе придаетъ силы и стремленїя.

Король скорымъ походомъ, который совершилъ со своимъ войскомъ, тотчасъ большую часть Силезїи покорилъ подъ свою власть. Его войско недолгое время покоилось на зимнихъ квартирахъ. Уже въ концѣ Февраля 1741 года сильная Австрїйская армїя подъ предводительствомъ Фельдмаршала *Нейперга* выступила въ походъ, и продолжая оный внутри Силезїи, дошла до деревни *Молвица*. Король рѣшился сдѣлать на нее нападенїе, но по причинѣ худой погоды и худаго пути, не могъ исполнить своего намѣренїя прежде 10 Апрѣля. Въ сей день явился онъ со своимъ войскомъ въ полдень на полѣ предъ *Молвицемъ*, которое было

кровавымЪ мѣстомЪ сраженія. Бой начался вЪ два часа и продолжался около шести часовЪ, покамѣстЪ Австрійцы совершенно побиты были и принуждены отступить назадЪ; сраженіе началось пораженіемЪ Королевской конницы, но пѣхота его своимЪ порядкомЪ, своею твердостію и непреодолимымЪ огнемЪ доставила ему побѣду. Сіе сраженіе показало АвстрійцамЪ, какого непріятеля они имѣютЪ предЪ собою, и побѣда пріобрѣтенная имЪ хотя и кровію многихЪ его воиновЪ, облегчила ему совершенное покореніе Силезіи. *Марія Терезія* соглашалася сдѣлать Королю нѣкоторыя уступленія, однакожЪ все еще требованія ея были такого роду, что онЪ ихЪ немогЪ принять не пожертвовавЪ знатною частію пріобрѣтенныхЪ уже выгодЪ.

Король пользуяся своею побѣдою, овладѣлЪ крѣпостями *БригомЪ* и *НейсомЪ*; покорилЪ городЪ *Бреславль* безЪ кровопролитія, хотя ему и было извѣстно, что сей городЪ, вЪ против-

ность заключеннаго до окончанія войны нейтральнаго постановленія, имѣлъ тайное съ его непріятелями сношеніе.

Между тѣмъ Австрійцы укрѣпились лагеремъ при крѣпости *Нейсѣ*. Король искалъ случая вступить съ ними вторично въ сраженіе. Австрійцы избѣгая онаго оставили лагерь свой ночью, и крѣпость *Нейсъ* покорена Пруссаками. Король отправился въ Берлинъ а оставшійся въ верхней Силезіи, фельдмаршалъ Шверинъ, окончилъ сей славный походъ изгнаніемъ непріятеля изъ Силезіи. Онъ вошелъ въ Моравію и отнялъ крѣпкій городъ *Олмицъ*, чрезъ что Прусскіе войски въ большей части оныя могли занять зимнія квартиры.

И такъ Силезія была уже въ рукахъ Прусскихъ; Король поступалъ съ нею какъ со своею собственностію, коея онъ назадъ отдать не думалъ.

Еще въ Генварѣ мѣсяцѣ 1742 года, Король оставилъ Берлинъ, и отправился въ Моравію къ своему войску. Онъ сдѣлалъ нужныя распоряженія для новаго

похода, отправилъ различные корпусы своихъ войскъ въ Богемїю, куда и самъ отправился съ тою частїю армїи, которая въ Моравїи стояла на зимнихъ квартирахъ. Приближенїе Австрїйскаго войска подъ начальствомъ Принца *Карла* Лотарингскаго, принудило Короля собрать свои войски. Австрїйцы овладѣли *Чаславомъ*, а Король остановился въ видѣ ихъ при деревнѣ *Хотузицѣ*. 17 Маїя по утру напалъ онъ на Австрїйцовъ; сраженїе было общее и кровопролитное. Прусская пѣхота и сей разъ явила удивительную храбрость, и опять все возстановила, когда конница была прогнана. Пруссаки остались побѣдителями, а Австрїйцы отступили. Такимъ образомъ оба первыя сраженїя выигранныя Королемъ Прусскимъ, были училищемъ, чрезъ которое вело его щастїе, и утвердили его въ любви къ военному порядку и къ искуству, рѣшащему судьбу царствъ. Тогда Венгерская Королева была уже готова совершенно отступиться отъ сдѣланныхъ Королемъ завоеванїй, только бы

избавиться отъ сего непрїятеля, толико всѣхъ прочихъ силами своими превосходившаго. Миръ безъ дальняго препятствїя заключенъ въ *Бреславлѣ* Iюня 11 дня 1742 года, посредствомъ Аглинскаго Короля, и имъ утвержденъ. Въ силу онаго уступлена нижняя и верхняя Силезїя съ Графствомъ *Глацомъ* на такомъ условїи, чтобъ она совершенно была независима отъ Богемской короны; Королева же Венгерская удержала за собою токмо малую часть верхней Силезїи, а имянно, княжества *Егерндорфъ*, *Тролау* и *Тешенъ*.

Фридрихъ сею войною неоспоримо прїобрѣлъ себѣ великїя выгоды; онъ покорилъ землю на 640 квадратныхъ миль, заключавшую тогда въ себѣ болѣе миллїона трудолюбивыхъ жителей, и отъ природы благословенную плодородїемъ. Войска его дотолѣ болѣе почти для одного токмо вида содержанныя, прїобрѣли къ войнѣ навыкъ, и въ два зимнїе похода прїобучились къ понесенїю военныхъ трудностей; онъ ободрилъ ихъ

твердымъ на него и на самихъ себя упованїемъ, и скоростїю своихъ предпрїятїй обратилъ на себя взоры всея Европы и привлекъ ея къ себѣ уваженїе споспѣшествовавшее непосредственно къ пользѣ государства его и народа.

Возстановленный миръ дозволилъ сему Монарху обратить все вниманїе на благосостоянїе своея державы, коего онъ и среди военнаго шуму никогда не терялъ изъ очей своихъ; чему служатъ доказательствомъ многїя въ продолженїе самой войны сдѣланныя учрежденїя. Силезїя, въ коей поземельные доходы въ крайнѣмъ были упадкѣ, гдѣ никто недумалъ, что правительство для блага земли могло бы сдѣлать нѣчто болѣе, нежели когда она была оставлена своему собственному и небесному попеченїю, преимущественно видѣла надъ собою дѣйствїя Королевскаго о ней призрѣнїя. Судопроизводству положено твердое основанїе, и бывшїе дотолѣ безпорядки отвращены добрыми распоряженїями. Протестантамъ даровалъ онъ многїя воль-

ности и преимущества, не нарушая ни мало и правъ Католиковъ, кои ожидали себѣ совершенной перемѣны. Городу Бреславлю далъ право имѣть два годовыя торжища. Въ сїю область приглашены чужестранные фабриканты, а тамошнїе многими данными имъ выгодными преимуществами были поощрены къ усовершенїю своихъ фабрикъ. Да и не одна токмо Силезїя, не одни токмо новопокоренные подданные, но и старые видѣли въ *Фридрихѣ* отца отечества, и не токмо земледѣлїе, фабрики, судопроизводства и касающїяся до благочинїя учрежденїя занимали его великую душу, но онъ рачилъ и о украшенїи своего государства. Тогда построенъ въ Берлинѣ былъ прекрасной оперной домъ, украшены Королевскїя увеселительныя замки, куплено собранїе древностей у Кардинала Полиньяка, знатно умножено книгохранилище и собранїе монетъ, и въ то же время, когда упражненъ былъ изящными художествами, учреждалъ и новые полки.

Миръ продолжался два года безпрерывно, и въ теченіи сего времени Король по прекращеніи мужескаго колѣна Князей Остъ-Фрисландскихъ взялъ во свое владѣніе сіе княжество, на которое Бранденбургскій домъ еще 1694 года получилъ право наслѣдства. Но вскорѣ по овладѣніи онымъ, Король вновь въ пользу Императора *Карла* VII, до крайности доведеннаго Австрійскимъ оружіемъ, и уже изъ всей Баваріи даже до Франкфурта прогнаннаго, и въ подкрѣпленіе правъ Нѣмецкія Имперіи принужденъ былъ принять оружіе.

Въ полтора года, въ которые продолжалася вся первая война въ Силезіи, *Фридрихъ* пріобрѣлъ болѣе понятій, нежели 20 походовъ могутъ произвести въ умахъ обыкновенныхъ полководцевъ. Онъ вторично пріемлетъ оружіе въ 1744 году, и уже совершеннымъ воиномъ является на ратномъ полѣ. Поступы его будутъ отважнѣе, замыслы обширнѣе и сраженія рѣшительнѣе. Съ сихъ поръ увидимъ мы въ немъ полководца своихъ

полководцевъ, мужа искуснѣйшаго въ замыслахъ и искуснѣйшаго въ исполненіи оныхъ; словомъ, мы увидимъ наконецъ его главою и первымъ своихъ войскъ орудіемъ.

Въ самомъ началѣ сея войны, онъ нападаетъ на Богемію, верхнюю Силезію и Моравію, дѣлаетъ набѣги даже до самой Венгріи, угрожаетъ Вѣнѣ; но вскорѣ образъ дѣлъ перемѣняется, союзники его побиты въ Баваріи; Принцъ *Карлъ*, которой съ семьюдесятью тысячами войска прошелъ въ Альзасъ, и котораго Франція удержать обѣщалась, переправляется чрезъ рѣку Рейнъ безъ урону и съ поспѣшностію назадъ возвращается. Король Польской колико скоропостижною, толико и непредвидимою перемѣною политики объявляетъ себя ему противникомъ. Всѣ силы Австрійскаго дому увеличенныя войсками сего новаго союзника, усовершившія себя войною и ободренныя успѣхами, соединились и на его то одного пала вся тяжесть войны сея. Онъ принужденъ былъ среди самой зимы отвсюду собрать свои

войска, и оставить свои завоеванія. Онъ теряетъ многія гарнизоны, а многіе отступаютъ съ великимъ урономъ; сверхъ того войско его было слабо и уменшенно отъ чрезвычайныхъ побѣговъ, что обыкновенно случается въ войскахъ состоящихъ изъ половины иностранцевъ, коль скоро счастіе оставитъ ихъ знамена; съ таковымъ то войскомъ Силезію вновь завоеванную, въ которой онъ не утвердился, гдѣ не было ни одного выгоднаго мѣста для его подкрѣпленія, и гдѣ дому Австрійскому, по привычкѣ долговременнаго владѣнія, которая у народа всегда къ старинѣ прилѣпляющагося не рѣдко заступаетъ мѣсто любви и благодарности, многіе еще привержены были. Внѣ и внутри государства отвсюду все ему угрожаетъ, и ничто неблагопріятствуетъ. Франція по видимому въ войнѣ ему вспомоществуетъ, но она дѣйствуетъ въ одной токмо Фландріи. Нѣтъ ея войскъ болѣе въ Нѣмецкой землѣ, и сей отдаленный отрядъ, едва занимаетъ десять или двенадцать

тысячь Австрійцовъ, которые остались въ союзническомъ войскѣ. Россія тайнымъ образомъ преклоняется на сторону Саксоніи, и повелительно совѣтуетъ ему положить оружіе. При сихъ обстоятельствахъ скончался Императоръ *Карлъ* VII, и Великій Герцогъ Тосканскій единогласно на престолъ призывается. Дворъ Баварскій заключаетъ миръ а Вѣнскій ни о чемъ болѣе не говоритъ, какъ токмо, чтобъ *Фридриха* довести до состоянія его предковъ, и кажется, что вся Имперія содѣлавшись тогда Австрійскою, ожидала токмо какой нибудь превратности щастія, чтобъ споспѣшествовать его намѣреніямъ. И такъ въ семъ стѣсненномъ положеніи, рокъ по видимому хотѣлъ напередъ испытать великую его душу и пріуготовить ее къ пренесенію нещастій, которыми ему угрожала слѣдующая война.

Одинъ день, одна битва не болѣе трехъ часовъ продолжавшаяся и нестоившая ему и двухъ тысячь человѣкъ, перемѣняетъ во все положеніе *Фридриха*,

спасаетъ Силезію, и до окончанія войны доставляетъ ему превосходство, кое на всегда при немъ осталось. Шесть тысячь плѣнниковъ и столько же убитыхъ, чрезвычайное множество побѣдоносныхъ знаковъ и скоропостижное удаленіе Принца *Карла* въ Богемію, были слѣдствіемъ оныя.

Сія при *Гогенъ-Фридбергѣ* побѣда увѣнчала почестями Прусскія оружія. Пѣхота во время оныя оказала удивительную храбрость, артиллерія себя ознаменила, конница сражалась съ такою славою, какой еще она никогда не имѣла. Драгунской Барейтской полкъ испровергъ многіе ряды пѣхоты и одинъ токмо онъ взялъ въ плѣнъ шестдесять семь знаменъ. Четыре гусарскіе полка, которые Король набралъ для сопротивленія множеству нерегулярныхъ войскъ, которыми Австрійскія силы окружены были, разбили лѣвое крыло непріятеля, и между прочимъ легкую Саксонскую конницу, которая особенно была за храбрость почитаема.

Такимъ образомъ всѣ части Прусскихъ войскъ начали равно дѣйствовать и тщились достигнуть того совершенства, и того согласія, которое одно составляетъ военныя силы и дѣлаетъ ихъ страшными. Но слава сего сраженія принадлежитъ наипаче Королю. Сперва онъ отступилъ отъ Принца *Карла*, приближился къ *Нейсу* въ томъ намѣреніи, что бы привлечь его къ себѣ и сразиться съ нимъ, коль скоро онъ выступитъ изъ тѣсныхъ проходовъ, чрезъ кои ему между горъ итти надлежало. Онъ все предвидѣлъ даже самое мѣстоположеніе, гдѣ *Карлъ* хотѣлъ на него напасть и рачительно разсмотрѣлъ мѣста въ коихъ его непріятель долженъ былъ впасть въ свои сѣти. Принцъ *Карлъ* увѣренъ будучи, что Король Прусской отъ него убѣгалъ, расположился тутъ своимъ станомъ безъ всякой осторожности единственно для отдохновенія послѣ похода, и съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ чрезъ нѣсколько дней выступить изъ него, для послѣдованія за Королемъ Прус-

скимъ. *Фридрихъ* при наступленіи ночи снимаетъ свой лагерь, дѣлаетъ притворныя движенія, окружаетъ лѣвое крыло Австрійцовъ, занимаетъ высоту *Шлицберга*, откуда онъ противу всѣхъ ихъ силъ могъ управляться; разставляетъ артиллерію на высотѣ *Штригау*, которую они безразсуднымъ образомъ предъ собою оставили, и побѣждаетъ на лѣвомъ крылѣ; по томъ примѣтивъ, что средина войска непріятельскаго остается безъ дѣйствія, устремляется на правое и равнымъ образомъ и оное поражаетъ. Сіе то сраженіе было одно изъ тѣхъ знаменитыхъ и искусно произведенныхъ сраженій, въ которыхъ разумъ все себѣ покоряетъ, и кои выиграны при самомъ началѣ почти невозвратно, по тому что въ замѣшательство приведенному непріятелю не оставалось никакой возможности опять въ войскѣ возстановить порядокъ и на ратномъ мѣстѣ избрать новыя положенія.

Король Прусской вступая въ сіе сраженіе: сказалъ усмѣхаясь Полковнику

де ла Туру, которой привезъ ему извѣстїе о сраженїи Фонтенойскомъ: *Такъ вы хотите знать, за кѣмъ останется Силезїя?* а по разбитїи непрїятеля съ симъ же Полковникомъ написалъ къ *Людовику XV*: *по векселю надписанному мнѣ отъ Вашего Величества при Фонтеноѣ, я деньги заплатилъ на поляхъ Силезскихъ.* Прилично было *Фридриху* употребить сїе тонкое и забавное выраженїе, противу *Людовика*; ибо безъ сумнѣнїя великое различїе быть при сраженїи, и самому оное выиграть.

Нѣсколько времени спустя, онъ одерживаетъ при *Соррѣ* въ Богемїи побѣду, хотя и меньшую, но можетъ быть прежней славнѣйшую; ибо въ то время, какъ онъ знатную часть своихъ войскъ послалъ въ Саксонїю для подкрѣпленїя Князя *Ангальта* и чрезъ то себя ослабилъ, Принцъ *Карлъ* почти нечаянное сдѣлалъ на него нападенїе; но присутствїе его духа, и устройство его войскъ все спасло и возстановило. Принцъ *Карлъ* съ пятьюдесятью тыся-

чами уступилъ мѣсто сраженія двадцати пяти тысячамъ человѣкъ; *Фридрихъ* же при семъ случаѣ потерялъ токмо часть своего лагеря и своихъ припасовъ. Кажется, что величайшая для полководца слава есть та, которая раждается отъ исправленія погрѣшности. Успѣхъ напередъ уже размышленный, часто не болѣе требуетъ, какъ токмо точнаго по предначертанію своему исполненія, или одной счастливой мысли; но чтобъ при несчастіи, или при бѣдственномъ какомъ положеніи пріобрѣсть успѣхъ и одержать побѣду, неотмѣнно должно быть свободну отъ страха и унынія; для сего необходимо требуется, чтобъ въ одну минуту найтить въ самомъ себѣ нужное пособіе. Но таковая расторопность среди великія опасности и великаго несчастія свойственна токмо великимъ мужамъ, рожденнымъ господствовать надъ приключеніями и управлять счастіемъ.

Наконецъ *Фридрихъ* окончилъ сію войну наилучшимъ своимъ зимнимъ похо-

домъ 1745 году. Принцъ *Карлъ*, коего весьма несправедливо унижаютъ дарованія, принялъ намѣреніе, чтобъ пройти въ Силезію чрезъ Лаузацію. *Фридрихъ* предусмотрѣлъ оное, и въ слѣдствіе сего расположилъ свои квартиры. Онъ отъѣжжаетъ изъ Берлина, оставивъ пріуготовленія одной оперы, коею, казалось, онъ былъ весьма занятъ. Вдругъ собираетъ корпусъ войскъ, нападаетъ на передовое войско Принца *Карла*, частію захватываетъ, а частію разсѣваетъ подъ *Наумбургомъ* четыре полка Саксонскихъ кирасировъ и одинъ полкъ пѣхоты, и отнимаетъ магазины собранные въ *Герлицѣ* для походу; по томъ предусматривая, что вести войну въ Богеміи и въ Моравіи было бы весьма трудно и разорительно, и что не возмогъ бы онъ принудить непріятелей своихъ къ миру, предпріемлетъ весь театръ оныя перенести въ Саксонію. Онъ пишетъ къ Принцу *Ангальту* Кесаревымъ слогомъ. *Я разбилъ непріятеля въ Лаузаціи, разбѣйте вы его подъ*

Лейпцигомъ, такъ мы и увидимся въ Дрезденѣ. Таковымъ Лаконическимъ письмамъ можно подражать; но чтобъ сдѣлать ихъ славными, нужно, дабы великїе успѣхи придали имъ великое уваженїе. И подлинно *Фридрихъ* и Принцъ *Ангальтъ* соединились подъ Дрезденомъ. Принцъ *Карлъ* принужденъ былъ со всѣми своими силами поспѣшать на помощь Саксонскому войску. *Фридрихъ* его удерживаетъ, и въ то самое время повелѣваетъ *Ангальту* сдѣлать на нихъ нападенїе, которой и разбиваетъ совершенно тридцать пять тысячь Саксонцовъ и Австрїйцовъ стоявшихъ въ крѣпкихъ окопахъ при *Кессельсдорфѣ.* Сїе сраженїе было послѣднимъ подвигомъ престарѣлаго *Ангальта,* которой чрезъ сорокъ лѣтъ сражался предводительствуя Прусскою пѣхотою, коея самъ былъ, такъ сказать, содѣтелемъ, и при старости своей былъ уже *Парменїономъ* новаго *Александра.* Послѣ сея битвы Принцъ *Карлъ* удаляется въ Богемїю; Дрезденъ здается, *Фридрихъ* всту-

паетъ въ него побѣдителемъ, и предписываетъ Королю Польскому миръ въ его столицѣ, яко властитель его жребія. Дворъ Вѣнскій такъ же заключилъ миръ въ тотъ же самой день. Саксонія понесла чрезъ оный великіе убытки, должна была дать чрезвычайные зборы и уступить городъ *Фирстенбергъ* на Одерѣ. Вѣнской дворъ принужденъ былъ утвердить уступленіе Силезіи, и Король Прусскій удовольствованъ будучи за всѣ военныя издержки, остался обладателемъ великія провинціи, а что еще въ сравненіи силъ гораздо важнѣе цѣлыя области, украшенный знаменитыми трофеями и личною славою.

Зависть все обезображающая, и легкомысліе ни во что не вникающее, искали помрачить славу *Фридриха* въ сей войнѣ имъ пріобрѣтенную ложными порицаніями, яко бы онъ неосновательную и обманчивую велъ политику, что всегда съ нарушеніемъ вѣрности принимался и оставлялъ, бралъ снова и паки полагалъ свое оружіе: хотѣли его обви-

нить со стороны нравственныхъ преступленій или поступковъ, что онъ сдѣлалъ нападеніе на владѣнія Королевы Венгерской, не объявивъ на передъ войны; что заключилъ съ нею при Бреславлѣ миръ оставивъ Францію, съ коею былъ въ союзѣ; что наконецъ разорвалъ сей самой миръ безъ всякой побудительной причины, и вторично измѣнилъ Франціи, заключивъ частно съ Королевою мирныя договоры. Прусской Король при всѣхъ сихъ различныхъ обстоятельствахъ, дѣлалъ токмо то, что внушали ему разумъ, прозорливость и нужда. Онъ сдѣлалъ нападеніе на Силезію, такъ какъ дѣлать должно всѣ великія военныя дѣйствія, если хочешъ, чтобъ они имѣли хорошій успѣхъ, тайнымъ и скорымъ образомъ. Овладѣвъ Силезіею и утвердившись въ своихъ завоеваніяхъ выигрышемъ двухъ сраженій, принялъ онъ миръ, которой ему былъ предложенъ съ предоставленіемъ во владѣніе его сей провинціи. Не безразсудно ли бы было, когда бы онъ продолжалъ

вести войну достигнувъ уже конца своего: и чѣмъ онъ долженъ былъ Франціи, безъ которой принялъ оружіе, и которая союзницею его сдѣлалась случайнымъ образомъ. Когда онъ нарушилъ заключенный въ Бреславлѣ миръ; онъ и въ семъ случаѣ сдѣлалъ то, что разумъ и прозорливость ему совѣтовали. Дворъ Вѣнской соединился предъ тѣмъ съ Королемъ Польскимъ; Голландія и Англія въ войнѣ ему вспомоществовали; вся Баварія была занята войскомъ, не оставалось ни одного Француза въ Имперіи, и шестьдесятъ тысячь Австрійцовъ прошли даже въ Альзасъ. И такъ очевидно, если бы онъ не противуположилъ нѣкоей преграды счастію *Маріи Терезіи* развлеченіемъ ея силъ; побѣдоносныя оружія не преминули бы конечно такъ же и на него обратиться, и отъять у него ту самую Силезію, за которую онъ сражался. Когда онъ вторично заключилъ миръ въ Дрезденѣ: то и здѣсь такъ же не имѣлъ никакихъ причинъ продолжать войну. Онъ разорилъ

Богемію, завладѣлъ Саксоніею; троекратною побѣдою низложилъ гордость и уничтожилъ замыслы двора Вѣнскаго. Успѣхи Франціи во Фландріи такъ же возстановили равновѣсіе, дворъ Баварской отрекся отъ своихъ требованій; великій Герцогъ сдѣлался Императоромъ; войска со всѣхъ сторонъ были истощены, и всѣ жаждали мира. Съ другой стороны Россія понудила его примириться съ Королемъ Польскимъ, и онъ положивъ свое оружіе яко побѣдитель, содѣлалъ себѣ честь своимъ великодушнымъ и скромнымъ поступкомъ.

Что касается до Франціи, которая вторично горькія приносила на него жалобы, и гдѣ безъ разсужденія говорили о Прусской вѣрности, какъ о вѣрности Пунической, не важную ли онъ оказалъ ей услугу своимъ на Австрію наступленіемъ, по колику она освободила чрезъ то Альзасъ, и получила во Фландріи преимущества, которыя были причиною ея завоеваній. Напротивъ того коликой

опасности Францiя подвергла его попустивъ Принцу *Карлу* переправиться спокойно чрезъ Рейнъ, а по томъ оставшись при осадѣ Фрибурга вмѣсто того, чтобъ послѣдовать за нимъ со всею силою; и такимъ образомъ предоставивъ одному Королю Прусскому понести всю тяжесть Австрiйскихъ и Саксонскихъ оружiй.

Но если что во всю сiю войну, въ продолженiе коея никогда политика не была ни толико дѣятельна, ни толико сложна, долженствовало казаться новостiю для Европы видѣвшей всегда, что Государи разговариваютъ чрезъ переводчиковъ, пишутъ чрезъ своихъ секретарей, и вступаютъ въ переговоры чрезъ Министровъ; если что приводило на память тѣ прекрасныя времена древности, въ кои Исторiя не упоминаетъ ни о какомъ посредникѣ между Царями и народами: то безъ сомнѣнiя явилъ сiе особою своею младый Государь, который самъ договаривался, самъ разговаривалъ, самъ писалъ съ ясностiю, съ

достоинствомъ, съ опредѣлительностїю при другихъ дворахъ неизвѣстною; гдѣ все искуство въ томъ полагается, чтобъ никогда не итти къ своему предмѣту прямымъ путемъ, затмѣвать смыслъ витїйственными реченїями, писать нарочно темно, дабы въ случаѣ нужды можно было толковать иначе, и не употреблять прямыя истинны, которая однакожъ не столь часто, или по крайнѣй мѣрѣ не столь постыднымъ образомъ ввергаетъ человѣка въ затрудненїя, нежели ложь и хитрость. Въ толикомъ множествѣ политическихъ сочиненїй, коими наполнены лѣтописи того времени, сочиненїя Короля Прусскаго все превосходятъ. Всѣ почти онѣ сочинены во время похода, среди военнаго шума, всѣ они имѣютъ основанїемъ силу и простоту, вездѣ въ нихъ видна Логика прямая и благородная толико приличествующая Государю Ирою и изображающая купно великое свойство и разумъ отличный. Его манифесты, военныя его объясненїя, его предложенїя никогда не были имъ подписываемы, ниже

сочиняемы отъ его имени, по тому что онъ ихъ почиталъ сочиненїями употребляемыми для одного виду и обыкновенїя, въ которыхъ по своему желанїю все написать можно, всему придать иной видъ и на конецъ убѣдить или ослѣпить; но въ его собственныхъ писанїяхъ, во всѣхъ непосредственныхъ переговорахъ, кои шли отъ его имени, онъ безъ сомнѣнїя думалъ, что слава его должна быть поручительницею его словъ, и въ оныхъ всегда являлъ себя твердымъ и справедливымъ. Когда договаривался съ Дворомъ Вѣнскимъ, то мало говорилъ о подлинности своихъ правъ на Силезїю; на противъ того откровенно утверждалъ, что прїобрѣтенїе оныя необходимо нужно ему для его безопасности. Въ Дрезденскихъ переговорахъ написалъ онъ господину Вильерсу Аглинскому Посланнику, которой былъ посланъ отъ своего двора, дабы согласить его на сей миръ: „Вотъ мои условїя, я скорѣе „погибну со своимъ войскомъ, нежели „хотя мало отступлю отъ оныхъ,

,,и если Императрица не захочетъ ихъ ,,принять, то я требованія свои еще ,,возвышу.,, А Россіи, которая уговаривала его не вступать въ Саксонію, онъ отвѣтствовалъ: ,,ничего я не хочу отъ ,,Короля Польскаго, кромѣ того, чтобъ ,,его усмирить въ его Курфиршествѣ и ,,заставить подписать въ столицѣ признаніе въ своемъ раскаяніи.,, Самъ онъ писалъ многія письма къ Королю Польскому, въ коихъ увѣдомлялъ его о грозящей ему опасности, о истинныхъ пользахъ Саксоніи, кои долженствовали болѣе привлекать его къ *Бранденбургскому*, нежели къ *Австрійскому* Дому, о худыхъ совѣтахъ любимца его Графа *Бриля* и на конецъ о слабости его характера, заставляющаго вмѣшиваться въ дѣла трудныя при недостаткѣ военныхъ силъ къ защищенію себя, любопытная переписка, которую онъ вторично началъ въ 1756 году, и въ которой видно, что личныя качества большее различіе полагаютъ между Государями, нежели между частными людьми. На конецъ предъ заклю-

ченіемъ мира въ Бреславлѣ, когда Маршалъ *Бель Иль* прибылъ изъ Праги въ его станъ для извѣданія его расположеній, то и въ семъ случаѣ онъ безъ обинякoвъ объявилъ перемѣну своея политики. „*Господинъ Маршалъ*, сказалъ онъ „идучи предъ нимъ, *думайте теперь о „себѣ, я свою игру выигралъ и заключаю миръ*.„ Должно токмо сравнить сіюколико разумную, толико и мужественную откровенность съ поступкомъ толь многихъ Министровъ, кои не стыдятся отрицать дѣлъ самыхъ истинныхъ и посрамляютъ имя своихъ Государей явною ложью, произнесенною предъ лицемъ цѣлыя Европы.

Сладость мира, удовольствіе приносимое побѣдами, очарованіе производимое лестію, которая ихъ отвсюду окружаетъ подъ видомъ истинныя славы: вотъ обыкновенный камень претконовенія для всѣхъ Государей побѣдителей, вотъ сѣти, которыхъ они не могутъ избѣгнуть, когда возвратясь отъ своихъ побѣдъ, окружены бываютъ придворными

своими. Тогда то ожидают ихъ прибытія, чтобъ развратить ихъ. Чѣмъ болѣе явили они себя сильными, тѣмъ болѣе сіи побуждаются приводить ихъ въ слабость. Простолюдимъ обыкновенно болѣе старается великое свойство въ человѣкѣ унизить до себя, нежели самому до онаго возвыситься. Да сверхъ того, поелику придворные рѣдко бываютъ изъ тѣхъ, кои знаютъ важность трудовъ по опыту, и кои оказали знаменитыя услуги, то каждой изъ нихъ при наступленіи мира, при наступленіи времени для забавъ и пронырствъ, предается своимъ склонностямъ и въ томъ счастіе свое обрѣтаетъ. Но *Фридрихъ* двора не имѣетъ; слѣдовательно и душа его сохранитъ все свое величество. Мѣстомъ пребыванія его остается войско. Военныя упражненія, правленіе своихъ земель, поученія во всякомъ родѣ наукъ занимаютъ жизнь его. Нѣкоторая часть дней его протекаетъ въ уединеніи, толико всегда спасительномъ для человѣковъ, когда разумъ ихъ питается чте-

нїемъ или размышленїями, кои особенно должны усовершать Государей, поколику они удаляютъ отъ нихъ мечту ихъ величїя, приближаютъ ихъ къ природѣ и сознанїю самихъ себя. Онъ предается нѣкоему роду расточенїя: но слѣдствїя онаго не премѣнятъ ни нравовъ его, ни употребленїя его времени. Онъ украшаетъ свою столицу, воздвигаетъ многїе въ ней памятники; сего то рода общенароднаго величества не доставало въ его державѣ. Онъ распространяетъ Потсдамъ; часть онаго созидаетъ на мѣстахъ до толѣ бывшихъ болотами; онъ дѣлаетъ его прекраснѣйшимъ военнымъ, можно сказать, городомъ; строитъ для себя огромный дворецъ; призываетъ туда всѣ художества; собираетъ совершеннѣйшїя произведенїя во всякомъ родѣ; въ строенїи и уборахъ онаго, неупущаетъ никакого рода великолѣпїй. Необходимо нужно было для него доставить своему народу, мануфактурамъ и художникамъ упражненїе и образцы, яко средство къ образова-

нїю ихъ вкуса. Но посреди сея пышности, которую онъ истощеваетъ единственно на бездушныя вещи, и чрезъ то какъ бы старается сдѣлать для себя ихъ чуждыми, отличїе Государя философа гораздо болѣе видно. Все, что непосредственно къ нему принадлежитъ, какъ то платье его, столъ, домашняя жизнь, малое число служителей, все остается непремѣнно. При великолѣпныхъ покояхъ, въ альковѣ богато вызолоченномъ и затворенномъ решеткою изъ чистаго серебра, походная самая грубая постель, нѣсколько простыхъ уборовъ, библїотека книгъ преисполненная, коихъ безпорядокъ возвѣщаетъ частое оныхъ употребленїе; вотъ чего для *Фридриха* довольно, и довольно было до послѣдняго дня его жизни. Сїя противуположность подаетъ мысль объ *Александрѣ*, доколѣ *Вавилонъ* еще не развратилъ его нравовъ въ *Дарїевыхъ* чертогахъ, или о *Солонѣ* при дворѣ Царя Лидїйскаго.

Фридрихъ не ограничивается тѣмъ, чтобъ токмо созидать и украшать во

кругъ себя; знаетъ онъ, что великолѣпїе столицы всегда бываетъ на счетъ провинцїй, и что тогда, когда Государи сооружаютъ себѣ замки, часто остаются поля въ запустенїи. Онъ занимается и тѣмъ, что удалено отъ очей его. Онъ одушевляетъ хлѣбопашество, заводитъ фабрики, ободряетъ размноженїе народа, призываетъ чужестранцевъ, среди песковъ основываетъ селенїя, и вскорѣ являются на оныхъ села и нивы. Силезїя съ давнаго времени оставленная въ небреженїи своими владѣтелями, болѣе еще была опустошена оружїемъ. Земля была истощена; ибо дворъ Вѣнскїй хотя и малые бралъ съ нея поборы: но и малость изъ нея выходившая въ нее обратно никогда не возвращалась: а и самыя малыя подати, если никакими оборотами паки не возвращаются, приводятъ въ большую бѣдность землю, нежели великїя, но многочисленными протоками назадъ возвращающїяся. Австрїйскїе Министры знали токмо пожинать, а никогда не сѣяли. Всѣ доходы отданы

были подЪ заклады, даже Аглинскїе купцы, какЪ заимодавцы, сильное имѣли право на сїю провинцїю. *Фридрихъ* вознаграждаетЪ здѣсь всѣ бѣдствїя произведенныя войною, и злоупотребленїя бывшїя во время мира. ПорядокЪ и хозяйственное строительство занимаютЪ тамЪ мѣсто небрежности и нестройства. Доходы государственные тамЪ умножаются, и при всемЪ томЪ страна сїя имѣетЪ еще выигрышЪ, потому что великїе гарнизоны, многїе полезные росходы и торговля производимая сЪ большею дѣятельностїю доставляютЪ и размножаютЪ способы кЪ новымЪ промысламЪ. И такЪ сїя земля уподобляется тѣмЪ великимЪ помѣстьямЪ, кои прешедЪ отЪ рукЪ сильнаго, но недомостроительнаго и вЪ отдаленности отЪ нее живущаго владѣльца кЪ частному рачительному хозяину, умножаютЪ его стяжанїе, и кои онЪ возстановляя самЪ ими обогащается.

ВЪ сїежЪ самое время *Фридрихъ* сочинилЪ записки *Бранденбургскаго* дома,

изящный образецъ исторїи, писанный слогомъ благороднымъ, приличнымъ и яснымъ, и для коей онъ долженъ былъ рачительно все розыскивать и все собирать: ибо справедливо говорятъ, что въ семъ небольшемъ уголкѣ Европы, не было никакихъ иныхъ творенїй сего рода, кромѣ нѣсколькихъ худыхъ лѣтописцевъ. Надобны знаменитыя дѣла и блистательность, что бы породить дѣеписателей. *Фридрихъ* въ сихъ запискахъ вездѣ является философомъ, и нигдѣ Государемъ. Если за рѣдкое почитается качество въ человѣкѣ ученомъ пишущемъ исторїю, когда онъ не причастенъ предразсужденїямъ своего состоянїя, народа, или защищаемой имъ стороны, то кольми паче достойно оно уваженїя въ дѣеписателѣ Государѣ, когда онъ возносится превыше предразсужденїй своего рода и престола.

Фридрихъ начинаетъ сїе творенїе отриновенїемъ басенъ о происхожденїи своего дома, которой столько древенъ, что оныя можно прейти молчанїемъ.

Онъ признаетъ свою слабость при началѣ сего творенія, что самое сугубитъ его славу: онъ ничего не говоритъ надмѣнно и ничего не увеличиваетъ. Онъ сдѣлалъ своимъ Ироемъ прадѣда своего, великаго Курфирста, котораго самъ превзошелъ уже несравненно. Наконецъ останавливаясь на смерти своего отца: „Сему то „Государю, говоритъ онъ искусно соединивъ скромность и самолюбіе, обязана Пруссія основаніемъ своихъ войскъ, „и слѣдственно всѣмъ своимъ счастіемъ; „и если съ тѣхъ поръ войска сіи содѣлались толико страшными; то должно „ему и въ томъ такъ же воздать честь, „подобно какъ вся сила дуба приписываемся свойству жолудя.

При таковыхъ важныхъ трудахъ, сей неутомимый разумъ находилъ еще свободные часы для письмословныхъ сочиненій: писалъ онъ тогда похвальныя слова мужамъ ученымъ и членамъ своей Академіи, Поему о военномъ искуствѣ, письма въ стихахъ и даже оперы, и все сіе служило ему токмо отдохновеніемъ.

Въ сихъ легкихъ сочиненіяхъ, о коихъ онъ самъ говорилъ съ безпристрастіемъ и скромностію, находятся во многихъ мѣстахъ высокія мысли и въ нѣкоторыхъ удачные стихи. Они такъ же имѣютъ и другія достоинства для тѣхъ, кои любятъ созерцать великаго мужа во всемъ томъ, что отъ него происходитъ, по тому что оные представляютъ свѣту его правила, мысли и свойства. Достойно такъ же примѣтить, какъ нѣкоторые памятники мужества и любомудрія и тѣ творенія, кои онъ писалъ въ теснѣйшихъ обстоятельствахъ своей жизни. Наконецъ всѣ, кои среди великихъ дѣлъ и великихъ должностей упражняются въ писмословіи, и кои чрезъ то облегчаютъ тяжесть или услаждаютъ горесть жизни человѣческой, а особливо воины, коимъ въ прочемъ по нѣкоему грубому предразсужденію поставляется сіе въ преступленіе, должны восхищаться, что *Фридрихъ* предоставилъ имъ таковый примѣръ, который можетъ быть вмѣстѣ съ при-

мѣрами *Кесаря*, *Сципїона* и *Марка Аврелїя*, заградитъ уста ограниченнымъ и непрїязненнымъ благополучїю другихъ умамъ, кои мыслятъ, что имѣющїе извѣстное званїе люди не должны развлекаться многоразличными упражненїями, что противныя роды дѣлъ одному несовмѣстны, и что лучше праздное время провождать въ скукѣ, нежели перемѣнять свои упражненїя, и разсыпать по онымъ цвѣты.

Но военная наука и особливое попеченїе о своихъ войскахъ въ мирное время, было главнѣйшее упражненїе *Фридриха*. Европа кажется спокойна; однако кабинеты Государей пребываютъ въ движенїи, и военныя дѣйствїя, можно сказать, болѣе на время токмо прекращены, нежели во все оставлены. Она подобна атмосферѣ послѣ мрачныхъ тучь озаренной солнечнымъ свѣтомъ, но въ коей носятся еще легкїе облака, въ которыхъ проницательное око предусматриваетъ прїуготовленїе новыя бури. По окончанїи войны осталось у *Фридри-*

ха войска сто тридцать тысячь человѣкъ; онъ умножаетъ оное скрытымъ образомъ; его новыя завоеванія пріобщены къ цѣлому составу его государства; онъ набираетъ въ нихъ полки, раздѣляетъ такъ какъ и всѣ другія свои владѣнія на округи, кои должны доставлять извѣстное число людей въ военную службу. Смѣжность Польши подаетъ ему новые способы получать лошадей для своей конницы. Часто новыя завоеванія приходятъ въ ослабленіе: они требуютъ гарнизоновъ, и войско долженствующее ограждать большее пространство, дѣлается менѣе способнымъ для военныхъ дѣйствій. Но система *Фридриха* противныя тому производитъ слѣдствія: все пріобрѣтенное оружіемъ, обращается въ пользу оружія; войска его расширяясь укрѣпляются, и можно по справедливости уподобить ихъ рѣкѣ, которая въ теченіи своемъ принимая въ себя новыя воды увеличивается.

Но существеннѣйшее умноженіе силъ войска, состоитъ въ приращеніи воен-

ной науки и въ знанïи поступать по ея правиламъ. *Фридрихъ* неутомимо надъ симъ трудится. Онъ содержитъ войска свои во всегдашней готовности ежегодными осмотрами и военными въ лѣтнее время упражненïями. Сïи осмотры дѣлаетъ онъ самолично, и при обученïи войскъ самъ ими предводительствуетъ. Повѣрить трудно, съ какимъ успѣхомъ войска осматриваемые и обучаемые великимъ полководцемъ и купно Государемъ прïобрѣтаютъ навыкъ, единообразïе въ дѣйствïяхъ и соревнованïе. Его конница, которая простиралась до тридцати тысячь человѣкъ, великаго труда требовала, чтобъ уравнить ее съ его пѣхотою. Правила Короля для коннаго войска со всемъ были противоположны тогдашнимъ обыкновенïямъ; ибо вмѣсто того, что Нѣмецкая конница не иначе дѣлала свои нападенïя, какъ ѣдучи шагомъ или рысью, и производя стрѣльбу, а Французская въ крайнемъ безпорядкѣ, онъ поставилъ себѣ за основанïе, что конница никогда не должна стрѣлять, что вся

сила ея должна состоять въ проворствѣ ея движенїй и во всевозможномъ устремленїи на непрїятеля. Но великое было разстоянїе отъ сего правила до того степени навыка и проворства, какїя надлежало ввести во всю его конницу, дабы вдругъ подвигнуть строй состоящїй изъ пяти или шести тысячь лошадей, и наконецъ цѣлое крыло, до чего онъ по томъ и достигнулъ. По крайней мѣрѣ въ одной только Прусской конницѣ предполагали сїю цѣль, и начали стараться ея достигнуть. Многїе полки въ оной уже себя отличили. Уже великїе являлись въ оной офицеры, и между прочими былъ сей искусный *Зейдлицъ*, который по томъ довершилъ сїю перемѣну, и возвелъ конницу своего Государя можетъ быть на высшїй степень изящества, нежели на какомъ находилась пѣхота: но *Фридрихъ* показалъ надобность сея перемѣны и положилъ правила оной; наконецъ онъ же открылъ и способности въ *Зейдлицѣ*, когда еще сей проходилъ нижнїе чины, и скоро его возвелъ на

высокiе степени. Дарованiя, кои Государи предузнаютъ и возводятъ ихъ на приличныя имъ мѣста, по справедливости должны возвышать величiе ихъ славы.

Но сколь бы части войска ни хорошо обучены были, и сколь бы ни искусны были при оныхъ офицеры, при всемъ томъ цѣлая армiя не можетъ еще быть искусна во всѣхъ тактическихъ дѣйствiяхъ и поворотахъ. Части войскъ суть обдѣланные матерiялы, изготовленныя пружины; но для сего потребны еще военачальники, которые бы умѣли ихъ вмѣстѣ всѣ употреблять и управлять ими по своей воли и обстоятельствамъ. Потребна для сего великая тактика, т. е. наука соединять великiя части войскъ, и строить оныя всякими образами по предначертанiю полководца и соотвѣтственно мѣстоположенiю. Даже нужно было изобрѣсти для самыхъ корпусовъ способы гораздо простѣйшiя и скорѣйшiя обращенiя при маршированiи ихъ въ сраженiяхъ. Сiя перемѣна въ важнѣйшей части военнаго искуства,

(ибо не инако, какъ посредствомъ маршированій и сраженій все въ войнѣ рѣшится) была предоставлена Великому *Фридрихову* уму. Симъ то онъ толико превосходитъ другихъ полководцевъ, кои одерживали побѣды и совершили наилучшіе походы, но которые не обогатили военнаго искуства толь существенными поправленіями и расширеніемъ предѣловъ онаго.

Ученіе, какъ древніе воевали, которое всѣхъ военныхъ людей предававшихся оному безъ разсужденія и разума, дѣлало невразумительными о томъ толкователями, или творителями системъ совсѣмъ несовмѣстныхъ ни съ нашими оружіями, ни съ гражданскимъ чиноположеніемъ, сіе ученіе въ рукахъ Короля Прусскаго премѣняется въ источникъ великаго богатства. Въ движеніяхъ, при увеличеніи и уменьшеніи строю Греческой фаланги, онъ первый открылъ правила разширенія: *Пирръ* ввелъ оныя въ своемъ войскѣ; *Густавъ*, а по немъ *Карлъ* XII. имѣли объ оныхъ нѣкоторые не-

совершенныя понятія. Но *Фридрихъ* усовершилъ ихъ, ввелъ въ свою пѣхоту, а по томъ и въ конницу. Чрезъ то уменьшилъ онъ неудобство встрѣчавшееся при маршированіи въ длинныхъ колоннахъ, и медлѣнность, съ какою оныя вступали въ сраженіе; чрезъ то въ движеніяхъ своихъ онъ могъ быть отважнѣе и не имѣлъ нужды предначертанія своея атаки прежде опредѣлить или открыть, какъ въ самую минуту дѣйствія и въ близи непріятеля. Такимъ образомъ частныя повороты одной колонны приведши въ большее совершенство и скорость, улучшилъ по томъ также и совокупныя движенія многихъ колоннъ вмѣстѣ. Онъ ихъ пріобучилъ съ точностію наблюдать потребныя другъ отъ друга разстоянія; маршировать въ равныхъ въ разсужденіи толщины, или не равныхъ, но цѣли соотвѣтствующихъ строяхъ; пробѣгать въ опредѣленное время данное пространство земли, становиться въ боевой порядокъ во всѣхъ направленіяхъ паралельныхъ, или косвен-

ныхъ, или всѣмъ вмѣстѣ, или по частямъ, или отдѣленiями постепенно слѣдующими другъ за другомъ, или для составленiя или для подкрѣпленiя пункта атаки. Начальниковъ своихъ войскъ научилъ водить колонны, и поворачивать ихъ по всѣмъ даннымъ повелѣнiямъ и знакамъ; они привыкали къ разстоянiямъ, къ преодолѣнiю препятствiй и къ различiю мѣстоположенiй и обстоятельствъ. Тогда то Король могъ положиться на правильное и геометрическое между собою соотвѣтствiе великаго множества частей, составляющихъ войско и входящихъ въ составленiе общаго расположенiя.

Сраженiя при *Левктрѣ* и *Мантинеѣ*, подали *Фридриху* понятiе въ косвенномъ боевомъ порядкѣ; но сколь великое различiе употреблять оный при такихъ обстоятельствахъ, какъ употреблялъ *Епаминондъ*, съ 5, или съ 6 тысячами человѣкъ, на малой равнинѣ, гдѣ онъ все самъ устроевалъ, все видѣлъ, все исправлялъ, и приноровить оной къ нашимъ многочисленнымъ войскамъ, коихъ въ

длину зрѣнїемъ объять не можно, особливо на мѣстоположенїи возвышенїями пресѣкаемомъ и неровномъ, каковое нынѣ выискиваютъ для ратнаго мѣста! Какого дарованїя и какого искуства требовалось, дабы постигнуть сїе изобрѣтенїе и расположить оное по столь чрезвычайному размѣру! *Фридрихъ* и въ семъ успѣлъ.

Часто полководцамъ новыхъ временъ, удавалось окружить непрїятеля высланнымъ въ передъ отрядомъ войскъ и напасть на него съ боку особеннымъ отъ общаго расположенїя образомъ; но дѣйствовать въ виду непрїятеля, такъ, чтобъ онъ не могъ примѣтить къ чему то клонится, по томъ великимъ поворотомъ внезапно съ боковъ на него устремиться, и даже устроенїемъ боеваго порядка захватывать его крыло, такъ какъ *Александръ* сдѣлалъ на сраженїяхъ при *Иссѣ* и *Арбеллѣ*: сїе искуство было токмо древнимъ тактикамъ извѣстно, и у нихъ то оному научился Король Прусскїй. Примѣръ *Кесаря* при

Фарсалѣ научилъ его располагать войски по крыламъ на подобіе буквы глаголь, или крюкомъ. Безъ сумнѣнія оттуда заимствовалъ онъ всегда отъ него наблюдаемое правило, что бы части войскъ опредѣленные для прикрытія, разставлять на флангахъ, а позади конца фланговъ своея конницы, ставить постепенно, или колонной гусаръ для прикрытія, дабы они могли окружить непріятеля въ самую минуту нападенія. Такимъ образомъ всякаго рода поученія разметаны на развалинахъ вѣковъ протекшихъ. Безчисленные роды мимо идутъ, не обрѣтая въ нихъ себѣ пользы; наконецъ высокій умъ возникаетъ и оныя объемлетъ.

И такъ *Фридриховы* лагери въ мирное время были истиннымъ училищемъ для его войскъ, для его Генераловъ и для его самого, училищемъ, какое можетъ быть, по нѣкоторымъ отношеніямъ подлинную въ войнѣ опытность превосходило: ибо во время сраженій часто смятеніе и важность случаевъ бываетъ

причиною, что ни точность, ни поправленїе движенїй не наблюдаются со всею строгостїю. Да и подлинно потребно душѣ нѣкое спокойствїе къ тому, чтобъ заниматься единымъ токмо предмѣтомъ и наблюдать принятыя правила. Ни что малое, ни что пустое или безполезное никогда не отвлекало его отъ цѣли, и не похищало его времени. Иногда повелѣвалъ онъ въ маршированїи вдругъ дѣлать извѣстныя положенїя, или становиться въ боевой порядокъ, по томъ представлять нападенїя; иногда раздѣлялъ войско и приказывалъ двумъ корпусамъ наступать одному на другой, подобно какъ бы дѣйствїе происходило между непрїятелями; изъ оныхъ однимъ самъ предводительствовалъ, а другимъ одинъ изъ его Генераловъ; иногда велѣлъ представлять пасенїе скота, или прикрытїе привозу съѣстныхъ припасовъ и другїе военные случаи. При семъ мало слышно было пальбы. Къ сему представленїю войны, тотъ токмо имѣетъ прибѣжище, кто не разумѣетъ никакихъ

Тактическихъ движенїй, зритель оными ослѣпляется; при томъ гораздо легче представить сраженїе симъ пустымъ шумомъ, нежели дѣйствїями подходящими къ самой сущности. Тогда въ станъ его ни кто изъ чужестранцовъ не былъ допускаемъ. *Фридрихъ* Тактику свою содержалъ въ тайнѣ. Ему нужно было имѣть въ рукахъ своихъ средство къ побѣдѣ; да и время еще не приспѣло, въ которое онъ по другому отношенїю, достойному воина философа, увѣнчавшись всею славою, какую токмо искуство его могло ему доставить правила свои и свое поученїе, начерталъ для всей Европы.

Полководецъ, который въ мирное время сидя въ своемъ кабинетѣ, одними токмо прекрасными писанїями захотѣлъ бы обучать свое войско, можетъ быть часто былъ бы для него невразумителенъ, а хотя бы то и не случилось, однако въ послѣдствїи можетъ быть на мѣстѣ сраженїя, и въ самомъ дѣйствїи увидѣлъ бы оное въ чрезвычайномъ смятенїи и замѣшательствѣ, отъ неумѣнїя прино-

ровлять правила къ самому дѣлу. Но другой, которой обучая оное одними токмо упражненїями, пренебрегъ бы присовокуплять къ тому полезныя умозрительныя правила, подвергся бы другому неудобству. Онъ никогда бы не могъ истребить закоснѣлыхъ въ нихъ навыковъ, и можетъ быть никогдабъ не могъ сдѣлать великихъ воиновъ. Но отъ *Кесаря*, которой дѣйствовалъ такъ перомъ, какъ и оружїемъ; которой купно подавалъ наставленїе и примѣръ, которой предводительствовалъ своими легїонами и самъ занимался ихъ упражненїями, которой покрытый пылью возвращался въ свою палатку писать записки своихъ походовъ; отъ *Кесаря* до *Фридриха* ни одинъ полководецъ не образовалъ своего войска таковымъ соединенїемъ умозрѣнїя съ самымъ дѣломъ, чрезъ что всякое ученїе столь яснымъ, легкимъ и основательнымъ представляется. Нѣтъ ничего можетъ быть столь достойнаго славы, какъ видѣть великаго мужа, который примѣромъ сво-

имЪ возобновляетЪ дивное величество другаго великаго мужа за многіе вѣки прежде его жившаго, и каковаго многія послѣдованія родовЪ произвести не могли; вЪ семЪ неизмѣримомЪ пространствѣ временЪ ихЪ между собою раздѣляющихЪ, все кажется падетЪ и разрушается и воспламененное воображеніе, зритЪ ихЪ какЪ будто на развалинахЪ стоящихЪ и чрезЪ мертвую пустоту протекшихЪ вѣковЪ подающихЪ себѣ руки. *ФридрихЪ* вЪ своемЪ станѣ, былЪ то, что и *Кесарь*; онЪ упражняется вЪ дѣлахЪ, говоритЪ, мыслитЪ, пишетЪ; онЪ составляетЪ для своихЪ ГенераловЪ твореніе, вЪ коихЪ умЪ и опытность взаимно себя подкрѣпляютЪ; и вЪ коемЪ онЪ преподаетЪ имЪ ученіе даже избѣгать и тѣхЪ погрѣшностей, какимЪ онЪ самЪ былЪ подверженЪ, словомЪ: объемля единымЪ взоромЪ воиновЪ и ихЪ предводителей, полки и войски все порознь и все вмѣстѣ, всѣ силы души своея имѣетЪ вЪ напряженіи и вЪ единое время свѣтЪ различныхЪ понятій распространяетЪ.

Приспѣло ему время собирать плоды своея прозорливости и паки явиться на театрѣ славы своей. Между Франціею и Англїею произошли споры о предѣлахъ въ лѣсахъ Канадскихъ, и сїя искра, которую легко можно было или предускорить или угасить, при самомъ началѣ раздуваемая честолюбїемъ и политикою, вскорѣ произвела великїй пожаръ. Оба народа искали себѣ союзниковъ; и странным для всея Европы премѣненїемъ политической системы, увидѣли, что Императрица *Марїя Терезїя* вступаетъ въ союзъ съ Франціею хотѣвшею свергнуть ее съ престола, и что *Фридрихъ* Англїю предпочитаетъ Франціи, которая, какъ то думали, была съ нимъ въ союзѣ какъ бы по самому естеству. *Фридрихъ* первый на сїе рѣшился, проникнувъ на передъ въ тонкость во всѣ обстоятельства. Онъ никогда не почиталъ необходимыми, мнимыхъ естественныхъ союзовъ, кои вымышляетъ ограниченная и на предразсудкахъ основанная политика. Онъ всегда думалъ,

что сильная держава никогда не должна налагать на себя таковыхъ оковъ, что всегда должна быть хорошо вооружена и на все готова, и тогда то случай, настоящая минута и обстоятельства всегда непредвидимыя, и отъ которыхъ зависитъ бытїе людей и вещей, долженствуютъ рѣшить, кто будутъ ей враги и кто союзники; словомъ: удержанїе того, чѣмъ онъ обладалъ, и соблюденїе мира въ Нѣмецкой Имперїи очевидно были предмѣтомъ соединенїя его съ Англїею, для достиженїя котораго онъ всѣми мѣрами достигнуть старался. Ему и въ мысль не приходило, да и притти не могло, что бы Вѣнской дворъ забылъ чрезъ столь долгїе вѣки продолжавшуюся къ Францїи вражду, усугубленную при томъ новымъ оскорбленїемъ, и что бы она по своему съ онымъ союзу вступила на матерой землѣ въ войну, которая бы ее отвратила отъ ея важнѣйшаго предмѣта, то есть воевать съ Англїею и устремить на нее всѣ свои силы. Неутралитетъ въ Нѣмецкой Имперїи и миръ на матерой

землѣ, казались Королю Прусскому необходимыми для Французской политики; и по сей то причинѣ между тѣми острыми и колкими шутками, коими люди великаго разума и свойства иногда противъ своей воли обнаруживаютъ сокровенныя свои мысли, сказалъ онъ однажды Герцогу Ниверпейскому, которой былъ къ нему присланъ отъ Короля для преклоненія его къ союзу: *Франціи для союзниковъ довольно однихъ кораблей.*

Къ нещастію все послѣдовало противу *Фридриховыхъ* заключеній. Франція почитала себя оскорбленною его отказомъ, коего бы ей отнюдь за оскорбленіе принимать не надлежало. Она была въ томъ заблужденіи, что безъ союзниковъ не останется, и наконецъ по легкомыслію своему всю свою надежду положила на домъ Австрійскій. Симъ навлекла она на себя несчастіе, какъ въ то самое время, такъ и въ продолженіе сея войны, въ которую Франція своими погрѣшностями безпрестанно болѣе погружалась и пріуготовляла себѣ погибель.

Вѣнской дворъ будучи подкрѣпленъ союзомъ съ Франціею, и увѣренъ, что онъ сію державу совершенно запутаетъ въ свои дѣла, по тому что вспомоществованія обѣщаваемыя союзниками, часто влекутъ за собою для подкрѣпленія цѣлое войско, сдѣлался средоточіемъ опасныхъ для *Фридриха* переговоровъ между *Австріею,* слабымъ *Августомъ* Королемъ Польскимъ и Курфистомъ Саксонскимъ и Россійскою Императрицею *Елисаветъ Петровною,* которая совершенно была предана *Маріи Терезіи.* Каждая изъ сихъ державъ при вступленіи въ сей союзъ имѣла свои особливыя виды, или особливую вражду. Австрія не могла еще забыть утраты Силезіи. Саксонія желала получить себѣ награду за претерпѣнныя ею разоренія. *Елисаветъ Петровна* хотя не имѣла никакихъ честолюбивыхъ требованій, но она была огорчена противу Короля Прусскаго. Наконецъ отвсюду гроза ему уготовлялась и войски трехъ державъ въ тайнѣ предприняли уже свои мѣры. *Фридрихъ*, кото-

раго не легко было обмануть неукоснительно требуетъ объясненій; отъ него скрываютъ намѣренія; онъ настоитъ; ему отвѣтствуютъ съ высокомѣріемъ, и онъ въ ту же минуту пріемлетъ свою рѣшимость; онъ предъ сосѣдами своими имѣлъ то преимущество, что онъ всегда готовъ былъ къ начатію дѣйствій; онъ симъ и воспользовался. Въ Сентябрѣ 1756 году нападаетъ онъ на Саксонію съ двумя войсками, изъ коихъ однимъ окружаетъ Саксонскія войски уклонившіеся въ станъ при Пирнѣ, а съ другимъ проходитъ въ самую Богемію. Союзные дворы удивленные толь нечаяннымъ поступкомъ, произносятъ противу его свои жалобы. Всѣ совокупно стараются возбудить противу его Европу, на сіе преклоняютъ всю Нѣмецкую Имперію; Короля Прусскаго укоряютъ нарушеніемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ. „На Саксонію, говорятъ, учи-
„нено нападеніе среди мира, и поступ-
„лено какъ съ завоеванною землею; Король
„изгнанъ изъ своей столицы, и вся его

„фамилїя взята тамъ въ плѣнъ!„ Лѣтописи мїра, говорили въ манифестахъ, не представляютъ подобнаго насильства. Видно, что мало знали исторїю побѣдителей, и непреоборимые законы предписуемые нуждою благоразумїю. *Фридрихъ*, которой лучше ихъ то зналъ, производя дѣйствїя свои, отвѣтствовалъ, что первѣйшее право есть неусыпно пещися о сохраненїи себя; что онъ нападенїемъ на своихъ непрїятелей предупредилъ токмо свою погибель и въ то же самое время перехваченными бумагами доказывалъ, что были дѣланы разныя противу него ковы тремя дворами. Что касается до Короля Польскаго, онъ ему писалъ собственною своею рукою самую истинну; что онъ въ прошедшую войну научился, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступать должно, что если бы онъ при нападенїи на Богемїю не завладѣлъ Саксонїею, чрезъ которую онъ проходилъ съ превосходившими непрїятеля силами, то онъ бы подвергнулся великимъ несчастїямъ и

былъ бы послѣ принужденъ возвратиться назадъ для покоренія земли сея и сражаться съ непріятелемъ, котораго позади себя оставилъ; что сей разъ онъ сдѣлалъ свое предначертаніе, что ему, дабы вести войну съ выгодою, нужно было занять рѣку Ельбу, и для облегченія бремени войны овладѣть Саксоніею; что наконецъ въ таковомъ положеніи, въ каковомъ онъ находился, не могъ онъ принять неутралитета отъ сего Курфиршерства, что ему или друзья, или враги потребны были, и что, если Король Польскій желалъ снискать его дружбу, то долженъ былъ дѣйствовать съ нимъ совокупными силами, помогать ему всѣми пособіями, какія токмо Саксонія подать можетъ, и соединить свое войско съ его войсками. Трудно было *Августу* согласиться на сіи условія, да и для Короля Прусскаго гораздо было полезнѣе, чтобъ онъ ихъ не принялъ, ибо для воюющихъ державъ нѣтъ ничего полезнѣе, какъ имѣть слабаго непріятеля, коего землею можно подкрѣ-

пить свои силы; напротивъ того всего несноснѣе имѣть союзника, на котораго ни въ чемъ положиться не можно, и котораго при томъ щадить должно.

Между тѣмъ Австрїйскїя войски собравшись въ Богемїи, спѣшили на помощь утѣсненнымъ Саксонцамъ, что довольно доказывало, сколь тѣснымъ союзомъ оба двора между собою сопряжены были. *Фридрихъ* идетъ имъ на встрѣчу и нападаетъ на нихъ при *Ловозицѣ* съ войскомъ гораздо меньшимъ: ибо онъ не имѣлъ болѣе 28 баталїоновъ; съ непрїятельской же стороны было 55 баталїоновъ. Сраженїе было продолжительно и кровопролитно. Король Прусской принужденъ былъ дважды перемѣнять свое расположенїе, и не иначе какъ весьма искуснымъ и отважнымъ поворотомъ всея своея пѣхоты, овладѣлъ онъ наконецъ деревнею *Ловозицемъ*, и Австрїицы были прогнаны. А какъ Король Прусской не много при семъ случаѣ отнялъ побѣдоносныхъ знаковъ, то и не хотѣли они себя признать побѣжденными, однако же

кромѣ мѣста сраженія всѣ слѣдствія сего дня то доказали; ибо онъ остался обладателемъ Саксоніи и тѣсныхъ въ Богемію проходовъ. Маршалъ Бровнъ со своимъ передовымъ войскомъ тщетныя дѣлалъ покушенія къ освобожденію Саксонцовъ и былъ принужденъ къ отступленію назадъ въ Прагу. Тогда Саксонцы оставленные безъ всякія помощи въ станѣ отъ природы непреодолимомъ, который по той самой причинѣ для вступившаго въ оный войска содѣлался рвомъ погибели, недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ доведены были до того, что положили свое оружіе. Изъ двадцати двухъ баталіоновъ сдѣлалъ онъ десять Прусскихъ полковъ. Король Польскій *Августъ* въ договорѣ той единой просилъ милости, чтобъ возвратить ему гранадеровъ его гвардіи. ,,Нѣтъ, отвѣтствовалъ ,,*Фридрихъ* шутливымъ образомъ, *нехочу* ,,*я имѣть труда брать ихъ въ полонъ* ,,*вторично*.,,

Сколько упованія показалъ *Фридрихъ* къ военному своему устроенію и къ са-

мому себѣ отваживаясь въ свое войско включать цѣлые непріятельскіе полки, въ которыхъ онъ ничего болѣе не перемѣнилъ, кромѣ знаменъ и предводителей! но въ тѣсныхъ обстоятельствахъ не дѣйствительны правила обыкновенныя мудрости. Государь имѣющій въ людяхъ недостатокъ, и коего войско превосходитъ существенную его силу, принужденъ употреблять другія средства, нежели каковыя бы могъ употреблять, управляя одною изъ тѣхъ прскрасныхъ монархій, которыя преизбыточествуютъ народомъ, и замѣну утраты своея въ нѣдрахъ своихъ обрѣтаютъ. Главное его правило при наборѣ войска было то, чтобъ оное не состояло изъ его подданныхъ. Отецъ его оставилъ ему оное, ибо и сей при *Стральзундѣ* набралъ цѣлой полкъ изъ плѣнниковъ Шведскихъ, взятыхъ при осадѣ сего города, и на островѣ *Ригенѣ*.

Фридрихъ умножая свое войско и не покидая изъ рукъ своего оружія, былъ принужденъ всякія пособія употреблять

въ свою пользу; каждой, кто токмо сражаться въ силахъ, былъ для него солдатомъ. Большая половина изъ тѣхъ, кои за нимъ слѣдовали, состояли изъ чужестранцовъ. Саксонія, коею онъ овладѣлъ; Богемія, куда онъ пришелъ на краткое время; всѣ Нѣмецкія области, куда токмо могъ пройтить со своимъ оружіемъ; всѣ земли, въ коихъ по привязанности къ нему позволяли ему набирать войски; Польша, съ коею граничатъ его владѣнія; бѣглецы и плѣнники отъ всѣхъ войскъ противъ него сражавшихся: вотъ источники, изъ которыхъ получалъ онъ своихъ рекрутъ. Чрезъ сіе подкрѣплялъ и многократно возобновлялъ свои войски въ продолженіе семилѣтнія войны самой кровопролитной, самой тяжкой, самой губительной для людей, какая когда либо бывала. Въ самомъ дѣлѣ между всѣми предмѣтами, на коихъ основывалась слава Короля Прусскаго, безъ сомнѣнія и сіи войски не малое заслуживаютъ удивленіе. Пречудная машина, составленная по видимому изъ раз-

личныхъ несвязныхъ между собою частей и всегда готовая къ разрушенїю, но которую онъ при всемъ томъ, военнымъ своимъ устроенїемъ и своимъ высокимъ умомъ, умѣлъ содержать въ своей власти и обращать къ своимъ намѣренїямъ, такъ, какъ будто она состояла изъ совершеннѣйшихъ и единообразнѣйшихъ веществъ!

Утверждали, что Король Прусскїй занимаясь не во время станомъ своимъ при *Пирнѣ* и переговорами съ Королемъ Польскимъ потерялъ цѣлыя двѣ недѣли, кои могъ бы онъ обратить въ величайшую для себя пользу: ибо говорятъ, если бы онъ неукоснительно пошелъ въ Богемїю, то нашелъ бы Австрїйцовъ почти въ разсѣянїи, и могъ бы одержать надъ ними рѣшительную побѣду. Но время уже было поздо; и по тому хотя бы онъ что и выигралъ въ Богемїи, былъ бы при всемъ томъ принужденъ возвратиться на зимнїя квартиры въ Саксонїю. Сверхъ того, часто особенныя для прочихъ людей непримѣтныя

обстоятельства, имѣютъ влїянїе на правила полководца; и опытное искуство великаго мужа, долженствовало бы судящихъ объ немъ, сдѣлать во мнѣнїяхъ нѣсколько осторожнѣе.

Если что наиболѣе удержало отъ сего Короля Прусскаго и спасло Австрїйцовъ, то ето была неожидаемая рѣшимость съ каковою Саксонское войско захватило для своего стану мѣстоположенїе при *Пирнѣ*. Рѣшимость сїя была произведена дѣятельностїю Графа *Броглїо* бывшаго тогда посланникомъ Французскимъ въ Дрезденѣ. Онъ ободрилъ приведеннаго въ унынїе Короля Польскаго, разсѣялъ его недоумѣнїе, и склонилъ его предпочесть сїе отважное намѣренїе другимъ, чтобъ или удалиться въ Богемїю или предложить договоры. Потомъ онъ остался среди непрїятелей въ Дрезденѣ; утѣшалъ Королевскую фамилїю; подавалъ ей совѣты, и видя лично Короля Прусскаго къ себѣ негодованїе, поступалъ съ такимъ благородствомъ, съ такою твердостїю духа и

благоразумїемъ, что ненависть сего Монарха вскорѣ противу его воли перемѣнилась въ истинное къ нему почтенїе.

Сколь ни искусно и сколь ни счастливо *Фридрихъ* предварилъ грозившїя ему удары, но при всемъ томъ не могъ ихъ совсемъ уничтожить. Онъ не только тѣмъ болѣе раздражаетъ, но еще и умножаетъ своихъ непрїятелей. *Францїя*, нападенїе на Саксонїю почитаетъ за нанесенное ей самой оскорбленїе; чрезвычайно противу его огорчается, и неукоснительно приступаетъ ко всѣмъ Вѣнскаго двора предначертанїямъ. *Россїя* посылаетъ противу его восемдесять тысячь человѣкъ. *Швецїя*, поощренная деньгами отъ Францїи, обѣщаваетъ напасть на него въ Померанїи. Часть *Нѣмецкой земли* принимаетъ оружїе за Австрїю и Король Прусской, яко нарушитель общаго мира, объявляется изключеннымъ изъ числа владѣтелей Имперїи: обрядъ не весьма страшный, если онъ останется побѣдителемъ; но чрезъ который онъ бы могъ престола

и всего лишиться, если бы счастіе благопріятствовало Императорскому дому, кратко сказать: онъ долженъ бороться противу пяти державъ и Нѣмецкой Имперіи. Для себя же ни откуду никакой помощи не имѣетъ, кромѣ войска на другомъ концѣ Имперіи состоящаго изъ Ганноверцовъ, Гессенцовъ, и Брауншвейцовъ и коего число простирается отъ 30 до 40 тысячь человѣкъ; но сіи должны были сопротивляться 100 тысячамъ Французовъ, а другіе 40 тысячь Французовъ же безъ малѣйшаго сопротивленія соединились съ Имперскимъ войскомъ, дабы вмѣстѣ итти въ Саксонію. И кто же предмѣтомъ сего страшнаго союза? *Маркграфъ Бранденбургскій*, какъ то онъ самъ себя при семъ случаѣ въ письмѣ своемъ къ Волтеру называетъ! „*Что бы сказалъ*, пишетъ онъ, *великій* „*Курфирстъ, если бы онъ увидѣлъ внука* „*своего борющагося со столь многими* „*непріятелями? не знаю будетъ ли мнѣ* „*стыдно быть отъ нихъ побѣжденнымъ;* „*но знаю, что не великая для нихъ честь*

„*побѣдить меня.*„ Какая въ теченіи шестидесяти лѣтъ представляется въ дѣлахъ перемѣна, и сколь несравненно болѣе зависитъ отъ правителей, нежели отъ временъ приведеніе державъ въ новое между собою уравненіе! *Великій Курфирстъ* въ письмахъ своихъ къ *Людвигу XIV*, называлъ его Monſeigneur и просилъ его покровительства, а въ *Бранденбургской* исторіи, гдѣ *Фридрихъ* говорилъ о объявленіи войны дѣда своего противу *Людвига XIV*, онъ однимъ выраженіемъ изображаетъ великое между ими обоими различіе присовокупляя: *онъ былъ въ числѣ непріятелей Людвига XIV, а Людвигъ XIV того и не примѣтилъ.* Всякъ, кто токмо любитъ низложеніе ложнаго и возвышеніе истиннаго величія, долженъ найти въ семъ сравненіи удовольствіе для своего сердца, да и сверхъ того достойное есть дѣло воспоминать о *Фридрихѣ*, какъ онъ среди напастей подкрѣплялъ тѣмъ свою ревность и награждалъ свое мужество.

Теперь послѣдуемъ за *Фридрихомъ* въ знаменитый его походъ, въ которомъ щастїе многотруднымъ опытамъ его подвергало, и въ которомъ великїй его умъ прїобрѣлъ ему величайшую славу. Походъ сей открылъ онъ въ 1757 году вступленїемъ въ Богемїю, и жестокимъ при Прагѣ пораженїемъ Австрїйскихъ войскъ. Оные состояли почти изъ 100000 человѣкъ, и положенїе самою природою и искуствомъ укрѣпленнаго стана было таково, что оный почитался почти непреодолимымъ. Но Пруссаки бывъ почти равносильны непрїятелю наиболѣе поощряемы были общею опасностїю, въ каковой они вмѣстѣ съ Королемъ находились, и которая произвела въ нихъ то великое рвенїе и жаръ, кои если побуждаютъ къ отважнымъ предпрїятїямъ, по большей части обѣщаваютъ счастливый успѣхъ. Находясь въ таковомъ положенїи произвели они чудеса, прошли чрезъ болота, поднялись на высокїе утесы, построили батареи и 6 Маїя по утру въ 8 часовъ устреми-

лись на Австрїйцевъ; а какъ лѣвое крыло фельдмаршала Шверина, которое во всю ночь продолжая походъ дабы соединиться съ Королевскимъ войскомъ, гораздо устало, начало уступать нѣсколько непрїятелю; то сей преславный полководецъ, старикъ 82 лѣтъ, схвативъ знамя собственнаго своего полку, повелъ съ онымъ нѣсколько уклонившееся крыло опять противу непрїятеля, чемъ оное будучи ободрено, вновь вступило въ бой. Но въ сїю самую минуту знаменитый сей Ирой двумя непрїятельскими картечами былъ поверженъ на землю и умеръ; но умеръ побѣдоносцемъ: ибо Пруссаки побили Австрїйцовъ. Правое крыло Прусскаго войска, коимъ предводительствовалъ самъ Король, совершенно разбило Австрїйскую пѣхоту. Принцъ *Генрихъ* Прусской, Герцогъ *Фердинандъ* Брауншвейгскїй, Герцогъ *Августъ Вильгельмъ* Бевернскїй явили удивительные опыты храбрости, и послѣ жестокаго 7 часовъ продолжавшагося сраженїя, все Австрїйское войско было разбито. Оно было

раздѣлено на двѣ части, изъ коихъ одна принуждена была съ Принцомъ *Карломъ Лотарингскимъ*, съ Маршаломъ *Бровномъ*, которой былъ смертельно раненъ и со всѣми почти Генералами бѣжать въ Прагу; а другая по претерпѣніи неописаннаго урона совершенно разсѣяна. Никогда пораженіе не было толико рѣшительно; вся тяжелая артиллерія досталася въ руки побѣдителя. Полки убѣжавшіе въ Прагу, чрезъ четыре дни собирали разсѣянные свои остатки. Солдаты на лѣвомъ крылѣ спасшіеся не ближе какъ за 20 или 30 миль, опять собрались, и бывъ подкрѣплены и умножены вспомогательнымъ войскомъ, подъ предводительствомъ Фельдмаршала *Дауна* составили новую армію. Изъ сего видно, сколь велика была Австрійская сила. Австрія потеряла одно войско и вдругъ представляетъ другое.

Послѣ сего сраженія Король поѣхалъ на самое то мѣсто, гдѣ достопочтенный престарѣлый мужъ Шверинъ весь кровію своею обагренный лежалъ на ложѣ

чести; онъ разсматривалъ его въ молчанїи, слезы изъ очей его полились, и онъ наконецъ произнесъ сїи слова: „*въ* „*тебѣ лишился я отца своего.*

Критика часто толико дерская, колико и несправедливая противу великихъ полководцевъ такъ, какъ и противу великихъ писателей, послѣ несчастнаго сраженїя при *Коллинѣ* не преминула возвысить свой голосъ, что Король Прусской великую сдѣлалъ погрѣшность, что не удовольствовался содержа въ заключенїи съ одною частїю своихъ войскъ Принца *Карла* въ Прагѣ, что онъ тотчасъ не преслѣдовалъ бѣгущихъ, и не пошелъ на встрѣчу Фельдмаршалу *Дауну*, которой тогда не могъ бы ихъ привлечь къ себѣ, не могъ бы возбудить въ нихъ новаго мужества и отважиться на новое сраженїе. Тогда то присовокупляютъ, былъ бы наконецъ Австрїйской Монархїи, и уже дворъ Вѣнской помышлялъ удалиться въ Венгрїю. Но критикѣ судящей по слѣдствїямъ и немыслящей о возможныхъ случаяхъ, не тру-

дно такимъ образомъ передвигать цѣлыя арміи. Король Прусскій въ семъ кровавомъ сраженіи подъ Прагою самъ потерялъ отъ 12 до 15 тысячь человѣкъ. Можетъ быть онъ не могъ вдругъ раздѣлить силъ своихъ, можетъ быть не доставало способовъ для подвезенія къ нему съѣстныхъ припасовъ. Онъ такъ же могъ думать, что остатки пораженнаго войска стѣсненные въ весьма худомъ мѣстѣ не меньше покажутъ твердости и отважности, какъ бы свѣжій и сильный гарнизонъ: исторія не однократно явила свѣту толь великія чудодѣйствія счастья и толь великія слѣдствія отчаянія. Въ семъ самомъ походѣ увидимъ мы, какъ 20000 Австрійцовъ нѣсколько дней спустя послѣ сраженія при *Лиссѣ* въ Бреславлѣ въ полонъ отдалися. Кратко сказать, можетъ быть Король Прусскій съ лишкомъ полагался на свое счастіе, можетъ быть не довольно онъ сильно наступалъ на Прагу, можетъ быть такъ же и дѣлаемые укоризны не совсѣмъ неоснова-

тельны; можетъ быть онъ лучше бы сдѣлалъ, предположивъ возможность сего дѣла, если бы пошелъ въ передъ. *Тюренъ* говорилъ, что полководецъ не сдѣлавшій никакой погрѣшности безъ сомнѣнія не часто и не долго бывалъ въ походахъ. Сіе слово произнесенное устами искуснѣйшаго воина, который признавалъ собственные свои погрѣшности, научаетъ, что въ защищеніи и самыхъ великихъ мужей должно быть осмотрительну и осторожну. Какъ бы то ни было, заключенное въ Прагѣ войско вмѣсто того, чтобъ прійти въ уныніе, тѣмъ паче ободрилось и сдѣлало счастливую вылазку; осада не довольно сильно была производима; Король имѣлъ недостатокъ въ тяжелой артиллеріи и можно нѣкоторымъ образомъ догадываться, что Король Прусскій въ сей части военнаго искуства никогда великимъ не былъ, по тому ли, что онъ не имѣлъ знатныхъ крѣпостей и слѣдовательно надежныхъ способовъ къ утвержденію себя въ сей части; или по тому,

что въ толь обширной наукѣ, какова военная, умъ не можетъ всего постигнуть съ равною тонкостію и съ равнымъ успѣхомъ. Онъ не имѣлъ тогда и посредственныхъ инженеровъ, кромѣ нѣкоторыхъ Французскихъ перемѣтчиковъ; а при осадахъ, гдѣ каждой шагъ считается, гдѣ принятый способъ безпрестанно обуздываетъ ревніе, гдѣ всѣ правила предписуются самою наукою, величайшія дарованія для полевыхъ сраженій не могутъ замѣнить искусныхъ инженеровъ, ниже при всемъ ихъ напряженіи произвести великую какую пользу.

Двенадцать дней спустя послѣ сраженія подъ Прагою, *Даунъ* въ нѣсколькихъ миляхъ отъ сего города расположился станомъ при *Коллинѣ*. Тутъ иного не оставалось, какъ или его ожидать и тогда сражаться съ двумя арміями, или итти ему на встрѣчу. *Фридрихъ* не долго о семъ размышлялъ; онъ идетъ съ частію своихъ силъ и нападаетъ на *Дауна* занявшаго непреодолимое мѣстоположеніе. Мало такихъ случаевъ по

единогласному признанію, въ коихъ Король Прусской при расположеніи сраженія явилъ болѣе прозорливости; но онъ не могъ отвести его отъ сего мѣста и ослабить правое его крыло, которое занимало высоту *Коллина*. Да и никогда Прускіе войски не сражались съ большею храбростію. Семь разъ Король возобновлялъ свои нападенія. Въ последнее овладѣлъ онъ высотою и почти одержалъ побѣду. Мужество Австрійскихъ гранадеровъ, которые ни на одинъ шагъ ему не уступали, и неистовое устремленіе двухъ непріятельскихъ полковъ легкой конницы и драгуновъ, опять у него оную отбили; случилось также, что недоразумѣніемъ даннаго повелѣнія, или паче по недостатку прозорливости въ исполненіи онаго, часть Прусскаго строя, которая отнюдь не вступая съ непріятелемъ въ сраженіе, долженствовала защищать оную высоту, не къ стати сразилась съ Австрійцами въ средоточіи стоявшими, и чрезъ то уничтожила виды Королевскія при его мудромъ

расположенїи: великое наставленїе, которое изображенїемъ погрѣшностей, каковымъ подвержено бываетъ довольно наученное и во всемъ искусное войско, показываетъ, чего не должны страшиться войски неимѣющїе ни умозрительнаго, ни опытнаго въ тактическихъ движенїяхъ познанїя. Напослѣдокъ, когда уже половина почти пѣхоты его была побита, *Фридрихъ* видѣлъ себя принужденнымъ отступить, но и самой отступъ, въ коемъ онъ ни мало не былъ преслѣдуемъ, свидѣтельствуетъ о его величїи.

Не можемъ мы пропустить здѣсь о семъ толико важномъ сраженїи краткаго извѣстїя, сообщеннаго намъ отъ нѣкоего достовѣрнаго писателя: ,,все что ,,токмо ревностнѣйшее и благоразумнѣйшее мужество, совершеннѣйшее ,,военное искуство, одушевляемое воспоминанїемъ толь многихъ побѣдъ, въ ,,преодоленїи всѣхъ предлежащихъ препятствїй произвести можетъ, все ,,то неустрашимые Пруссаки при семъ

,,случаѣ оказали. Семь кратъ возобновили они нападенїе; но все было несчастно. Ни на одномъ изъ его побѣдоносныхъ сраженїи не явили они опытовъ толикїя храбрости. И оба брата Королевскїя, бывшїе съ нимъ на семъ сраженїи сдѣлали все то, что только отъ братьевъ Короля Прусскаго ожидать было можно. Самъ Король предводительствуя своею конницею, сдѣлалъ весьма сильное и искусное нападенїе. Все было испытано, но все имѣло несчастные успѣхи! не довольно многочисленная пѣхота, которая при томъ не могла быть подкрѣпляема конницею по причинѣ гористыхъ мѣстъ, недостатокъ артиллерїи въ сравненїи съ непрїятельскою, выгодное положенїе сопротивныхъ силъ, ихъ многолюдство, твердое мужество, ихъ полководецъ *Дуанъ*, все сїе принудило Короля отступить съ мѣста сраженїя. Уронъ его въ сей битвѣ былъ великъ, но оный былъ еще больше отъ побѣгу солдатъ, и многихъ бѣдственныхъ слѣдствїи, кои такое пораженїе влечетъ за собою.,,

Хотя *Фридрихъ* самъ большею частiю былъ виною сего пораженiя, и его военное искуство подверглось нѣкоему нареканiю; однакожъ въ глазахъ людей благоразсудительныхъ, и при семъ случаѣ немалую онъ прiобрѣлъ себѣ славу, благородною откровенностiю, съ коею онъ признаетъ свою погрѣшность, великодушiемъ, съ какимъ онъ пренесъ несчастiе свое, и удивленiя достойнымъ дѣйствiемъ ума и Иройства, каковыми онъ умѣлъ вознаградить свою утрату. Благопрiятство счастiя творитъ завоевателей, но гоненiе его открываетъ Ироевъ.

На другой день сея страшныя и гибельныя для него битвы, понудившей его оставить осаду города Праги, и выступить изъ Богемiи, писалъ онъ къ Лорду *Маршалу*, то спокойствiя духа и высокости мыслей исполненное письмо, въ коемъ онъ съ толикимъ благородствомъ похваляетъ храбрость Австрiйцовъ и съ толикимъ прискорбiемъ превозноситъ Иройство своихъ братьевъ.

Въ семъ то письмѣ говоритъ онъ шутливымъ образомъ: „*фортуна обратилась „ко мнѣ спиною: она женщина*, а я не „*щоголь*.„ Въ семъ такъ же письмѣ, толь благородно и столь откровенно приписываетъ онъ себѣ проигрышъ сраженія, говоря такъ! „*по справедливости „я бы долженъ былъ взять больше съ „собою пѣхоты; успѣхи, любезный мой „Лордъ, раждаютъ въ насъ пагубное на „себя упованіе*.„ Двадцати трехъ баталіоновъ не довольно было, что бы шестьдесятъ тысячь человѣкъ вытѣснить изъ весьма выгоднаго мѣстоположенія.

Въ продолженіе почтительнаго благоговѣнія къ симъ великимъ изображеніямъ, знаменующимъ жизнь *Фридриха*, приведу я еще произнесенныя имъ слова, во время того же сраженія къ тѣлохранительному его войску. Утомленный толь многократными нападеніями, остатокъ его неустрашимой пѣхоты, казалось, не хотѣлъ уже возобновлять битвы. Онъ устремляется къ нему. „*Или вы вѣчно*

„*думаете жить*, кричитъ имъ?„ и симъ высокимъ израженіемъ побуждаетъ еще разъ пожертвовать своею жизнію. Какое прекрасное слово! какъ глубокая философія! колико упованіе сіе на судьбу, пріобрѣтаетъ себѣ величества соединясь съ ужасомъ таковаго сраженія! едва ли бы *Маркъ Аврелій* могъ счастливѣйшимъ выраженіемъ среди смертоносныхъ пораженій возбудить въ легіонахъ своихъ храбрость! Сравните съ симъ словомъ множество другихъ славныхъ изреченій произнесенныхъ въ подобныхъ случаяхъ. Большая часть оныхъ происходитъ или отъ хладнокровія или отъ чрезвычайной горячности: они всѣ почти заключаютъ въ себѣ свойства жестокія или дерзновенныя, кои препятствуютъ слѣдовать совѣтамъ разума, и кои творятъ ихъ недостойными повѣствованій. Но сіе *Фридриха* израженіе есть гласъ великія души ни во что вмѣняющей продолженіе на нѣсколько дней жизни, и которая по размышленій близкомъ къ самой истиннѣ, хочетъ возбудить обыкновенные умы къ тому же равнодушію.

Король Прусской въ походѣ въ Богемію потерялъ часть своей пѣхоты; новыя несчастія сцѣпляются со всѣхъ сторонъ. Генералъ *Левальдъ* имѣлъ съ Россіянами кровопролитное и по крайней мѣрѣ нерѣшительное сраженіе. Отрядъ находившійся подъ начальствомъ *Винтерфельда*, онаго изъ лучшихъ его полководцевъ побитъ и самъ онъ лишился жизни при *Герлицѣ*. Австрійской корпусъ, находившійся подъ предводительствомъ Генерала *Гаддикка* прошелъ даже до Берлина и взялъ съ него великіе поборы. Королева и вся Королевская фамилія укрылись въ Магдебургъ. Лавзація была потеряна; на Силезію всѣ силы Австрійскія устремились. Въ отдаленности его дѣла не въ лучшемъ же состояніи находились. Владѣнія его при Рейнѣ, Липпѣ, Одерѣ, Везерѣ и Емсѣ, непріятелями заняты были. Единое войско дѣйствіямъ его вспомоществовавшее, въ *Клостеръ-Севенѣ* принуждено было сдаться на договоръ; 80000 Французовъ подъ предводительствомъ Маршала де *Ри-*

шелье разорили Галберштатское Княжество, угрожали Магдебургу и дѣлали набѣги во всемъ Маркъ-Бранденбургѣ. Другая армія изъ 40000 человѣкъ Французовъ же состоявшая, соединившись съ войскомъ Имперскимъ, пошла на спасеніе Саксоніи. Изключеніе Короля Прусскаго изъ числа владѣтелей Имперскихъ было обнародовано; и тогда опредѣленіе сіе не было тщетно; сія соединенная армія оное подкрѣпляла и приняла грозное имя *исполнительной арміи*. Утѣсненный вдругъ толь многими непріятелями, когда много уже для него было потерять одинъ день и одного человѣка, когда единымъ малымъ урономъ могъ быть поверженъ въ крайность, когда находился въ опасности потерять Саксонію, если бы сталъ защищать самолично Силезію, или потерялъ бы Силезію, если бы возхотѣлъ сохранить Саксонію, *Фридрихъ* отваживается отражать то, что наиболѣе его угнѣтаетъ, а можетъ быть такъ же и то, что онъ удобнѣе преодолѣть надѣется: онъ стре-

мится къ соединенному и *исполнительному войску*.

Половина Европы взирала на него, какъ на нѣкое чудо, коего дѣйствіе къ концу приближалось: просвѣщенные умы съ ужасомъ другъ друга вопрошали, что послѣдуетъ съ вольностію Нѣмецкой земли и политическою системою державъ Европейскихъ. Любители остроумія и мужества съ нѣкоею жалостію взирали на одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, какое когда либо исторія представляла, и дерзали думать, что Ирой возторжествуетъ еще надъ судьбою. Между тѣмъ самъ онъ шелъ, куда судьба его призывала, ничего не опуская, что токмо могло сдѣлать ее къ нему благопріятною; требовалъ смѣло отъ Короля Аглинскаго, что бы онъ пребылъ вѣренъ къ своимъ обязательствамъ и по малодушію не оставлялъ бы его; не показывалъ народу никакого въ себѣ отчаянія, но приближенные видѣли, что онъ не имѣетъ никакой надежды: не преставалъ въ свободные часы упражняться въ писменахъ и

играть на флейтѣ; открылся въ прочемъ сестрѣ своей, Маркграфинѣ Барейтской, что намѣренъ предать себя смерти, и писалъ къ Волтеру поразительное и наилучшее письмо въ стихахъ, которое начинается такъ:

Croyez que ſi étois Voltaire,

то есть:

Повѣрь, что если бы я былъ Волтеръ,

а кончится сими достопримѣчательными по обстоятельствамъ строками:

Pour moi, menacé du naufrage,
Je dois en affrontant l'orage
Penſer, vivre et mourir en Roi.

то есть:

Что касается до меня, то угрожаемъ будучи кораблекрушенїемъ, долженъ я преодолѣвая бури, мыслить, жить и умереть Царски.

Таково было состоянїе Короля Прусскаго, когда воля провидѣнїя и его собственныя удивительныя способности, зрѣлище толико же удивительное совсѣмъ преобразили. Еще прошло нѣсколько времени въ различныхъ движенїяхъ,

между обоими войсками безЪ всякаго рѣшительнаго дѣйствія. НаконецЪ 24 Октября Король рѣшился вступить вЪ бой сЪ непріятелями своими прошедшими даже до предѣловЪ Мейсена. Войски его раздѣлены были на различные корпусы, которые большею частію на 140 верстЪ другЪ отЪ друга удалены были; но проворствомЪ и преизящнымЪ распоряженіемЪ, всѣ сіи различные корпусы 27 числа совершенно соединились, и Король приближился кЪ непріятелю. При семЪ случаѣ непріятель отступилЪ назадЪ даже за рѣку Саалу, но Король шелЪ за нимЪ вЪ слѣдЪ ни мало отЪ него не отставая. Оба войска 5 Ноября сошлись при деревнѣ Розбахѣ.

Когда войски стали вЪ боевой порядокЪ, и готовы были начать сраженіе долженствовавшее рѣшить судьбу толь многихЪ народовЪ, и явить свѣту превосходство храбрости предЪ силою; Король говорилЪ войску слѣдующую рѣчь:

„НасталЪ часЪ, друзья мои, вЪ ко„торой все, что для насЪ ни есть

„на свѣтѣ драгоцѣннѣйшаго, зависитъ „отъ оружїя нашего и отъ нашего „поступка. Время мнѣ представля- „етъ благопрїятную минуту сказать „вамъ нѣсколько словъ. Вамъ извѣстно, „что не было такихъ томленїй, голо- „да, стужи и тяжкихъ трудовъ, не „было такой опасности, коей бы я не „дѣлилъ съ вами; и теперь вы видите „меня готова съ вами, и за васъ поло- „жить животъ свой; ничего я отъ васъ „болѣе не требую, кромѣ того самаго „залога, любви и вѣрности, какой я вамъ „даю. Дозвольте мнѣ присовокупить еще, „не для ободренїя васъ, но во изъявле- „нїе моея благосклонности, что отъ „сего числа до вступленїя на квартиры „жалованье ваше удвояется. Мужайтесь, „токмо и уповайте на Господа!„ Сїя крат- кая рѣчь произвела неописанное дѣй- ствїе, всѣ единогласно кричали, что готовы умереть. Сердца воиновъ воспла- менены были мѣры превосходящимъ иройствомъ. Взоры и движенїя ихъ то доказывали.

При таковомъ всеобщемъ расположенiи душъ, Король не больше, какъ съ 25000 человѣкъ нападаетъ на Французскую и Имперскую по крайней мѣрѣ большую въ двое армiю, побиваетъ оную и разсѣваетъ; 5000 плѣнниковъ, множество знаменъ, штандартовъ и пушекъ, и часть обозу суть знаки потеряннаго сраженiя. Онъ бы могъ истребить и всю армiю; но не имѣлъ времени увѣнчать свою побѣду, и никогда щастливые успѣхи столько не упоевали *Фридриха*, чтобъ онъ позабылъ о главной своей цѣли. Спасши Саксонiю, онъ помышлялъ о спасенiи Силезiи.

Слѣдствiе послѣ преславнаго сраженiя при Розбахѣ, было для Короля наиблагопрiятнѣйшее. Непрiятелю совершенно пресѣчены были всѣ средства къ дальнѣйшимъ предпрiятiямъ. Король съ сей стороны отъ него освободился; но сiе освобожденiе не дало ему отдохновенiя отъ трудовъ его, напротивъ того вело его къ новымъ трудностямъ.

Австрїйцы будучи весьма сильны, произвели важныя въ Силезїи предпрїятїя. Послѣ осады города Швейдница продолжавшейся отъ 27 Октября до 11 Ноября съ неописанными трудами и страшнымъ урономъ, взяли они сей городъ, и Прусской гарнизонъ, состоявшїй изъ шести или семи тысячь человѣкъ, принудили отдаться въ полонъ. Когда они получили извѣстїе о побѣдѣ при Розбахѣ и узнали, что Король Прусской со всевозможною скоростїю поспѣшалъ на помощь Силезїи; то вознамѣрились не трапя времени напасть на Принца Бевернскаго, въ укрѣпленномъ его станѣ подъ стѣнами Бреславля. Къ сему предпрїятїю поощрены они были трекратно превосходящею своею силою. Принцъ сопротивлялся со всевозможною храбростїю; но напослѣдокъ изъ крѣпкаго своего стана принужденъ былъ выйти и отступить за рѣку Одеръ. Какъ сей Принцъ, нѣсколько дней спустя послѣ того, выѣхалъ безъ прикрытїя и токмо съ однимъ слугою для осмотра непрїя-

теля, то пойманъ былъ партïею Кроатовъ.

Австрïйцы по завладѣнïи симъ крѣпкимъ станомъ хотя и не съ малымъ урономъ, немедлѣнно получили и другïя многïя выгоды. Бреславль главный городъ въ Силезïи, сдался безъ всякаго сопротивленïя со всѣмъ своимъ гарнизономъ, коего число простиралось отъ десяти до двенадцати тысячь человѣкъ; они тамъ равно какъ и въ Швейдницѣ, нашли великое множество съѣстныхъ припасовъ, денегъ и военнаго снаряду, да и вся Силезïя едва уже было не отдалась имъ въ руки. Кажется, что счастïе для того токмо низвергало Короля въ бездну бѣдствïя, чтобъ паки его изъ оныя исторгнуть, и тѣмъ какъ бы усовершить его славу; или паче счастье столь было ревнительно къ чести его, что собственнымъ его наилучшимъ Генераламъ и прехрабрымъ войскамъ не дозволяло иначе побѣждать, какъ токмо въ его присутствïи.

Тотчасъ послѣ сраженія при Розбахѣ, Король со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ предпріялъ походъ, и повелъ оное отъ битвы, которую имѣлъ съ превосходившимъ его войскомъ, для нападенія на войско, и того еще гораздо силами превосходнѣйшее, отъ опасности къ величайшей трудности, и отъ сея опять къ опасности. Онъ пошелъ съ возможною поспѣшностію чрезъ Тирингенъ, Мейсенъ и Лавзацію, преодолѣвая всѣ усилія обоихъ Генераловъ Гаддика и Маршала, для удержанія его тамъ стоявшихъ, и 2 Декабря пришелъ къ Пархвицу при рѣкѣ Одерѣ въ Силезіи. Здѣсь соединился съ нимъ отъ претерпѣннаго пораженія весьма ослабѣвшій Принца Бевернскаго корпусъ, которой болѣе унынія, нежели надежды принесъ въ его лагерь.

Между тѣмъ случилось одно, можно сказать, забавное произшествіе, нѣсколько развеселяющее человѣка, приведеннаго въ ужасъ безпрестаннымъ повѣствованіемъ о сраженіяхъ и кровопролитіяхъ.

Гарнизонъ города Швейдница съ величайшимъ огорченіемъ сдался на договоръ, принудившіи его оставить службу Государя своего и отечества. Когда Австрійцы вели оный въ полонъ, то нечаянно дошелъ слухъ на семъ пути о побѣдѣ, одержанной Королемъ при Розбахѣ. Ободренные сею новостію, хотя и обезоружены были, устремились на войско, посланное для прикрытія ихъ, только съ кулаками; и како оное къ счастію было не велико, то и было разбито ими совершенно. Получивъ такимъ образомъ свободу, пошли они на удачу въ передъ въ той надеждѣ, что встрѣтятъ какой нибудь Прусской корпусъ. То самое счастіе, которое ихъ освободило, привело ихъ прямымъ путемъ къ войску, коимъ предводительствовалъ самъ Король, и поспѣшалъ къ нимъ на помощь. Король принявъ ихъ распростертыми руками, сказалъ: *просимъ пожаловать, любезные дѣтушки*; сія нечаянная встрѣча произвела съ обѣихъ сторонъ чрезвычайную радость; ибо плѣнники ничего о семъ

Королевскомъ походѣ не слышали. Сей случай знатно усилилъ войско, ободрилъ его, и казался счастливымъ предзнаменованiемъ для предстоявшаго сраженiя.

Король созвавъ предъ себя всѣхъ баталiонныхъ, ескадронныхъ и ротныхъ начальниковъ, говорилъ имъ слѣдующую рѣчь:

,,Государи мои! завтра пойду я противу непрiятеля и вступлю съ нимъ ,,въ сраженiе. Какъ успѣхъ нынѣшняго ,,нашего похода отъ сего сраженiя зависитъ, и оное долженствуетъ рѣшить, ,,кто останется обладателемъ Силезiи; ,,то созвалъ я васъ къ себѣ, дабы вамъ ,,сказать, что я отъ каждаго изъ васъ ,,точнѣйшаго и ревностнѣйшаго исполненiя должности ожидаю.

,,Я желаю, чтобъ каждой во время ,,бою тщательно смотрѣлъ за своими ,,подчиненными и являлъ бы имъ собою ,,примѣръ неустрашимаго мужества и ,,храбрости; словомъ, чтобъ каждой ,,шелъ противу непрiятеля съ твердымъ ,,намѣренiемъ, или побѣдить или уме-

,,реть. Если каждой изъ васъ, никого не ,,исключая будетъ мыслить такъ, какъ ,,я, то нѣтъ сомнѣнія о побѣдѣ.

,,Я увѣдомленъ о силѣ непріятеля, ,,и буду всѣмъ войскомъ такъ предво-,,дительствовать, чтобъ оно съ выгодою ,,могло сражаться; отъ васъ же токмо ,,зависѣть будетъ противоборствовать ,,непріятелю съ непреодолимымъ муже-,,ствомъ и храбростію, древнимъ Пру-,,сакамъ свойственною.

,,Кто изъ васъ трусъ, кто не хо-,,четъ жертвовать жизнію и кровію ,,своему отечеству, да явится таковый ,,предо мною прежде, нежели другихъ ,,собою приведетъ въ робость! пусть ,,таковый явится! безъ дальнихъ разби-,,рательствъ и укоризнъ онъ тотчасъ ,,получитъ свою отставку.

При семъ случаѣ Генералъ фонъ Роръ не могъ отъ слезъ воздержаться. Король примѣтилъ сіе, и обнявъ его сказалъ: *,,любезный мой Роръ не о тебѣ я ,,ето думалъ.,,*

Рѣчь сїю слушали всѣ съ глубокимъ молчанїемъ и вниманїемъ. Вскорѣ по томъ одинъ штабъ-офицеръ на послѣднїя Королевскїя слова именемъ всѣхъ, въ иступленїи отъ любви къ Королю сказалъ: развѣ безчестной какой человѣкъ ето сдѣлать можетъ. Всѣ мы готовы жертвовать жизнїю за Ваше Величество!

По томъ Король кончилъ свою рѣчь изъявленїемъ своего удовольствїя и твердаго на нихъ упованїя: „Я вижу, что „нѣтъ ни одного, которой бы не былъ „одушевленъ достойнымъ Ироевъ мужествомъ; однако же я буду со внима-„нїемъ примѣчать, кто самымъ дѣломъ „исполнитъ свое обѣщанїе и долгъ свой. „Я вездѣ быть постараюсь, отъ одного „на другое крыло буду переѣзжать; ни-„какой ескадронъ, никакая рота не „укроется отъ моего вниманїя. Я со „всевозможнымъ тщанїемъ ето наблю-„дать буду; кто тогда по долгу своему „поступать будетъ, того не токмо „щедро награжу честїю и милостїю, но „и никогда его не забуду. Но кто себя

„явитъ съ противной стороны, тотъ „пускай тогда идетъ куда хочетъ, и ни-„когда больше на глаза мои не является.„

Когда Король приближился къ Бреславлю, то Австрїйцы полагаясь на превосходство войскъ, оставили свой укрѣпленной станъ, (тотъ самой, въ коемъ прежде стоялъ Принцъ Бевернскїй), съ тѣмъ, чтобъ съ нимъ сразиться. Австрїйское войско выступленїемъ изъ сего непреодолимаго стана, хотя и сдѣлало немалую погрѣшность; однако же оно заключало въ себѣ болѣе 70000 человѣкъ; сверьхъ того ободрено было двумя побѣдами, и три дни имѣло времяни новоизбранное его мѣстоположенїе въ точность разсмотрѣть и укрѣпить. Король же Прусскїй не имѣлъ больше 35000, да и тѣ изнурены походами; напротивъ того непрїятельскїе войски свѣжи; позади себя имѣютъ всѣми запасами преизбыточествующїй городъ. Если бы онъ потерялъ сїю битву; то войско свое совершенно низвергъ бы въ ровъ погибели, и остался бы для слѣдующаго по-

хода безъ всякія помощи: даже обыкновенная побѣда не возмогла бы пособить ему; ибо если бы не взялъ Бреславля, то все было бы ничто; а сего по причинѣ позднаго и суроваго осенняго времяни, почти надѣяться было не возможно. Ему надлежало выиграть такую побѣду, которою бы онъ истребилъ все непріятельское войско, и каковыхъ военные лѣтописи немногіе примѣры свѣту представляютъ. Если разсматриваемъ всѣ сіи обстоятельства; то опаснѣйшее положеніе *Фридриха* и великость его рѣшимости, приводятъ духъ въ изумленіе и трепетъ. Таковыми то случаями измѣряется все пространство ума и свойства; и тутъ то является Ирой, въ величествѣ естество человѣческое превосходящемъ.

Декабря 5 дня предсталъ онъ предъ Австрійцовъ. Сіе было въ тотъ самой день, въ которой онъ за мѣсяцъ предъ симъ выигралъ сраженіе при Розбахѣ: достопамятное обстоятельсто, которое онъ весьма благоразумнымъ образомъ

представилъ своимъ солдатамъ счастливѣйшимъ предзнаменованїемъ, и которое въ самомъ дѣлѣ нѣкое чудо о томъ сраженїи возвѣщало. Между тѣмъ, какъ онъ съ передовымъ своимъ войскомъ прогонялъ непрїятельскїе форпосты, представили ему одного за два дни предъ тѣмъ бѣжавшаго гранадера: „*для* „*чего ты меня оставилъ*, спросилъ его „Король? Ей, Ваше Величество„ отвѣтствовалъ гранадеръ, которой былъ родомъ Французъ, „дѣла наши идутъ съ „лишкомъ худо! *Ну*, сказалъ Король, *такъ* „*сразимся еще разъ сего дня; если я бу*„*ду побѣжденъ*, *то завтра оба вмѣстѣ* „*убѣжимъ*!„ По томъ отослалъ его въ полкъ. Безчувственъ, кто подобные случаи для исторїи малыми почитаетъ! *Плутархъ* никогда бы не презрѣлъ ихъ. Они съ величїемъ соединяютъ нѣкую кротость, и удивленїе успокоеваютъ.

Король, дабы предупредить намѣренїе Австрїйцовъ, пошелъ со всевозможною поспѣшностїю, и обѣ армїи сошлись при деревнѣ *Лейтенѣ*. Мѣстоположенїе

занятое Австрїйцами, было весьма выгодно. Графъ *Даунъ* по своей прилѣжности и своему искуству, не упустилъ онаго употребить наилучшимъ образомъ въ свою пользу, памятуя всегда, что онъ былъ одинъ Генералъ, которой могъ сбить Короля съ поля, (при Коллинѣ), и зная лучше всякаго, сколь трудно надъ *Фридрихомъ* одержать побѣду. Поле занятое Австрїйцами было ровное, изключая нѣкоторыя возвышенїя, на коихъ разставлена была тяжелая артиллерїя. Оно изрѣдка покрыто было густымъ кустарникомъ, коимъ они также не упустили воспользоваться. По обоимъ ихъ сторонамъ находились бугры, на коихъ они построили батареи, и дабы сдѣлать болѣе затрудненїя непрїятелю къ приступу, то срубивъ множество деревьевъ, разбросали оныя по дорогѣ.

Но ни сїи препятствїя, ниже освѣдомленїе, что болѣе 70000 человѣкъ предводительствуемаго Графомъ *Дауномъ* отборнаго войска наивыгоднѣйшимъ образомъ расположено, ни мало

Короля не устрашили. Прусаки, коихъ числомъ было не болѣе 35 тысячь, сдѣлали нападенiе съ обыкновенною своею рѣшимостiю. Съ начала сраженiя, по причинѣ вышеобъявленныхъ препятствiй, Прусская конница почти не въ состоянiи была дѣйствовать; однако же поспѣшное и благоразумное распоряженiе сдѣланное Королемъ, все сiе преодолѣло. Онъ при первомъ своемъ расположенiи предусмотрѣвъ, что Генералъ *Надасти*, командовавшiй запаснымъ корпусомъ на лѣвомъ непрiятельскомъ крылѣ, намѣревался сдѣлать нападенiе на его флангъ, поставилъ позади конницы праваго своего фланга, четыре баталiона пѣхоты. Догадка его была весьма справедлива. Непрiятельская конница устремилась на Королевское правое крыло съ великою яростiю; но помянутыми четырьмя баталiонами принята была съ такимъ мужествомъ, что принуждена была въ безпорядкѣ поворотить назадъ. Симъ временемъ хорошо прикрытый Королевскiй флангъ получилъ способъ дѣйствовать

съ такою исправностїю и силою, что непрїятельское лѣвое крыло принуждено было уступить. Прусская артиллерїя, которая дѣйствовала наилучшимъ образомъ, приведши въ недѣйствїе непрїятельскую, весьма много пособила Королевской пѣхотѣ, и довела оную до того, что она могла сражаться на такомъ мѣстѣ, гдѣ ей конница малое могла подать вспоможенїе. Австрїйцы во время сраженїя чинили храброе сопротивленїе; каждой шагъ земли былъ оспориваемъ. Они совокупили всѣ свои силы при *Лейтенѣ*, которое мѣсто было со всѣхъ сторонъ укрѣплено шанцами и редутами. Послѣ многократныхъ, чрезвычайныхъ и яростныхъ устремленїи отъ Прусаковъ произведенныхъ, и съ великимъ мужествомъ со стороны Австрїйцовъ выдержанныхъ, Прусаки овладѣли симъ мѣстомъ, обратили Австрїйцовъ со всѣхъ сторонъ въ бѣгство и вовсе ихъ разсѣяли.

Съ такимъ не равносильнымъ войскомъ предпринятая битва, не могла иначе

быть выиграна, какъ искуствомъ и порядочнымъ распоряженїемъ. По чему и была она торжествомъ знанїя и искуства, и едва высокїй умъ Короля Прусскаго можетъ войску дать какое участїе въ чести сея побѣды. Сраженїе продолжалось не болѣе двухъ часовъ. Прусаки не потеряли и двухъ тысячь человѣкъ, и ихъ побѣда была совершенна. Во время самаго сраженїя, они получили въ добычу 150 пушекъ и до осьми тысячь человѣкъ взяли въ полонъ. Нѣсколько дней спустя, по томъ сдался *Бреславль* съ частїю войска, убѣжавшаго туда послѣ сраженїя. *Лигницъ* съ тремя или четырьмя тысячами человѣкъ, равной имѣлъ жребїй. *Швейдница* не могъ онъ осадить, по причинѣ наступившей зимы, однимъ словомъ, сїе сраженїе со слѣдствїями онаго, стоило Австрїйцамъ 45000 человѣкъ, и въ шесть недѣль Король Прусскїй изъ бѣдственнѣйшаго сосостоянїя вознесся на верхъ счастїя. Никакїй полководецъ въ древнїя и въ новыя времена подобнымъ походомъ

похвалиться не можетъ. Онъ продолжался токмо девять мѣсяцовъ съ половиною. Король въ продолженіи онаго перемѣнилъ сто два лагеря; самъ собственно далъ четыре великія битвы, изъ коихъ три выигралъ, а четвертая представляетъ славнѣйшее окончаніе, каковымъ когда либо увѣнчаны бывали сіи печальныя и преужасныя зрѣлища.

При всѣхъ сихъ надъ непріятелями одержанныхъ побѣдахъ, и пріобрѣтенныхъ выгодахъ, Король столько склоненъ былъ къ миру, что охотно на оный соглашался, и писалъ къ Императрицѣ *Маріи Терезіи* слѣдующее письмо, исполненное миролюбивыхъ и дружескихъ чувствованій.

,,Хотя Ваше Величество и имѣли въ ,,Силезіи нѣкоторыя успѣхи, однако ,,оные были непродолжительны и по,,слѣднее сраженіе при *Лейтенѣ*, по при,,чинѣ великаго кровопролитія, и по сіе ,,время въ ужасъ меня приводитъ. ,,Побѣду свою употребилъ я въ пользу,

„и взялъ городъ *Бреславль;* надѣюсь „также покорить подъ свою власть и „*Швейдницъ*, и буду наконецъ въ со„стоянiи пройти въ Богемiю и въ Мо„равiю. Размыслите о семъ, Сестрица; „научайтесь проницать, кому вы себя „ввѣряете; вы увидите, что государ„ство свое подвергаете совершенной „пагубѣ, что вы причиною столь вели„каго кровопролитiя, и что не въ со„стоянiи будете побѣдить того, кото„рой, еслибъ вы захотѣли имѣть его „своимъ другомъ, такъ, какъ онъ близ„кiй вамъ родственникъ, могъ бы съ „вами привесть въ трепетъ всю Европу. „Я вамъ пишу сiе отъ искренности моего „сердца, и желаю, чтобъ слова мои произ„вели въ васъ впечатлѣнiе; но если вы хо„тите продолжать войну до послѣдняго „изнеможенiя, то и я на все то отва„житься готовъ, что только мнѣ дозво„лятъ мои силы. Если союзники ваши „будутъ вамъ помогать такъ, какъ тре„буетъ ихъ долгъ; то я предвижу, что „напасть моя неизбѣжна; однако меня

„въ семъ оправдаетъ то, что я желалъ „спасти отъ угнѣтенія, подобнаго мнѣ „Курфирста, что отнюдь не долженъ „былъ способствовать увеличенію Бур„бонскаго дома, и что двумъ Импера„трицамъ и тремъ Королевамъ, дол„женъ былъ сопротивляться.„

Такимъ то образомъ Король мыслилъ среди знаменитѣйшихъ побѣдъ, ни мало тѣмъ не тщеславясь, когда напротивъ того большая часть Ироевъ древнихъ и нынѣшнихъ временъ, удовольствіе свое находили въ продолженіи своихъ браней, коль скоро только они объ успѣхахъ увѣрены были. Но *Фридрихъ* думалъ иначе, не смотря, что былъ изъ числа славнѣйшихъ воиновъ. Человѣколюбивое его сердце мирныя упражненія войнѣ предпочитало; онъ отъ природы болѣе склоненъ былъ къ спокойной философской жизни; душа его отвращалась отъ кровопролитія. По сему то побужденію, послѣ преславныя при *Лейтенѣ* побѣды, осматривая ратное поле, съ чувствительною скорбію и съ напол-

ненными слезъ очами, выговорилъ слѣдующіе слова: „*Боже мой, когда пріи*„*детъ конецъ моимъ страданіямъ!*„

Справедливо говоритъ нѣкоторый писатель, что два послѣднія мѣсяца сего года составляютъ достопамятнѣйшую въ жизни его епоху; что никогда столько не было примѣтно, какъ въ то время, что присутствіе и твердость его духа были главнѣйшею причиною непреодолимости его войскъ, и что удивленіе произведенное толь скорою перемѣною, превращается во умиленіе, если Ирой представляетъ въ себѣ неразорителя земель, но защитника своея державы, чести и вольности.

Тогда *Фридрихъ* увидѣлъ совершенное дѣйствіе своихъ совѣтованій и трудовъ. Земли его были освобождены, союзники его приведены были въ состояніе подать ему помощь; и непріятели его поражены и разсѣяны повсюду отъ него бѣгали.

Россіяне, хотя и прогнали Генерала *Левальда*; однако же къ зимѣ оставили

Прусскія области, чрезъ что подали *Левальду* способъ оружїе свое въ Померанїи обратить противу Шведовъ.

Шведы при семъ случаѣ ничего не произвели соотвѣтствующаго древней своей воинной славѣ. Они вездѣ обращались въ бѣгство и Прусакамъ облегчили покоренїе, какъ Прусской такъ и всей Шведской Померанїи, выключая Стральзунда, и оставили Мекленбургскихъ своихъ союзниковъ мщенїю Короля, которой ихъ весьма строго наказалъ денежными сборами и рекрутскимъ наборомъ.

Французы, которые старой *Маркбранденбургъ* опустошали, тотчасъ послѣ сраженїя при *Розбахѣ* оставили сїю область и одно изъ важнѣйшихъ слѣдствїй сея побѣды было то, что Ганноверскїе войска опять могли принять оружїе.

Съ той самой минуты, какъ капитуляцїя въ *Клостеръ-Севенѣ* была подписана, казалось, что Герцогъ *Ришелье*, принявшїй тогда начальство надъ вой-

скомъ, хотѣлъ уничтожить всю пользу завоеванія своего предшественника Маршала д' Етрея разграбленіемъ Ганноверскихъ владѣній, и произведеніемъ различныхъ тамъ жестокостей. Храбрые *Ганноверцы* и *Гессенцы* въ безмолвномъ огорченіи и неудовольствіи взиравшіе на нещастіе своего отечества, весьма возрадовались, услышавъ, что побѣда при *Розбахѣ* ободрила ихъ Государя и привела въ состояніе отмстить за все дотолѣ претерпѣнное ими уничиженіе. Они начали собираться и будучи подкрѣплены корпусомъ Прусаковъ, выступили въ походъ подъ предводительствомъ храбраго Принца *Брауншвейгскаго*, отняли отъ Французовъ крѣпкій замокъ *Гарбургъ* и ихъ столько стѣснили, сколько сами отъ нихъ предъ тѣмъ стѣснены были.

Вся въ семъ послѣднемъ походѣ въ Германіи пролитая кровь, и весь какъ со стороны побѣжденныхъ, такъ и побѣдителей чувствуемый жестокій уронъ, ни одну изъ воюющихъ державъ немогли

побудить къ предложенію мирныхъ договоровъ. Всѣ союзники сохранили равную одни къ другимъ приверженность и равную вражду противу Короля Прусскаго. Всѣ средства употреблены были, чтобъ на мѣсто совсѣмъ почти пораженныхъ и истребленныхъ войскъ выставить другія, и сіе произведено въ нѣсколько мѣсяцовъ. Побѣды же Короля Прусскаго, и его равномѣрно пособія умножили. Приведенная подъ власть его *Саксонія*, подала ему великую помощь, чрезъ что онъ сберегъ собственные свои доходы. Если войско его не было столь сильно какъ въ началѣ войны, то оно храбростію и славою превосходило своихъ непріятелей.

Не можно о семъ безсмертныя славы достойномъ походѣ не написать нѣсколько пространнѣе; но съ одной стороны тѣсные творенія сего предѣлы, а съ другой необъемлемое множество представляющихся намъ дѣлъ, принуждаютъ насъ ускорить шествіе наше. Военная исторія Короля Прусскаго

заключаетъ въ себѣ безчисленныя подробности, кои всѣ драгоцѣнны для воиновъ; но исторїя всея жизни должна съ ограниченїемъ распространяться о единомъ предмѣтѣ. Писатель ея не долженъ останавливаться на дѣянїяхъ единаго рода, и писать для единаго токмо состоянїя людей. Онъ долженъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ ничего не пропустить и нигдѣ съ лишкомъ не замедлить; онъ долженъ для своего Ироя, привлекать читателей изъ всѣхъ состоянїй и безпрестанно памятовать, что мужъ таковыхъ свойствъ принадлежитъ всему человѣчеству. Здѣсь то предстоитъ намъ величайшая трудность, здѣсь видимъ для себя камень преткновенїя; но глубокое и почтительное знанїе предпрїемлемаго нами дѣла, и благоговѣнїе къ нашему предмѣту, суть можетъ быть достойнѣйшая жертва, какую мы по силамъ нашимъ можемъ принести тому великому мужу, коего дѣянїя здѣсь предлагаемъ.

Король Прусскїй 1758 годъ началъ также счастливо. Онъ вступилъ въ военныя дѣйствїя 3 Апрѣля осажденїемъ *Швейдница*, которое производилъ съ такою силою, что сїя крѣпость уже 16 Апрѣля была покорена. Гарнизонъ, которой во время облежанїя уменшился отъ болѣзней и урона столько, что изъ 7000 осталось токмо 3000 человѣкъ, принужденъ былъ отдаться въ полонъ. Послѣ сего урона Австрїйцы и ногою не вступили въ Пруссїю.

Тогда вниманїе Короля обращено было на то, дабы себя обезопасить отъ могущихъ впредь воспослѣдовать нападенїй, и въ то же время сильно наступить на одну часть земель Австрїйскихъ. Силы его, какъ для того, такъ и для другаго хорошо расположены были; ибо кромѣ войскъ, коими предводительствовалъ Графъ *Дона*, со стороны Померанїи находился еще знатный корпусъ между Волау и Глогау для прикрытїя Силезїи отъ Россїянъ. Въ Саксонїи собрано было войско подъ начальствомъ

брата его Принца *Генриха* и назначено противу *Имперской арміи*, которая чрезвычайными въ зимнее время стараніями и соединеніемъ съ корпусомъ Австрійцовъ, пришла въ состояніе покуситься на новыя предпріятія. Всѣ сіи Королевскіе корпусы посредствомъ хорошо учрежденныхъ почтъ, имѣли между собою безпрестанное сообщеніе.

Король вознамѣрился избрать театромъ войны сего года *Моравію*, которая до сихъ поръ еще бѣдствію сему подвержена не была. По взятіи Швейдница, Король повелѣлъ двумъ корпусамъ своимъ такъ расположиться, чтобъ казалось, будто бы онъ предпріялъ войну вести въ Богеміи. Между тѣмъ, какъ онъ симъ расположеніемъ отвлекъ вниманіе непріятеля отъ настоящаго предмѣта, главное его войско весьма скорымъ походомъ вступило двумя колоннами въ Моравію, и въ краткое время захватило всѣ мѣста нужныя для прикрытія войскъ, которыя надлежало употребить для осады Ольмица. 27 Маія предъ самымъ

городомъ открыты были траншеи. Если бы онъ завоевалъ сію крѣпость, то уже безъ всякаго препятствія могъ бы итти въ Вѣну.

Графъ *Даунъ* не прежде былъ увѣдомленъ о походѣ Короля въ Моравію, какъ въ то время, когда уже онъ предпріялъ путь въ сію область чрезъ Богемію. Невзирая, что Императрица Королева ничего не оставила, что токмо было возможно для собранія достаточнаго числа войскъ противу Короля Прусскаго; не смотря, что Миланское и Тосканское Герцогства уже истощены были, и что послѣдніе рекруты изъ областей при Дунаѣ лежащихъ взяты: при всемъ томъ Графъ *Даунъ* все еще не былъ въ состояніи сразиться съ Королемъ Прусскимъ. Сей благоразумный полководецъ расположился при *Литтау* въ странѣ гористой, гдѣ никакимъ образомъ не можно было сдѣлать на него нападенія. Онъ имѣлъ позади себя плодоносную Богемію, откуда получалъ всѣ нужные припасы, при томъ былъ въ состояніи изъ своихъ

мѣстъ безпокоить Прусское войско, стоявшее подъ *Ольмицемъ*, на что устремлено было все его вниманїе.

Получивъ извѣстїе, что великой обозъ съ припасомъ отправится изъ Троппау, предпринялъ онъ свои мѣры, дабы оной перехватить, что и удалось ему съ такимъ успѣхомъ, что едва токмо малая часть онаго, и то съ великими трудностями могла прити въ Прусской станъ.

Сїе несчастїе было весьма велико для Короля; ибо оное случилось въ такое время, когда уже его никакимъ образомъ поправить было не возможно. Осада города *Ольмица* во все время производилась съ величайшими затрудненїями; а между тѣмъ вседневно распространявшїеся слухи о приближенїи Россїйскихъ войскъ, призывали Короля къ защищенїю его владѣнїй. Уже Козаки и Калмыки дѣлали набѣги на Силезїю и тѣмъ предвозвѣщали приближенїе главной Россїйской армїи. Королю надлежало оставить осаду *Ольмица* и выйти изъ Моравїи. Фельдмаршалъ *Даунъ* новую прї-

обрѣлъ себѣ славу, что освободилъ сїю область и воспрепятствовалъ Королю въ завоеванїи, о которомъ онъ почти не имѣлъ сумнѣнїя.

Объ *Ольмицѣ* разсуждали такъ, какъ и о Прагѣ, что онъ могъ бы городъ сей оставить позади себя, и прямо итти въ Австрїю, и несчастное слѣдствїе сея вторыя осады подкрѣпляло таковое порицанїе; но могъ ли онъ отважиться главный городъ Моравїи со многочисленнымъ гарнизономъ назади оставить? Если онъ не могъ прикрыть пути своего отъ Силезїи до *Ольмица*, то какъ бы онъ могъ прикрыть путь дальнѣйшїй, на коемъ при томъ находится еще непрїятельская крѣпость? Если бы таковая отважность противу всѣхъ правилъ искуства и имѣла счастливой успѣхъ, то можно сыскать тысячу примѣровъ, что подобные случаи несчастїемъ наказаны были. Самъ Король, въ одномъ письмѣ, которое онъ 1745 года писалъ къ Маршалу Саксонскому, разсуждаетъ о такомъ обстоятельствѣ слѣдующимъ образомъ: „Когда я

„началъ вести войну, говоритъ онъ, то „не имѣя никакого опыта, всегда хотѣлъ „итти въ передъ. Несчастїе меня ис„правило и я видѣлъ, что въ таковомъ „искуствѣ каково наше, разсужденїе „всегда должно обуздывать силу вообра„женїя.„ Всѣ критики не довольно вникаютъ, что нынѣшнїе войски столь многочисленны, и столько обремененны тяжелою артиллерїею, кавалерїею, обозами и всякого рода при войскѣ находящимися людьми, что попеченїе о ихъ содержанїи связуетъ всѣ предпрїятїя, или при всѣхъ бываетъ главнымъ предмѣтомъ. Симъ то счастливымъ равновѣсїемъ трудностей, къ коимъ присоединяются взаимныя пособїя обрѣтаемыя въ искуствѣ строить лагери, въ наши времена войски на маломъ пространствѣ земли столь долго могутъ противиться другъ другу, и великїя завоеванїя сдѣлались почти невозможными. И такъ для счастїя человѣчества не должны мы желать перемѣны въ военной системѣ; не должны нынѣшняго оныя состоянїя почитать

низпадшимъ; ибо истинное совершенство военныя науки состоитъ въ томъ, что бы искуство защищенія, превосходило искуство нападенія, и чтобъ народы взаимно привести въ безопасность отъ опустошеній.

Предъ выходомъ Короля изъ Моравіи, созвалъ онъ предъ себя всѣхъ Генераловъ и полковыхъ начальниковъ, и говорилъ имъ съ величественнымъ видомъ слѣдующую рѣчь:

„Государи мои! непріятель нашелъ „случай переняшь обозъ шедшій къ намъ „изъ Силезіи; сіе бѣдственное приклю„ченіе принуждаетъ меня оставить оса„ду *Ольмица*; но да не подумаютъ го„спода офицеры, чтобъ и все уже по„гибло. Нѣтъ, напротивъ того они „должны быть увѣрены, что все съ ве„ликимъ вредомъ для непріятеля по„правлено будетъ. И такъ офицеры дол„жны уговаривать солдатъ, и никакъ не „допускать, чтобъ они роптали. Я не „уповаю, чтобъ сами офицеры стали „изъявлять свое неудовольствіе, самъ

„же я, если сверхъ чаянія въ комъ ни-„будь то примѣчу, то поступлю съ нимъ „по всей строгости. Я теперь буду „продолжать походъ, и гдѣ найду не-„пріятеля, разобью его, какъ бы онъ ни „стоялъ, и какъ бы онъ ни укрѣпленъ „былъ, однакожъ, продолжалъ онъ, ни-„когда я не сдѣлаю сего легкомысленно „и безразсудно. Какъ бы то ни было, я „увѣренъ, что каждой офицеръ и про-„стой солдатъ при семъ случаѣ будетъ „исполнять долгъ свой съ обыкновенною „ревностію.„

По окончаніи рѣчи, Король принялъ видъ милостивой и веселой, такой, какимъ онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ сердца и потомъ распустилъ собраніе.

Выходъ Короля изъ Моравіи подобенъ былъ выходу побѣдителя. Графъ *Даунъ* для вспомоществованія *Ольмицу* такъ войски свои расположилъ, что предѣлы Богемскія осталися безъ защищенія. Король, отъ котораго ни что не укрывалось, тотчасъ примѣтивъ для себя сію выгоду, рѣшился вмѣсто того,

чтобъ итти обратно въ Силезїю, предпрїять свой путь изъ одной части непрїятельскихъ владѣнїй въ другую.

За день предъ снятїемъ осады, Пруссаки производили пальбу съ великою прилѣжностїю, и не подали ни малѣйшаго знака о своемъ намѣренїи; однакоже ночью все войско двумя колоннами предпрїяло путь въ Богемїю, въ такомъ порядкѣ и съ такимъ искуствомъ, что не взирая на всѣ старанїя употребляемыя Австрїйцами, что бы сдѣлать на Короля нападенїе, или его безпокоить во время похода, онъ безъ дальныхъ препятствїй вступилъ въ Богемїю, отнялъ великїй магазинъ, разсыпалъ различныя Австрїйскїя корпусы, и со всѣми своими больными и ранеными, со всемъ тяжелымъ обозомъ и артиллерїею, и съ полнымъ военнымъ запасомъ, прибылъ къ Кенигсгрецу, одному важнѣйшему мѣсту въ Богемїи, и прогнавъ находившїйся тутъ въ окопахъ Австрїйскїй корпусъ состоявшїй изъ 7000 человѣкъ, осадилъ сїе мѣсто. Но какъ его планъ не дозво-

лялъ дальнѣйшихъ на сей сторонѣ предпріятій, то онъ отъ занятія сего важнаго мѣста, не получилъ никакой выгоды.

И такъ Король совершилъ обратный свой путь въ Богемію въ удивительномъ порядкѣ; непріятельскіе Генералы *Янусъ* и *Лавдонъ*, нѣсколько дней гнались за его заднимъ войскомъ съ двумя сильными корпусами. Они занимали выгодныя мѣста, то съ той то съ другой стороны, и дѣлали ему всевозможныя препятствія. Но храбрые Прусаки вездѣ ихъ прогоняли, такъ, что они принуждены были оставить свое преслѣдованіе. Король маршировалъ со всевозможною скоростію, и 20 Августа прибылъ къ Франкфурту на Одерѣ. Здѣсь соединился онъ съ войсками бывшими подъ предводительствомъ Графа *Доны*. Тогда то Королевская армія была въ состояніи покуситься на нѣкоторыя предпріятія и ни одной минуты не тратя выступила противу Россіянъ.

Россійскіе раздѣленные корпусы соединились подъ предводительствомъ

Бровна и *Фермера*, и твердое приняли намѣренїе напасть на новой МаркЪ-Бранденбургъ, и осадить *Кистринъ*, а по взятїи сего мѣста не много осталося бы имЪ пути и до Берлина. Уже 15 Августа они начали осаду *Кистрина*, и бросали вЪ него такое множество бомбЪ и бранткугелевЪ, что сей несчастный городЪ вЪ короткое время объятЪ былЪ пламенемЪ. По старому образцу построенныя стѣны, не подавали великой надежды кЪ долговременному сопротивленїю, и вЪ городѣ главной магазинЪ истребленЪ пожаромЪ.

Между тѣмЪ защитникЪ владѣнїй своихЪ вЪ близи уже находился. Августа 23 все Прусское войско переправилось чрезЪ ОдерЪ. При первомЪ извѣстїи о ихЪ приближенїи, Россїяне оставили осаду и отступили кЪ *Цорндорфу*. Намѣренїе Короля было, чтобЪ обойти лѣвое крыло ихЪ войскЪ и напасть на нихЪ сЪ тылу, чрезЪ что надѣялся привести ихЪ вЪ замѣшательство; но онЪ вЪ томЪ ошибся. Россїяне предусмотрѣвЪ его

замыслъ, сдѣлали наилучшїя распоряженїя; какъ недоставало имъ довольно мѣста распространиться вдоль, то сдѣлали они баталїонъ каре, и на каждой сторонѣ окружили оной тяжелою артиллерїею и рогатками. Въ семъ положенїи ожидали они нападенїя отъ Прусаковъ.

Августа 25 Король послѣ пятидесяти-шестидневнаго похода изъ средины Моравїи войско свое привелъ предъ лице Россїянъ. До селѣ никогда еще не случилось ему собственною своею особою сразитьсѧ съ симъ непрїятелемъ, и войски его никогда еще не имѣли противу его никакой удачи. Все счастїе войны зависѣло отъ успѣха сего сраженїя. Въ сїе то время Прусаки отечество свое съ истинною къ нему любовїю защищать долженствовали.

Въ 9 часовъ по полуночи сраженїе началось отъ Прусаковъ пальбою изъ пушекъ и гаубицъ и продолжалось по правому Россїйскому крылу, чрезъ два часа не преставая ни на одну минуту. Ничто не можетъ сравниться съ быв-

шимъ тогда пораженіемъ, ниже съ мужествомъ, съ каковымъ Россійская пѣхота выдерживала огонь, коимъ самые опытные старые солдаты могли быть приведены въ ужасъ и разсѣяны. Они повергаемы были цѣлыми шерингами, но свѣжіе полки впередъ выступали, занимали мѣста убитыхъ, и представляли кровопролитію новую пищу. Первая линія Россійской пѣхоты выстрѣлявъ всѣ свои патроны, пошла на штыкахъ противу Прусаковъ. Сей непреодолимый корпусъ Прусской пѣхоты, столь часто непріятелю сопротивлявшійся, выдержавшій многія сильныя нападенія, сей разъ въ присутствіи Короля своего принужденъ былъ отступить назадъ, когда уже побѣда нѣкоторымъ образомъ въ рукахъ находилась.

Въ ту самую минуту, когда сраженіе столь было сумнительно, Король весьма скорымъ и искуснымъ поворотомъ послалъ всю конницу своего праваго крыла въ самую средину непріятеля. Она подъ предводительствомъ Генерала

Зейдлица, устремившись на Россійскую пѣхоту, прогнала ее назадъ; чрезъ сіе, отступившіе Прусскіе баталіоны имѣли время опять собраться и построившись въ порядокъ, произвели съ чрезвычайнымъ мужествомъ новое нападеніе. Сраженіе продолжалось отъ 9 часовъ утра до 7 часовъ вечера безпрерывно; наконецъ ночь съ обоихъ сторонъ страшную сію битву прекратила. Россіяне отступили по томъ даже до *Ландсберга* къ Польскимъ границамъ, а Король Прусской съ большею частію своего войска поспѣшалъ со всевозможною скоростію на помощь Принцу *Генриху*.

Въ то время, какъ Король удалялся изъ Моравіи и Богеміи назадъ, для прикрытія Бранденбургскихъ своихъ областей и занятъ былъ противу Россіянъ, другіе его непріятели пользуясь его отсутствіемъ и превосходствомъ силъ своихъ, старались сдѣлать завоеванія въ *Саксоніи* и *Силезіи*. Фельдмаршалъ Графъ *Даунъ* вознамѣрился при *Мейсенѣ* пере-

правиться чрезъ рѣку Ельбу, и въ то самое время произвесть нападенїе съ одной стороны на Прусское войско состоявшее подъ предводительствомъ Принца *Генриха*, какъ *Имлерскїе войски* нападутъ съ другой. Принцъ *Генрихъ* сколь ни выгодное избралъ мѣсто, и сколь ни укрѣпилъ оное, однако же казалось, что чрезвычайное превосходство обоихъ непрїятельскихъ войскъ сїю выгоду превысятъ.

Отъ Цорндорфа *Фридрихъ* спѣшилъ противу Австрїйцовъ, на помощъ брату своему; спасенїе Саксонїи было главнѣйшимъ предмѣтомъ Короля Прусскаго въ семъ походѣ. Онъ чрезвычайною своею поспѣшностїю 12 Сентября находился уже въ окрестностяхъ *Дрездена*, гдѣ онъ и совѣтовался съ Принцомъ *Генрихомъ* о дальнѣйшихъ предпрїятїяхъ. И такъ весь *Дауновъ* замыслъ былъ предупрежденъ. Непрїятельскїе войски не только не могли Принца *Генриха* сбить съ его мѣста; но даже не были въ состоянїи воспре-

пятствовать соединенїю войскъ Королевскихъ съ войсками Принца *Генриха*. Фельдмаршалъ *Даунъ* отступилъ потомъ назадъ въ крѣпкїи станъ находившїйся при городкѣ *Столле*, и собралъ къ себѣ всѣ отрядныя корпусы. Король расположился прямо противу Австрїйскаго войска при Шенфельдѣ, *Имперское же войско* заняло весьма крѣпкїе мѣста при *Пирнѣ*, но ничего не предпринимало.

Такимъ образомъ Король своимъ мужествомъ, своею чрезвычайною поспѣшностїю, и своимъ великодушїемъ, въ 15 дней превосходнаго непрїятеля силою побѣдилъ совершенно на одномъ концѣ, а другаго такъ же превосходнаго непрїятеля, не вступая съ нимъ въ сраженїе, уничтожилъ предпрїятїя на другомъ концѣ своихъ владѣнїй. Сколь ни славны были сїи преимущества сами по себѣ, но были еще и другїе счастливые для Короля слѣдствїя послѣ сраженїя при *Цорндорфѣ*.

Шведы, которые въ движенїяхъ своихъ сообразовалися съ Россійскимъ союзнымъ войскомъ, поспѣшали произвести въ дѣйство свои предпрїятїя въ то время, какъ Россїйская армїя вступила въ Маркъ-Бранденбургъ. Посланный противу ихъ корпусъ Прусскихъ войскъ подъ предводительствомъ Генерала *Веделя,* не могъ ихъ удержать отъ продолженїя ихъ пути; но извѣстїе объ отступленїи Россїянъ къ Польской границѣ, столь сильно потревожило Шведовъ, что они гораздо поспѣшнѣе назадъ пошли, нежели шли на непрїятеля.

Хотя дѣла Короля и начали чрезъ то приходить тогда въ лучшее состоянїе, однако же жребїй войны былъ еще весьма сумнителенъ. Непрїятель еще превосходилъ его своими силами. Россїяне и Шведы еще были въ его предѣлахъ. Австрїйцы и Имперская армїя была еще въ Саксонїи. Если Королевскїе войски и могли занять выгодныя мѣстоположенїя, то и непрїятель равную имѣлъ выгоду. Малѣшая погрѣшность

или несчастїе, все еще Королю угрожали низвергнуть его въ бездну горести и печали.

Фельдмаршалъ Графъ *Даунъ* не показывалъ никакой склонности вступить съ Королемъ въ сраженїе, но для того избралъ для себя крѣпкое мѣсто, чтобъ задержать Короля въ Саксонїи и воспрепятствовать притти на помощь къ крѣпости Нейсу въ Силезїи, которая отъ Австрїйцовъ была осаждаема.

И такъ Король вознамѣрился принудить Фельдмаршала *Дауна* выступить изъ Саксонїи, пресѣчь путь къ подвозу ему съѣстныхъ припасовъ, и сообщенїе съ главнымъ его запаснымъ магазиномъ. Король перемѣнилъ свое положенїе, распространилъ правое крыло своего лагеря до мѣстечка *Гохкирха*, чемъ не токмо сообщенїе съ войскомъ Принца *Генриха* поддержалъ, но и собственныя свои владѣнїя прикрылъ отъ нападенїя Австрїйцовъ, и подалъ случай послать помощь въ Силезїю. Австрїйское войско такъ же оставило по томъ укрѣпленный свой

станѣ и избрало себѣ другой противу Прусскаго при *Гохкирхѣ*. Австрійской лагерь былѣ еще болѣе укрѣпленѣ засѣками, редутами и батальонами, и казалось что всѣ пріуготовленія клонятся, чтобѣ Прусскому войску заградить путь вѣ Силезію. Для сего Король вознамѣрился сдѣланнымѣ движеніемѣ принудить непріятеля кѣ отступу; но прежде нежели онѣ сіе произвелѣ, со стороны Австрійскаго войска воспослѣдовало извѣстное при *Гохкирхѣ* нечаянное нападеніе, на которомѣ Прусаки не малой уронѣ претерпѣли.

Король по причинѣ многихѣ отрядныхѣ корпусовѣ имѣлѣ не болѣе 24000 человѣкѣ вѣ своемѣ станѣ при *Гокхирхѣ*; напротивѣ того непріятель былѣ вѣ двое сильнѣе. Сей вѣ нощное время занялѣ мѣста покрытые перелѣсками, а дабы скрыть подвозѣ артиллеріи, велѣлѣ онѣ во всю ночь рубить вѣ лѣсу деревья. Густой туманѣ и темная ночь скрыла непріятельскія движенія, и ихѣ колонны, которые должны были сдѣлать

нападенїе на непрїятеля непримѣтнымъ образомъ подкралися подъ Прусской лагерь. Прусскїе вольные баталїоны находившїеся на самомъ краю, были назадъ отбиты, а на правое крыло Австрїйцы столь сильно устремились, что Пруса-ки едва успѣли схватить оружїе, палатки же ихъ совсѣмъ осталися на мѣстѣ. Ужасное пораженїе тѣмъ паче казалось для Прусаковъ неизбѣжнымъ, что войски въ величайшемъ находились замѣшательствѣ, и Король при первомъ нападенїи Австрїйцовъ претерпѣлъ не загладимой уронъ; два наилучшїе и достойнѣйшїе полководца лишились жизни. Фельдмаршалъ *Кейтъ* убитъ двумя ружейными пулями, а Принцу *Брауншвейгскому Францу*, въ то самое время, какъ онъ садился на лошадь, пушечное ядро сбило голову. И такъ Король въ то самое время, когда ему наиболѣе была нужна помощь, одинъ долженъ былъ во всемъ управляться. Однако же его присутствїе духа, твердое его мужество и расторопность все наградили, отвра-

шили нѣкоторымъ образомъ дѣйствія непредвидимаго нападенія, и предускорили ужасныя слѣдствія предстоявшія гибели. Онъ во всѣхъ мѣстахъ самъ присутствовалъ и вселялъ въ свои войски собственную свою ревность.

Австрійцы при самомъ началѣ сраженія выбили Прусаковъ изъ *Гохкирха*. Поелику судьба сраженія отъ обладанія симъ мѣстомъ зависѣла, то и происходила при ономъ самая жестокая битва. Прусаки произвели три кровавыя, но несчастныя нападенія на оное, въ четвертое же опять имъ овладѣли. Но какъ Австрійцы безпрестанно свѣжими войсками смѣнялись, то напослѣдокъ прогнали Прусаковъ съ ужаснымъ съ обѣихъ сторонъ кровопролитіемъ. Король видя невозможность мѣсто сіе удержать за собою, повелѣлъ отступить назадъ. Сіи войски, которые въ темную ночь претерпѣли нечаянное нападеніе отъ непріятеля несравненно силою превосходившаго и полунагіе въ величайшемъ замѣшательствѣ хватались за оружіе, съ

прехрабрымъ сопротивленіемъ выдержали бой 5 часовъ продолжавшійся.

Тогда *Фридрихъ* собираетъ остатокъ своея арміи; съ конницею своею повторяя сильныя устремленія, отступаетъ назадъ на полъ мили, и фельдмаршалу *Дауну* вновь представляетъ сраженіе, на которое сей отважиться не дерзаетъ. Исторія не представляетъ примѣровъ, да и навсегда будетъ почитаться чудодѣйствіемъ полководцева остроумія, что войско претерпѣвшее столь нечаянное нападеніе, потерявшее отъ семи до осьми тысячь человѣкъ, 150 пушекъ, палатки и весь обозъ, могло быть приведенно въ порядокъ или лучше сказать, отнюдь не пришло въ безпорядокъ, за нѣсколько сотъ шаговъ отъ мѣста сраженія остановилось, и тамъ своею хладнокровностію, какъ бы посмѣвалось непріятелю, одержавшему надъ нею столь выгодную побѣду.

Отдохнувъ отъ сихъ бѣдственныхъ трудовъ, Король повелѣлъ созвать предъ себя Генераловъ, и Штабъ-

офицеровъ, и говорилъ имъ слѣдующимъ образомъ:

„Вы знаете, государи мои, что „войско наше претерпѣло нечаянное на„паденіе. Темнота ночи была тому ви„ною; но вы должны помыслить, гдѣ мы „теперь находимся. Имѣніе, жены и дѣ„ти наши позади насъ; если мы еще „однажды отступимъ, то всего сего „лишимся. Скорая битва для насъ не„избѣжна. Я самъ желаю лучше съ остат„комъ моего войска быть здѣсь погре„бенъ, нежели отступить, и уповаю, „что и каждой будетъ также думать; „а кто думаетъ иначе, то пусть лучше „напередъ о семъ скажетъ, и тотчасъ „же можетъ возвратиться въ свой домъ? „если кто таковъ между вами!„ Послѣ краткаго молчанія, когда нѣкоторые Генералы увѣряли Короля, что они такъ, какъ и до сего времени съ радостію будутъ исполнять свою должность, онъ опять принялъ веселой видъ.

Фридрихъ проводивъ въ семъ положеніи два дни, отступаетъ къ *Герлицу*;

Принца *Генриха* оставляетъ главнокомандующимъ своея армiи; поспѣшаетъ съ великою частiю оныя въ Силезiю на помощь осажденной крѣпости *Нейсу*; принуждаетъ непрiятеля оставить осаду; возвращается съ равною поспѣшностiю назадъ; предупреждаетъ *Дауновы* на Дрезденъ замыслы и принуждаетъ его ити обратно въ Богемiю на зимнiя квартиры. Сiе безпрерывное движенiе, сiи всегда возраждающiеся труды очевидцевъ приводили въ изумленiе, а для отдаленныхъ казалися чудесными дѣлами. Можно бы сказать, что въ его одной особѣ многiя соединены: и подлинно онъ какъ будто умножался, и непрiятели по всюду съ нимъ встрѣчались и его страшились.

Однако же среди толикiя славы, состоянiе его было бѣдственно; войско его по причинѣ самаго его состава и внутреннiя слабости его державы, по такой точно мѣрѣ уменьшалось, по какой Австрiйское возрастало. Рекрутскiе его наборы со дня на день труднѣе

становились, да при томъ и народъ былъ хуже. Полки его едва имѣли время дополняться и учиться военнымъ дѣйствїямъ; многїе изъ нихъ уже не могли ожидать себѣ подкрѣпленїя изъ своихъ округовъ, кои были заняты непрїятелями. Офицеры видя въ полкахъ своихъ множество бѣглецовъ, бродягъ, новонабранныхъ и подозрительныхъ людей, въ трепетъ приходили. Смерть похитила у Короля наилучшихъ его полководцевъ; едва оставался кто, кромѣ его самаго и брата его *Генриха*, сего достойнаго соревнователя его достоинствъ и его славы; но ему должно было раздѣлять войско свое на многїя части. Сїи два великїе мужа не могли сами вездѣ присутствовать; а гдѣ они не были, то тамъ скорѣе можно было страшиться несчастїй, нежели надѣяться благополучныхъ успѣховъ.

Напротивъ того Австрїйское войско по многимъ отношенїямъ сдѣлалось страшнѣе; оно упражненїемъ прїобрѣло то, чего не могло дѣлать по правиламъ,

и отъ вступающихъ въ службу рекрутовъ не токмо не преходило въ хуждшее состоянїе, но еще лучше становилось. Области сего пространнаго государства тѣмъ избраннѣйшихъ людей на войну представляли, чемъ ихъ больше тамъ погибало. Ибо извѣстно, что сперва полки набираемы были изъ людей самыхъ непотребныхъ. Каждой годъ безчисленное множество рекрутовъ изъ Венгрїи, Кроацїи и Седмиградскаго княжества проходило чрезъ *Вѣну*. Всѣ они были одушевляемы милостивымъ зракомъ *Марїи Терезїи*, которая всегда удостоевала видѣть ихъ самолично, говорить съ ними съ умилительною ласкавостїю, называть ихъ своими дѣтьми и увѣщевать ихъ къ защищенїю чести своего оружїя. Нѣтъ въ свѣтѣ войска, которое бы было вмѣстѣ столь прекрасно, столь мужественно и воинственно. Сверхъ сего ободряло ихъ и воображенїе, приводя имъ на память предковъ ихъ непобѣдимыхъ воиновъ Дакїи и Паннонїи, наносившихъ толь долгое время ужасъ Римской Имперїи, а по томъ бывшихъ ея подпорою.

Австрїйскїе полководцы больше еще нежели ихъ войско примѣромъ *Фридриха* научились. Одно правило, которое они для сопротивленїя ему воспрїяли, было то, что бы никогда не вступать съ нимъ въ сраженїе на открытомъ полѣ и остерегаться отъ Тактическихъ его движенїй, но принуждать его къ войнѣ на выгодныхъ мѣстоположенїяхъ. Они всегда укрѣплялись окопами даже и въ такомъ случаѣ, когда его силами своими превосходили и прикрывались всегда престрашною артиллерїею. Три знатнѣйшїе полководца предводительствовали Имперскою армїею; и всѣ три сколь ни различныхъ были дарованїй, во многихъ частяхъ военной науки превосходныя познанїя имѣли. Фельдмаршалъ *Даунъ* одаренъ былъ мудростїю, прозорливостїю и благоразумїемъ даже до того, что оныя иногда препятствовали блистательности и совершенству его предпрїятїй, но кои въ отчаянныхъ обстоятельствахъ всегда подавали ему пособїе и никогда несчастїю не подвергали.

Графъ *Ласци*, бывшїй тогда при войскѣ Генералъ - Квартирмейстеромъ, имѣлъ глубокое познанїе во всѣхъ подробностяхъ, великое искуство въ выборѣ лагеря и отважность въ изобрѣтенїи наступательныхъ способовъ, коими онъ заглаждалъ погрѣшности Фельдмаршала *Дауна*; иногда ободрялъ его и заставлялъ предпринимать нѣсколько отважнѣйшїя мѣры. Генералъ *Лаудонъ*, которой съ 1758 году предводительствовалъ всегда великими корпусами, одаренъ былъ такою способностїю къ предводительствованїю войскъ, и тѣмъ хладнокровїемъ въ сраженїяхъ, каковыхъ ни какимъ умозрѣнїемъ не прїобрѣтаютъ, и коими природа награждаетъ токмо своихъ любимцовъ.

И такъ въ слѣдующую компанїю, 1759 года Королю потребно было все напряженїе ума для сопротивленїя злодѣйствующему року. *Россїяне* выиграли сраженїе при *Циллихау* надъ Генераломъ *Веделемъ*. *Фридрихъ* желая вознаградить несчастїе своего Генерала, напалъ на

нихъ при *Кунерсдорфѣ*. Онъ ихъ окружилъ, и по ужаснѣйшемъ и кровопролитнѣйшемъ изъ всѣхъ сея войны сраженіи, остался еще побѣдителемъ. Незапно приходитъ *Лаудонъ*, разсѣваетъ утомленное его войско, и похищаетъ у него побѣду. Король явилъ въ сей день удивительное мужество; двѣ лошади подъ нимъ были убиты, и платье на немъ было прострѣляно. Онъ замѣшавшись въ средину войска едва не былъ захваченъ непрїятельскою конницею. Расположенїе его къ аттакѣ было весьма благоразумно, отступленїе же его было самое превосходное дѣянїе; но поле сраженія было потеряно почти со всѣми пушками, и пѣхота его была разсѣяна. Въ сїе самое время Австрїйское войско овладѣло *Дрезденомъ*. *Фридриху* нужно было собрать всѣ свои силы, что бы прикрыть остальную часть Саксонїи; однако онъ не могъ воспрепятствовать чтобъ *Даунъ* не нанесъ ему великаго удара при *Максенѣ*, гдѣ осмнадцать баталїоновъ, и тридцать пять ескадроновъ

находившихся подъ предводительствомъ Генерала *Финка* были захвачены, побиты и принуждены положить оружїе. Король намѣреваясь напасть на крыло Фельдмаршала *Дауна*, сдѣлалъ можетъ быть нѣкоторую погрѣшность тѣмъ, что повелѣлъ *Финку* итти къ *Максену*, и занять сїе мѣстоположенїе, не бывъ самъ въ состоянїи его оттуда къ себѣ вызвать или подкрѣпить; но *Финкъ* сдѣлалъ еще гораздо большую, исполнивъ сїе повелѣнїе со слѣпою точностїю. Если бы онъ занялъ тѣсной проходъ при *Рейнгартсгриммѣ*, которой находится на милю передъ *Максеномъ*, и которой бы сдѣлалъ его равно обладателемъ *Максенскаго* поста, по тому что онъ тогда бы его имѣлъ позади себя, то бы побитъ можетъ быть не былъ, да и гораздо вѣроятнѣе, что даже не сдѣлали бы на него и нападенїя. Ибо если бы онъ не запутался въ такїя сѣти, каковы были сїи, и изъ коихъ ни что не могло извлечь его, то Фельдмаршалъ *Даунъ* по своей чрезвычайной

осмотрительности никогда бы не сдѣлалъ на него сего нападенія. Спустя нѣсколько дней Австрійцы взяли еще три Прусскіе баталіона при *Мейсенѣ*. Король Прусскій противу сихъ несчастій, кои всякаго другаго полководца, кромѣ его, принудили бы отступить, вооружился обыкновеннымъ своимъ мужествомъ; онъ приближился къ Фельдмаршалу *Дауну*, угрожалъ ему нападеніемъ, призвалъ противу его на нѣсколько недѣль корпусъ союзнаго войска, подъ предводительствомъ наслѣднаго Принца *Брауншвейгскаго*, явившаго себя уже Ироемъ въ цвѣтѣ своея юности и по томъ сдѣлавшагося однимъ изъ тѣхъ его полководцевъ, коихъ онъ почиталъ съ величайшею горячностію. Съ сихъ поръ *Фридрихъ* продолжалъ войну во всю зиму, и двѣ арміи находились въ лагеряхъ или хижинахъ при своихъ постахъ претерпѣвая жесточайшій холодъ.

Сей способъ продолжать войну въ жестокую зиму, до Короля Прусскаго былъ мало употребляемъ. Исторія по-

слѣдняго и нашего вѣка представляетъ въ семъ родѣ нѣсколько примѣровъ не продолжительныхъ въ зимнее время предпріятій. Среди зимы *Тюреннъ* освободилъ *Альзасъ*, *Людвигъ XIV* завладѣлъ областью順Франшъ-Конте, *Люксембургъ* покусился окончить завоеваніе Голландіи, фельдмаршалъ *Бель-Иль* отступилъ отъ Праги, а фельдмаршалъ *Саксонскій* взялъ *Брюксель*; но ни одинъ полководецъ дѣйствій своихъ въ зимнее время не продолжалъ безпрерывно. *Фридрихъ* сообщилъ сіе своимъ союзникамъ и принудилъ къ тому своихъ непріятелей. Герцогъ *Фердинандъ Браншвейгскій*, которой вмѣнялъ себѣ за славу ему послѣдовать, по его примѣру и по его наставленіямъ предпринималъ зимніе походы. Въ нынѣшнее время войски къ сему привыкли; они снаряжаются и запасаются, всемъ потребнымъ сообразуясь сему времени; и къ величайшему несчастію весьма вѣроятно, что война на всегда предоставитъ себѣ, таковое усугубленіе своихъ бѣдствій. Однако не должно сего

приписывать въ порокъ Королю Прусскому. Крайность, въ коей онъ находился, которая принуждала его на все отваживаться и искать себѣ другихъ, кромѣ обыкновенныхъ пособїй, была необходимою сему причиною. При томъ должно примѣтить, что чрезъ сїе самое, сраженїя его въ одно и тоже теченїе времени, были несравненно многотруднѣе и благоуспѣшнѣе, нежели всѣ до него бывшїя, и что сей удивительной умъ, обремененный всею главною тяжестїю, не зналъ въ сїе время ни отдохновенїя, ниже того успокоенїя, безъ коего природа человѣческая изнемогаетъ.

Состоянїе дѣлъ Короля Прусскаго въ 1760 и 1761 сдѣлалолось еще гораздо сумнительнѣе; непрїятели его стѣснили его болѣе и лучше размысливъ о своихъ выгодахъ. Имперская армїя, присоединившись къ Австрїйцамъ и всегда будучи подкрѣпляема или управляема ими, не тщетно его устрашала. *Россїяне* на конецъ возчувствовали, что доколѣ они будутъ зимовать по *Вар-*

тѣ, и доколѣ не будутъ умѣть пользоваться своими побѣдами, тщетно станутъ проливать кровь свою, защищая общее право; имъ подали великую помощь при *Кунерсдорфѣ* Имперскія войски, и намѣреніе ихъ было соединить впредь съ ними одну часть силъ своихъ, между тѣмъ, какъ другая взявъ *Колбергъ*, могла бы итти чрезъ Королевскую Пруссію и Померанію для соединенія со Шведами. Такимъ образомъ силы сіи безпрестанно сближались, всѣ мѣры Короля Прусскаго къ защищенію себя уничтожали и оставляли ему отъ часу менѣе мѣста, времени и пособій; онъ былъ яко левъ окруженный ловцами, кои на конецъ къ мужеству своему присовокупивъ искуство, всѣ вдругъ на него нападаютъ. Но какое прекрасное зрѣлище, видѣть сильное сопротивленіе умножающееся по мѣрѣ смѣлости нападающихъ! Думаютъ, что *Фридрихъ* былъ приведенъ въ слабость несчастными сраженіями при *Кунерсдорфѣ* и *Максенѣ*. Войско его изнуренное зимними томленіями и множествомъ бо-

лѣзней, не могло имѣть полнаго числа. Знатный корпусъ силъ его подъ предводительствомъ Генерала *Фукета*, предъ тѣмъ только разбитъ былъ при *Ландсгутѣ*; но и тутъ *Фридрихъ* силится дѣлать нападенія, и тутъ осмѣливается съ одною частію своей арміи сопротивляться Австрійцамъ, а съ другою предпріять блокаду и осаду *Дрездена*. Но онъ принужденъ снять оную, и въ то же самое мгновеніе получаетъ извѣстіе, что Австрійцы взяли *Глацъ*. Двѣ арміи идутъ къ Силезіи. Малодушіе и худое состояніе одного корпуса Прусскихъ войскъ было таково, что по журналу изданному однимъ Прусскимъ офицеромъ, разбѣжалось двѣ тысячи человѣкъ, во время похода Августа 6 числа изъ *Герлица* въ *Ротвассеръ*. Король сіе чувствовалъ, и какъ упомянуто въ томъ же самомъ журналѣ, онъ собиралъ многократно Генераловъ и Штабъ-офицеровъ, препоручая имъ съ особливою осторожностію поступать со множествомъ *новыхъ людей*, какъ то онъ на-

зывалъ тѣхъ, коими армїя была наполнена. Таковыя повѣствованїя ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ умноженїю собственной его славы, и того неустрашимаго войска, которое имѣя толь многїе внутреннїе пороки, могло при всемъ томъ произвести толь великїя дѣла.

Фридрихъ по прибытїи своемъ въ Силезїю находился въ опаснѣйшемъ положенїи. Судьба его по видимому приближалась къ концу своему. Августа 14 онъ находился въ станѣ при *Лигницѣ* съ шестьюдесятью четырьмя баталїонами и стомъ девятью ескадронами; что все едва составляло пятьдесятъ или пятьдесять пять тысячь человѣкъ, будучи самъ окруженъ четырьмя армїями, изъ коихъ три были превосходнѣе или почти равносильны ему. Сїи четыре армїи долженствовали напасть на него слѣдующаго дня; фельдмаршалъ *Даунъ* спереди, *Лаудонъ* съ лѣваго крыла, Генералъ *Бекъ* съ праваго; Графъ *де Ласци*, подкрѣпленный тридцатью пятью тысячами Россїянъ съ зади, и уже всѣ онѣ четыре

находились въ движенiи. *Фридрихъ* о семъ получаетъ извѣстiе; въ ночное время, скрытнымъ образомъ идетъ и нападаетъ на *Лаудона*, побиваетъ его совершенно, беретъ въ плѣнъ у него пять тысячь человѣкъ, и отбиваетъ, кромѣ знаменъ и штандартовъ восемьдесять пять пушекъ; и сiю знатную побѣду, которая одна могла его спасти, онъ похищаетъ предъ глазами Фельдмаршала *Дауна*, коему въ то же самое время препятствуетъ переправиться чрезъ рѣку *Катцбахъ*, для поданiя помощи *Лаудону*. Здѣсь то, можно сказать, онъ сражался за свой престолъ и свободу. Человѣкъ противъ воли объемлется ужасомъ, воображая, какому жребiю подвергнется толикая слава, толикiя труды и дарованiя. Если бы еще нѣсколько часовъ, то и онъ бы, можетъ быть, подвергся жребiю *Карла XII* подъ *Полтавою*; и потомство, мало вникающее въ теченiе происшествiй и судящее токмо по одному окончанiю оныхъ, не многимъ бы можетъ быть, его выше *Карла* поставило.

Между тѣмъ посмотримъ, какъ онъ всегда возносясь превыше счастія, угнѣтало ли оно его, или ему благопріятствовало, писалъ къ Маркизу д' Аржану, послѣ сего сраженія: „При прежнихъ обстоятельствахъ, любезный „Маркизъ, сраженіе Августа 15 рѣшило „бы нашъ походъ; но нынѣ оное ни что „иное, какъ легкая и нечувствительная „для непріятеля рана. Развѣ великая битва рѣшитъ нашъ жребій. По всѣмъ примѣтамъ скоро мы таковую имѣть будемъ, и тогда то, если окончаніе ея „будетъ для насъ благоуспѣшно, мы радоваться можемъ. Не говорите ничего „о опасности. Послѣднее сраженіе стоило мнѣ только платья и лошади. Это „весьма дешеваая плата за побѣду.„

Посмотримъ еще далѣе, ибо не можно выкинуть изъ сего письма того, съ какимъ величіемъ души, съ какою иройскою твердостію описываетъ онъ свое состояніе и чувствованіе души своей. „Въ „жизни моей я еще не былъ въ толь „трудныхъ обстоятельствахъ, какъ въ

,,продолженіе сей кампаніи. Повѣрьте ,,мнѣ, что развѣ чудомъ какимъ преодо- ,,лѣю я всѣ предстоящія мнѣ напасти. ,,Я конечно непремину исполнить свою ,,должность при всякомъ случаѣ; но по- ,,мните всегда, любезный мой Маркизъ, ,,что я не въ силахъ повелѣвать сча- ,,стіемъ, и что вижу себя принужден- ,,нымъ въ замыслахъ моихъ весьма мно- ,,го полагаться на случай, ибо всѣ пред- ,,начинанія мои остаются безъ дѣй- ,,ствія. Я безпрестанно долженъ начи- ,,нать Геркулесовы подвиги въ такое ,,время, когда силы мои оскудѣваютъ, ,,когда немощи мои умножаются и гово- ,,ря истинну, когда начинаю лишаться ,,надежды, единой въ несчастіи утѣхи.,,

И далѣе: ,,я веду здѣсь жизнь подо- ,,бно Картезіанцу: много долженъ ду- ,,мать о своихъ дѣлахъ, остатокъ же ,,своего времени посвящаю изящнымъ ,,письменамъ, кои меня утѣшаютъ, какъ ,,нѣкогда утѣшали того Консула, кото- ,,рой былъ отцемъ отечества и кра- ,,снорѣчія.,,

И наконецъ сїе израженїе, которое остатокъ его жизни и расположенїе впредь своего поведенїя, дѣлаютъ столь достопримѣчательнымъ: ,,я не знаю переживу ли войну сїю. Если же это ,,сдѣлается, то я вознамѣрился оста-,,токъ дней моихъ препроводить въ ,,уединенїи, въ объятїяхъ любомудрїя ,,и дружбы.,,

Въ то время, какъ *Фридрихъ* между *Бреславлемъ* и *Швейдницемъ* старался опять поправить свое войско, которое изнеможенїями, несчастїями всякаго рода и даже голодомъ приведено было въ несостоянїе что либо предпрїять; непрїятели его превосходящїе его числомъ и способами, и могущїе взаимно подкрѣплять другъ друга, вступили въ Бранденбургъ и овладѣли столицею *Берлиномъ*. Съ одной стороны подступили Россїяне, а съ другой Австрїйской корпусъ подъ предводительствомъ Генерала *Ласци*, съ частїю Имперской армїи. И такъ, онъ еще принужденъ былъ самъ итти для спасенїя своей сто-

лицы; ибо должно примѣтить, что сей неутомимый умъ никогда не ввѣрялъ другимъ никакого важнаго дѣла; правило достойное вниманїя всѣхъ Государей и повелителей, поелику познанїе людей поучаетъ ихъ беспрестанно, что мало находится такихъ, на коихъ можно положиться, и что нѣтъ ни одного, на кого бы можно было положиться такъ, какъ на себя самаго.

По прибытїи его къ *Берлину*, непрїятели изъ него вышли и отступили назадъ. Но *Даунъ* опять пошелъ въ Саксонїю. Онъ покоряетъ *Торгау*, и желаетъ соединиться съ Имперскою армїею, дабы отнять у Прусскаго Короля остатокъ сего Курфиршества. Тогда *Фридрихъ* даетъ ту достопамятную битву при *Торгау*, гдѣ равно какъ при *Коллинѣ* всѣ его усилїя и пожертвованїе одной части избраннѣйшаго своего войска, которымъ онъ самъ не однократно предводительствовалъ въ величайшихъ опасностяхъ, не могли праваго крыла Австрїйцовъ сбить съ мѣстоположенїя,

укрѣпленнаго природою и искуствомъ, и защищаемаго двумя стами пушекъ. *Фридрихъ* при семъ былъ слегка раненъ въ грудь и уже отступалъ съ оставшимся своимъ войскомъ, какъ вдругъ нечаянный случай доставляетъ ему въ руки поле сраженія и побѣду. Фельдмаршалъ *Даунъ*, съ нимъ тогда сражавшійся былъ раненъ его тяжелѣе и отвезенъ въ *Торгау*; ночь наступала, и Австрійскіе войски надѣяся, что побѣда была въ ихъ рукахъ, подались назадъ съ поля сраженія и оставили высоту *Зилтица*, бывшую у ихъ въ переди. Король Прусскій со всемъ отступилъ, и уже отвелъ правое свое крыло, которое подъ предводительствомъ Генерала *Цитена* скрывало его походъ; уже и сей самый Генералъ начиналъ также отступать, какъ объѣздные гусары, назиравшіе непріятеля, донесли ему о неосторожномъ движеніи Австрійцовъ. *Цитенъ* идетъ къ высотѣ *Зилтица*, покоряетъ ее подъ свою власть и увѣдомляетъ о семъ Короля, которой по его слѣдамъ возвращается.

Нѣкоторая часть Австрїйскаго войска хочетъ поправить свою погрѣшность и отнять высоту, но оно прогоняется. Прусаки непрестанно приближаются; они отбиваютъ многїя батареи, оставленные, или худо защищаемые; ночь, отсутствїе почти всѣхъ главныхъ офицеровъ, кои были въ *Торгау* для изъявленїя Фельдмаршалу *Дауну* прискорбїя своего о полученїи раны, и для поздравленїя съ побѣдою, умножаютъ смятенїе въ Австрїйцахъ, и всѣ пришедъ въ беспорядокъ отступаютъ къ сему городу, которой они на другой день оставивъ, переправились чрезъ рѣку Ельбу. Сїя столь нечаянная для *Фридриха* побѣда не совсѣмъ была рѣшительна, и потому не могъ онъ привести дѣлъ своихъ въ порядокъ, но она дала ему нѣсколько отдохнуть; она сдѣлала его обладателемъ всея Саксонїи, кромѣ *Дрездена*; она дала ему познать чрезвычайное различїе военнаго устройства въ двухъ армїяхъ. И подлинно, въ побѣдоносномъ войскѣ при полученїи толь великихъ

успѣховъ, не доставало добраго порядка и бдительности, когда напротивъ того побѣжденные такъ всегда въ движенїяхъ своихъ осторожны были, что всегда могли воспользоваться счастливымъ случаемъ, и были въ состоянїи послѣ совершеннаго отступа, вновь предпрїять отважное нападенїе.

Въ слѣдующую кампанїю 1761 года *Фридрихъ* не могъ иначе дѣйствовать, какъ защитительнымъ образомъ. Онъ препоручилъ Саксонїю Принцу *Генриху*, а самъ остался въ Силезїи, на которую непрїятели всѣ свои силы устремили. И въ самомъ дѣлѣ уже онъ не былъ болѣе въ состоянїи помышлять о нападенїи. Поддерживать себя однимъ токмо искуствомъ и защищаться отъ погибели дотолѣ, доколѣ оскудѣнїе силъ непрїятельскихъ, или другая какая политическая перемѣна, союзныхъ непрїятелей побудитъ къ миру: вотъ все, на что онъ могъ надѣяться. Даже и великїя сраженїя не были уже для него надежными пособїями; уже ему не на что было от-

важиваться, и уже нѣтъ надежды замѣнить великїй уронъ, если бы случилось претерпѣть оной. Часть сего похода проводилъ онъ въ препятствованїи соединиться Россїянамъ съ Австрїйцами или по крайней мѣрѣ старался не такъ скоро ихъ до сего допустить. Но не смотря на всѣ Королевскїя старанїя, сїи соединились, и при томъ съ великою Россїйскою Армїею подъ предводительствомъ Фельдмаршала *Бутурлина*. Тогда то ему должно было ближе приступить къ *Швейдницу*. Уже не смѣлъ онъ сражаться на открытомъ полѣ, но долженъ былъ стоять въ окопахъ. Онъ былъ окруженъ четырьмя войсками, такъ какъ при *Лигницѣ*. Боевой порядокъ составлялъ баталїонъ каре, дабы со всѣхъ сторонъ можно было сопротивляться. Войско его чувствовало недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и почти терпѣло нужды осаждаемаго города; оно провождало ночи не покидая изъ рукъ оружїя, подобно какъ бываетъ на проломахъ, и одна половина солдатъ

стерегла другую. При всемъ томъ не отваживались дѣлать на него нападенія. Австрійцы говорили, что Россіяне на то не были согласны и сей родъ осады самъ собою уничтожился, по причинѣ трудности въ содержаніи войскъ. Предпріятіе, для коего онъ отправилъ часть своего войска въ Польшу, имѣло свое дѣйствіе и отнятіе опредѣленнаго для Россіянъ обозу, состоявшаго изъ пяти тысячь повозокъ, принудило ихъ приближиться къ своимъ магазинамъ. *Фридрихъ* получилъ чрезъ то для себя больше мѣста; онъ перемѣнилъ свое положеніе и удалился отъ Швейдница. *Лаудонъ* и Графъ *Чернышевъ*, которой съ 25000 тысячами Россіянъ при его арміи остался, воспользовавшись симъ случаемъ взяли *Швейдницъ* штурмомъ; но Россіяне только были свидѣтелями сего храбраго подвига, вся же слава онаго Австрійцамъ принадлежала. Сей несчастный случай былъ весьма для Короля Прусскаго прискорбенъ. Онъ писалъ къ Генералу *Застрову*, защищавшему сію

крѣпость и почитаемому за храбраго воина. „Я не хочу васъ осуждать; желаю „токмо, чтобъ вы мнѣ могли написать такъ, какъ писалъ Францискъ „Первой послѣ битвы подъ *Павіею*, къ „своей матери: *все потеряно, кромѣ чести.*„ Въ то же самое время услышалъ онъ, что сдался *Колбергъ* и захваченъ Генералъ *Кноблаухъ* съ тремя баталіонами и нѣсколькими ескадронами при *Трептовѣ*. Путь въ лежащія при Балтійскомъ морѣ его области Мемель и Кенисгбергъ, а оттуда въ самыя наслѣдныя его земли былъ уже открытъ для Россіянъ.

Походъ 1762 году ничего не могъ инаго обѣщать, кромѣ величайшаго несчастія. Между тѣмъ открылся заговоръ противу его особы. Одинъ Силезской дворянинъ бывшій въ службѣ Австрійскаго дома, вздумалъ безразсуднымъ образомъ въ самой главной его квартирѣ захватить его съ помощію нѣсколькихъ Австрійцовъ.

На конецъ казалось, что сія великая душа падетъ уже подъ бременемъ своего

несчастія. Декабрь и Генварь мѣсяцы проводилъ онъ въ печальномъ уединеніи заключась въ своемъ покоѣ, даже не выходилъ онъ и на смотръ войска. Но доколѣ еще не совсѣмъ пришелъ въ изнеможеніе, не упуская никакого средства къ своему спасенію, и подобно кормчему, которой при самомъ кораблекрушеніи неопускаетъ еще изъ рукъ своего кормила, употребляетъ онъ всѣ средства къ защищенію себя. — Какъ вдругъ представился ему на помощь со всемъ неожидаемый случай. Россійская Императрица Елисаветъ Петровна умираетъ. Смерть ея прекращаетъ всѣ непріятельскія дѣйствія между Россіянами и Прусаками; заключенъ миръ, и спустя нѣсколько времени Риссійскіе войски выступаютъ изъ Нѣмецкой земли.

Король Прусской увидя себя освобожденнымъ отъ сильнѣйшаго свего непріятеля, опять началъ дѣйствовать противу Австрійцовъ наступательнымъ образомъ; прогналъ ихъ за *Швейдницъ*, и сталъ осаждать сію крѣпость,

которая чрезъ три мѣсяца защищаясь неутомимо, принуждена была сдаться съ 8000 гарнизона. *Даунъ* одинъ токмо разъ покусился съ нѣкоторымъ усилїемъ на освобожденїе оныя, но онъ былъ назадъ прогнанъ, и болѣе уже туда не приходилъ. Въ глазахъ полководца такихъ свойствъ мало было способовъ, коими онъ могъ замѣнить неизвѣстность великїя битвы; а особливо, когда уже время къ миру приближалось, ему отнюдь не свойственно было, не извѣстнымъ успѣхамъ нѣсколькихъ часовъ, подвергнуть долготою времени прїобрѣтенную свою славу. Принцъ *Фридрихъ*, коего дарованїя болѣе подавали ему надежды на добрые успѣхи, совершенно разбилъ Имперское войско подъ *Фрейбергомъ*, и еще увѣнчался послѣдними лаврами сея войны.

И дѣйствительно въ наступившую зиму воспослѣдовалъ миръ. Въономъ Король Прусской не потерялъ изъ своихъ владѣнїй ниже одной деревни. Борясь одинъ съ цѣлою половиною Европы, сколь прекрасное имѣлъ онъ окончанїе

своихъ подвиговъ! *Людвигъ XIV* равномѣрно сопротивлялся, однакожъ съ несравненно большею его силою, страшному противу его союзу; но часть войны была постыдна и несчастна для его оружїя, и миръ стоилъ ему великихъ пожертвованїй. На противъ того изъ всѣхъ выгодъ прїобрѣтенныхъ Королемъ Прусскимъ, драгоцѣннѣйшая была незыблемость его славы и величїя, коими онъ миръ на всю свою жизнь обезопасилъ: ибо воставшую въ 1778 году ничего незначущую бурю, не должно считать войною. Домъ Австрїйской не отваживался уже помышлять о Силезїи; Германїя подъ защитою сего всегда вооруженнаго Ироя, уже болѣе не страшилась лишиться своея вольности, и Европа видѣла, что равновѣсїе сея великїя республики владѣльцевъ на немъ одномъ утверждалось.

При всемъ томъ, сколь многїя предмѣты *Фридриховой* славы прешли мы молчанїемъ! ибо дѣла его безчисленны; сколько частныхъ подвиговъ и малыхъ

сраженій, коими одними другіе полководцы пріобрѣли бы себѣ немалую славу! сколько благоразумныхъ походовъ! сколько отступовъ, кои были труднѣе самихъ побѣдъ! сколько искусныхъ лагерей! сколько расположеній изобрѣтенныхъ или сдѣланныхъ его разумомъ! съ какимъ при томъ искуствомъ умѣлъ онъ силы свои раздѣлять такъ, что оными по всюду могъ противуборствовать въ трое или въ четверо, превосходившимъ его союзнымъ силамъ и во всѣхъ случаяхъ, когда токмо онъ защищался, недопускалъ непріятеля совершенно воспользоваться своимъ успѣхомъ! что же сказать о знаніи походныхъ распоряженій; знаніе не токмо для его войскъ полезное, но которое распространясь на всю Германію, дѣлало его душею всѣхъ дѣйствій производимыхъ его союзниками! что о непремѣнной системѣ порядка, бережливости и трудолюбія, посредствомъ коихъ выдержалъ онъ толь продолжительную и гибельную войну; пользовался непріятельскими зе-

млями, не опустошая ихъ и своими не истощевая ихъ; отъ одного конца предѣловъ своихъ перелѣталъ къ другому часто противу всякаго чаянїя и не заготовивъ на передъ магазиновъ; при чемъ попеченїе о содержанїи часто другимъ полководцамъ налагающее законы, рѣдко его стѣсняло, и наконецъ своимъ способомъ воеванїя объяснилъ намъ ту удивительную дѣятельность, коей мы въ исторїи древнихъ не постигаемъ.

Не довольно ли мы изобразили, что въ сраженїяхъ войско его не только не превосходило, но ниже равно было непрїятелю, и что наилучшїя свои побѣды выигралъ онъ съ такимъ войскомъ, которое третїею долею, а иногда и половиною было слабѣе непрїятеля! Но сказали ли мы что о дарованїи его ободрять войски, и среди величайшаго несчастїя содержать оныя въ надеждѣ и бодрости? Къ своимъ Генераламъ былъ онъ купно строгъ и благосклоненъ, къ офицерамъ милостивъ и важенъ, къ солдатамъ снисходителенъ и ласковъ: ему непротивно

было, когда говорили съ нимъ дружески; они его называли *Фрицомъ*, имя на Нѣмецкомъ языкѣ уменьшительное *Фридриха*, а уменьшительныя имена во всѣхъ языкахъ изъявляютъ чувствованіе дружбы. Достойно и любопытно примѣтить, что придворные и писатели не даютъ иныхъ именованій Государямъ, кромѣ именованій лести, напротивъ того солдаты всегда изъявляютъ имъ свое почтеніе дружескими именами. Тѣ суть рабы украшающіе своего кумира, а сіи суть други изъявляющіе искренность своему начальнику. Какъ бы то ни было, когда Король Прусской проѣзжалъ по своимъ войскамъ или находился въ виду ихъ, они называли его *Фрицомъ*, а онъ слыша сіе, только улыбался. Въ несчастіи и въ чрезвычайныхъ томленіяхъ, онъ не возбранялъ имъ роптать, и даже произносить противу его насмѣшки; онъ зналъ, что сіе огорченнымъ нѣкоторую подаетъ отраду, и что просвѣщенное военное искуство должно все видѣть, но не должно всего слушать.

Наказанія его во время войны никогда не были жестоки. Никогда не проливалъ онъ крови внѣ сраженій. По врожденному ли своему благодушію, или по тому, что онъ лучше каждаго зналъ, что война подвержена превратностямъ судьбы, и дарованія не избѣгаютъ несчастій, онъ никогда не отдавалъ подъ военной судъ непріятелемъ побитыхъ Генераловъ. Даже съ самыми по видимому виновными, онъ иначе не поступалъ, какъ только что на нѣкоторое время велѣлъ содержать ихъ подъ стражею, или въ темницѣ, или изключалъ ихъ изъ службы.

Награжденія его всегда сопровождаемы были правосудіемъ, умѣренностію, и такимъ благоволеніемъ, кои достойны подражанія всѣхъ Государей. Можно бы представить тутъ множество рѣчей, превосходящихъ самыя благодѣянія. Въ войскахъ его и у нѣкоторыхъ частныхъ людей въ его государствѣ, хранятся многія собственной руки его письма, кои ими или ихъ фамиліями почитаются

превыше самыхъ награжденій, коими были сопровождаемы. Да и было ли что лучшее, разумнѣйшее и видамъ Государя наиболѣе соотвѣтствующее, какъ слѣдующее письмо, писанное имъ ко вдовствующей Генерала *Форкада* супругѣ и матери двадцати трехъ дѣтей, изъ коихъ одинадцать было живыхъ?

„Первую минуту моего выздоровле-„нія спѣшу я употребить къ тому, „что бы вамъ доказать, съ коликимъ со-„болѣзнованіемъ чувствую я претер-„пѣнную вами утрату, и чтобъ извѣ-„стить васъ, чемъ я желаю облегчить „скорбь вашу. Во первыхъ я вамъ опре-„дѣляю на ваше содержаніе 500 тале-„ровъ за долговременную и вѣрную слу-„жбу покойнаго вашего супруга; во вто-„рыхъ такую же сумму опредѣляю за „счастливое ваше плодородіе, а въ „третьихъ, столько же вамъ даю на „годъ, для облегченія вамъ воспитанія „дѣтей вашихъ. Остается припомнить „вамъ то токмо, чтобъ вы имѣли „попеченіе, дабы они шли по стезямъ

„отца своего.„ Несчастна земля, для коея письмо сїе ничего разительнаго вЪ себѣ не заключаетЪ, и для коея содержанїе онаго покажется маловажнымЪ и щедрота вЪ немЪ изЪявленная не довольно велика! Умы тамЪ должны быть купно легкомысленны и весьма развращенны привычкою просить безЪ стыда, и видѣть излїянїе милостей безЪ всякїя причины.

Сколько Король Прусской понималЪ, что можетЪ быть лестно для каждаго человѣка особо, то столько же постигалЪ онЪ и то, чѣмЪ многихЪ вмѣстѣ ободрять можно. Простонародное мнѣнїе подало ему неизчерпаемое сокровище и безчисленные способы, кЪ награжденїю войскЪ своихЪ или кЪ наказанїю. Послѣ многихЪ достопамятныхЪ подвиговЪ, онЪ самЪ имЪ писалЪ благодарные письма, или изЪявлялЪ имЪ свою благодарность чрезЪ ихЪ начальниковЪ. Послѣ сраженїя при *Гогенфридбергѣ*, на коемЪ драгунской Барейтской полкЪ одинЪ побилЪ двадцать баталїоновЪ и от-

нялъ 67 знаменъ, онъ далъ сему полку собственною рукою написанную грамоту, въ которой имена всѣхъ офицеровъ бывшихъ на сраженіи написаны. Сею грамотою дозволилъ онъ ему имѣть, по собственному его выраженію, въ *знакъ вѣчныя своея признательности* новую печать съ изображеніями на сіе сраженіе относящимися, и сверхъ того право играть гренадерской маршъ, и на своихъ политаврахъ бить маршъ кирасирской. Генералъ *Гeслеръ* и Полковникъ *Хазотъ* Нормандскій дворянинъ полкомъ симъ предводительствовавшій, получили дозволеніе присовокупить къ своимъ гербамъ щитъ, на коемъ изображенъ Прусскій орелъ съ именами *Фридберга* и съ цыфирьми 20 и 67 означающими число побѣжденныхъ баталіоновъ и взятыхъ знаменъ. Такимъ образомъ многимъ полкамъ даровалъ онъ подобные отличительные знаки: инымъ дозволилъ бить особливые марши, другимъ носить широко обложенныя шляпы, или гренадерскія шапки, или поставить надписи на свои

знамена. Иные же полки на противъ того наказывалъ отнятіемъ подобныхъ симъ знаковъ, если они при какомъ случаѣ не храбро поступали. Когда полкъ Бернбургской въ 1760 году во время великой изъ Дрездена вылазки слабо сопротивлялся, то онъ отнялъ у него сабли и съ платья позументы, что не прежде ему возвратилъ, какъ послѣ сраженія при *Лигницѣ*, на которомъ оный себя отличилъ. Въ Берлинѣ даже самые чужестранцы не могутъ видѣть безъ сердечнаго умиленія Вильгельмовой площади, на коей представляются взору изваянныя образы: *Шверина*, *Кейта* и *Винтерфельда*.

Иногда хотѣли унизить знаменитость всѣхъ чудесныхъ Короля Прусскаго подвиговъ, увеличивая выгоды, какія Король предводительствующій своимъ войскомъ, имѣетъ предъ простымъ полководцемъ. Все, говорятъ, покоряется его власти, каждой горитъ желаніемъ ознаменить себя предъ его очами, мановеніемъ его уничтожается всякое пре-

пятствїе, примѣръ же его все влечетъ за собою. Безъ сумнѣнїя такъ, если Король имѣетъ великїя дарованїя и свойства. Но представимъ себѣ обыкновеннаго Короля въ его станѣ: присутствїе его приноситъ съ собою замѣшательство; пронырства двора его и туда за нимъ слѣдуютъ; всѣ мнѣнїя обуздываются страхомъ; ни кто ни на что отважиться не дерзаетъ; ни кто не хочетъ постыдить его; помышляютъ токмо о его безопасности и о томъ, что недостойно называется славою. И такъ если расмотримъ со вниманїемъ, то увидимъ, что сїи мнимыя выгоды болѣе зависятъ отъ личныхъ качествъ, нежели отъ Царскаго сана, и что нѣтъ такого положенїя, нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы мечты престола менѣе дѣйствовали на души человѣческїя, какъ на войнѣ. Тамъ люди не легко признаютъ иную власть, кромѣ власти разума и дарованїй. Представимъ же себѣ въ сраженїи, или въ трудномъ положенїи дѣлъ, Государя неразумѣющаго военнаго искуства, и

сравнимъ его съ человѣкомъ искуснымъ, которой войскомъ управляетъ: то увидимъ, къ кому въ сїе опасное время всѣ исполнены истиннаго почтенїя и на кого всѣхъ очи устремлены. Правда, Государь самъ на войнѣ предводительствующїй имѣетъ то преимущество, что можетъ отважнѣе дѣйствовать, и что ни кому не даетъ отвѣту ни въ своихъ погрѣшностяхъ ни въ худыхъ успѣхахъ. Но если онъ посредственныхъ способностей, то можно ли думать, чтобъ онъ воспользовался симъ преимуществомъ, и чтобъ сїя самая неограниченная власть не была ему тягостїю, а въ случаяхъ сумнительнѣйшихъ и обстоятельствахъ опаснѣйшихъ и еще будетъ онъ въ большемъ недоумѣнїи, на что ему рѣшиться. Когда Король Прусской предъ сраженїемъ при *Розбахѣ, Лиссѣ* и *Лигницѣ*, и во время похода въ 1761 году былъ доведенъ до крайности, когда единой токмо несчастный случай могъ его низвергнуть въ бездну, то кто подумаетъ, чтобъ

сїе не долженствовало усугубить его безпокойствїй и мученїй въ разсужденїи не извѣстности его жребїя? Кто подумаетъ, чтобъ ему не болѣе потребно было мужества и рѣшимости тогда, когда онъ сражался самъ за себя, или если бы предводительствовалъ войскомъ другаго?

По изслѣдованїи и разсмотрѣнїи всего, если опредѣлить мѣсто *Фридриху* между полководцами по его достоинствамъ, если сравнить его со всѣми древнихъ и новыхъ временъ Ироями, то единое токмо имя *Кесаря* можетъ быть поставлено на равную съ нимъ чреду. Но какъ слава всегда должна быть соразмѣрна средствамъ, препятствїямъ, противоборствамъ и обстоятельствамъ содѣйствовавшимъ оной, то кажется, что всѣ сїи предмѣты сравненїя даютъ еще перевѣсъ сторонѣ *Фридриха*. Онъ воевалъ гораздо болѣе *Кесаря*, выигралъ большее число сраженїй и при томъ сраженїй правильныхъ; онъ былъ содѣтелемъ своея державы, своего войска, военнаго устроенїя и

даже самой той науки, которая дѣлала его побѣдителемъ; онъ имѣлъ пособія не великія Имперіи, но раждающагося государства и народа, которой едва въ числѣ народовъ почитать можно. Противу его возстали не слабые народы, или полувооруженные варвары, ниже непріятели, коихъ бы онъ превосходилъ, или коимъ бы былъ равносиленъ, но почти цѣлая половина Европы на погубленіе его соединившаяся, и искуснѣйшіе во вселенной воины. И послѣ знаменитой войны, которая одна могла бы уже пріобрѣсти ему великое имя, онъ семь лѣтъ сражался, уже не изъ честолюбія, не для завоеваній, но за свою собственность, за свою корону, подвергая себя погибели; и сія семилѣтняя война, съ которой возвратился увѣнчанный лаврами и невредимъ, есть достопамятнѣйшая изъ всѣхъ, какія когда либо бывали между благоустроенными и просвѣщенными народами, какъ по числу сражавшихся, такъ и по множеству и важности сраженій и по распростертію военнаго искуства!

Досел҄ѣ говорили мы о томъ, что *Фридрихъ* сдѣлалъ предводительствуя своимъ войскомъ, и все сїе составляетъ одну токмо часть преславныхъ дѣлъ его. Въ теченїе одной половины его царствованїя, онъ былъ Богъ войны; а въ другую половину узримъ мы его Богомъ мира. Онъ сражался для соединенїя во единъ составъ разсѣянныхъ своихъ владѣнїй, для основанїя, а по томъ для утвержденїя своея державы. Онъ по собственнымъ завѣщанїя его словамъ, *воспиталъ войско свое для побѣдъ*. Нынѣ великїя сїя намѣренїя совершились. Онъ останавливается, возсѣдаетъ на свои трофеи, и умъ его трудится надъ новымъ начертанїемъ.

Съ самаго начала обращаетъ онъ себѣ въ пользу покой и выгоды мира, для заглажденїя въ землѣ своей бѣдствїй нанесенныхъ войною; онъ заглаждаетъ слѣды опустошенїй; вновь созидаетъ, исправляетъ, населяетъ; его благоволенїе стремится по видимому отъ всѣхъ погрѣшностей очистить свою славу.

Одинъ изъ его министровъ, Графъ фонъ *Герцбергъ* издалъ въ свѣтъ сочиненїе, въ коемъ представляетъ все, что Король со времени заключенїя мира 1763 года сдѣлалъ для благоденствїя своего государства. Въономъ видно, что онъ болѣе сорока милїоновъ употребилъ на поправленїе земель, на благотворенїя или поощренїя своихъ подданныхъ, построилъ вновь шесть сотъ деревень, осушилъ обширныя болота и впустѣ лежащїя степи сдѣлалъ способными къ земледѣлїю; завелъ многїя мануфактуры, знатно умножилъ вывозъ товаровъ и толико споспѣшествовалъ къ размноженїю народа, что число онаго со времени вступленїя его на престолъ, возрасло третьею долею, когда напротивъ того въ Англїи и Францїи едва остается въ прежнемъ своемъ состоянїи, или весьма слабо возрастаетъ. Сїе доказываетъ, что Король не токмо державу свою увеличилъ тѣмъ, что приобрѣлъ войною, но и то чѣмъ онъ обладалъ, привелъ несравненно въ лучшее состоянїе;

великая рѣдкость между Государями, которые покоряя чужія земли, разоряютъ своихъ подданныхъ и увеличиваясь по видимому, преемниковъ своихъ приводятъ въ слабость.

Короля Прусскаго винятъ въ томъ, яко бы онъ въ правленіи своемъ во многихъ случаяхъ поступалъ съ безпредѣльною властію и со вредомъ своихъ подданныхъ, какъ напримѣръ: дѣлалъ не полноцѣнную монету, собралъ безчисленную казну, чрезъ что отнявъ суммы у трудолюбія, не малую сдѣлалъ помѣху денежному обороту; захватилъ въ свои руки пошлины, доходы съ лѣсовъ, почты, фабрики и вообще всѣ прибыточныя заведенія и чрезъ то постороннимъ образомъ умножилъ налоги и угнѣтеніе народное; во владѣніяхъ своихъ ввелъ Французскій образъ собиранія доходовъ и даже самихъ откупщиковъ изъ сего народа. Къ сему присовокупляютъ, что вольность подданныхъ своихъ во многомъ ограничилъ, такъ что богатый человѣкъ не могъ продавать

ни своего именія, ни жить внѣ своего государства, ни дѣтей своихъ сочетавать по своему желанію, и что самодержавная власть въ семъ государствѣ всегда смотрѣла за стяжаніемъ подданныхъ съ жадностію и бдительностію свойственною фискаламъ. —

Но *Фридрихъ* во многомъ по истиннѣ не заслуживаетъ дѣлаемыхъ ему укоризнъ. Многіе изъ нихъ основываются на недоразумѣніи, которое простительно для чужестранцовъ, но на которое всякій благомыслящій и просвѣщенный человѣкъ съ неудовольствіемъ взираетъ. Не возможно, что бы какому Государю собственность своихъ подданныхъ была толико священна, какъ была оная *Фридриху* второму. Многіе случаи извѣстны, что онъ самъ для себя собственно или для общей пользы желая купить какое помѣстье, обѣщалъ заплатить гораздо больше, нежели чего оно стоитъ, и хотя помѣщикъ и по одному своенравію, и даже съ нѣкоторою грубостію отъ того отрекался,

однако и въ такомъ случаѣ не употреблялъ онъ ниже виду насилія. Ограничиванія основывающіяся на правѣ подданства, не могутъ быть причтены въ несправедливость сему Монарху. Онъ желалъ, чтобъ его подданные безъ его дозволенія не вступали въ иностранную службу. Не хотѣлъ также, чтобъ дворянинъ труды земледѣльца растопчалъ въ чужой землѣ. На сіе относятся законы о запрещеніяхъ, кои иной или худо уразумѣлъ, или худо толковалъ; но въ прочемъ каждой могъ имѣніе свое по своему изволенію оставить другому, только бы сей по государственному положенію имѣлъ право владѣть онымъ. Также и законы до неравныхъ супружествъ касающіеся, имѣли предмѣтомъ не прибытокъ фискала, но благосостояніе фамилій. Напротивъ того сей благодушный Монархъ паче еще защищалъ подданныхъ своихъ отъ ихъ собственныхъ фискаловъ, повелѣвъ, что бы они ни въ чемъ не были судимы по ихъ доносамъ, но были бы защищаемы во всѣхъ

тѣхъ правахъ, какія они имѣли при вступленіи его въ правленіе. Если же можетъ быть гдѣ и ограничилъ вольность своихъ подданныхъ, то безъ сумнѣнія сдѣлалъ сіе не для умноженія казны. Онъ даже строго повелѣлъ, чтобъ въ сумнительныхъ случаяхъ дѣло всегда рѣшено было въ пользу подданнаго, отъ него и происходитъ, что фискалы большею частію теряютъ свои тяжбы.

Если онъ завелъ у себя сохранную казну, и если сія казна, какъ говорятъ, превосходила всѣ въ государствѣ его обращающіяся деньги, то можетъ быть онъ въ томъ и погрѣшилъ; но легко доказать можно, что въ его положеніи, въ его политической системѣ, и при недостаткѣ всѣхъ вспомогательныхъ способовъ, какіе великіе Монархи въ богатствѣ и въ довѣріи обрѣтаютъ, нужна была запасная казна, и оную не иначе почитать должно какъ такимъ пособіемъ силы, которое положено въ запасъ самимъ благоразуміемъ. Симъ то однимъ сокровищемъ, которое извѣ-

стно было всей Европѣ, могъ онъ непрïятелей своихъ содержать въ покоѣ, могъ угрожать имъ съ важностïю, могъ обойтися не занимая денегъ отъ Державъ чужестранныхъ, и политикѣ своей придать болѣе твердости и независимости. Помощïю сего сугубаго средства, великаго сокровища и великихъ войскъ, кои взаимно себя подкрѣпляютъ, возмогъ онъ наслаждаться толь долговременнымъ и преславнымъ миромъ, во всѣ остальные дни жизни своея; и въ семъ то случаѣ должно согласиться, что сïя казна не со всемъ мертвой капиталъ составляла, и что онъ довольно знатной отъ онаго получалъ себѣ прибытокъ. Будучи еще наслѣднымъ Принцомъ, когда онъ писалъ возраженïе противу *Махïавеля*, положилъ уже твердое сей глубокой мысли основанïе, говоря, что одно токмо войско и купно деньги Государя могутъ увѣрить о мирѣ, *и что сïи суть тѣ обнаженные мечи, которыхъ другïе страшась, остаются въ ножнахъ.*

Теперь если бы кто могъ подумать, что сей Государь вознесъ свое величїе, содержалъ свое войско и собралъ свои сокровища угнѣтая и разоряя народъ свой, то противу такого ложнаго мнѣнїя должно токмо представить состоянїе его государства. Подданные его не были притѣсняемы; оброки, а особливо на земли были малы, хорошо расположены и благоразумно собираемы; онъ не умножилъ ихъ въ долговременное свое царствованїе. Пошлины съ товаровъ составляли почти все приращенїе его доходовъ. Войско его не только не служитъ тягостїю государству, но еще нѣкоторымъ образомъ возвращаетъ ему часть собираемыхъ съ него налоговъ; и поелику онъ содержитъ большїе гарнизоны только въ Берлинѣ, въ Потсдамѣ, Бреславлѣ и Магдебургѣ, не имѣя такъ, какъ въ другихъ государствахъ, множества крѣпостей на границахъ, гдѣ войско стѣснено во время мира, то оно распростирается и раздѣляется по всему государству такъ, что всѣ участвуютъ

въ выгодахъ отъ онаго происходящихъ. На конецъ если судить о правленіи по слѣдствіямъ, если не столько принимать въ разсужденіе то, чего стоятъ налоги народу, сколько то, что оные ему доставляютъ, то на какую область Короля Прусскаго ни обратишь взоръ свой, вездѣ увидишъ прекрасныя села, жителей имѣющихъ довольное пропитаніе и хорошую одежду, земледѣліе въ желаемомъ состояніи; самые пески Бранденбургскіе представляютъ картину обилія. Тамъ зрятся степи всюду населенныя, и изъ неплодныхъ содѣланныя плодоносными; зрѣлище отъ веселія сопровождающее къ жалости, когда мысль пренесется на другія государства, коихъ климатъ, воздухъ и самая земля опредѣлены къ плодоносію, но кои правленіемъ приведены въ запустѣніе и обитаемы несчастными противу намѣренія природы.

Думали, что *Фридрихъ* утружденный войною и удоволившійся славою и при томъ приближаясь къ лѣтамъ успо-

коенія мало по малу будетъ оставлять въ небреженіи воинскія подробности во время мира. Да и дѣйствительно почти во всякомъ человѣкѣ, когда пламень страстей угасаетъ, когда нужда и пружины дѣятельности ослабѣвать начинаютъ, раждается чувствительная а иногда и чрезвычайная во всемъ перемѣна, въ разсужденіи свойства, вкуса и упражненій. Такимъ то образомъ *Діоклетіанъ* и *Карлъ Пятый* оставили царствованіе, и разсудили окончить дни свои, одинъ въ монашеской кельѣ, а другой въ своихъ садахъ. Но *Фридриха* не столько прилѣплялъ къ оружію пламень страстей и честолюбія, сколько самая нужда и проницательная его мудрость. И такъ лѣта не произвели въ немъ перемѣны, ни въ поведеніи его, ни въ образѣ жизни. Онъ не престаетъ укрѣплять и усовершать свою армію, яко главное основаніе своея политики. Чувствуетъ онъ, что коль скоро хотя мало ревность его ослабѣетъ, коль скоро въ рѣчахъ его или въ дѣлахъ примѣтится хотя малѣйшее

отвращенїе отъ военныхъ упражненїй, то вся сїя махина тотчасъ разстроится: ибо въ войскахъ, равно какъ и въ цѣлыхъ народахъ, всѣхъ глаза устремлены бываютъ на полководца, и что коль скоро познаютъ его слабость или равнодушїе, всѣ отрекутся отъ службы и повиновенїя.

И такъ *Фридрихъ* обремененный лѣтами и увѣнчанный побѣдами присутствовалъ до конца дней своихъ при осмотрѣ войскъ, гарнизона, лагерей, такъ какъ былъ въ первомъ цвѣтѣ своея юности, и какъ отъ сихъ неусыпныхъ своихъ попеченїй ожидалъ счастїя своему дому и славы своему оружїю. Кто же дерзнетъ въ его армїи пренебрегать сїи подробности, когда *Фридрихъ* почитаетъ ихъ себя достойными? Кто осмѣлится приносить жалобы на то бремя, подъ кое самъ *Фридрихъ* ежедневно преклоняетъ свою славу? По его примѣру войско его наполнено офицерами состарѣвшимися въ службѣ. Ихъ лѣта, степени, раны, ни что не можетъ от-

влещи отъ своея должности; ихъ ревность придаетъ имъ еще весь жаръ юности свойственный, и во время мирныхъ упражненій они не вмѣняютъ себѣ за стыдъ повторять содѣланное ими въ сраженіяхъ.

Сія толико славная война, столь важныя пользы пріобрѣтенныя знаніемъ и военнымъ устройствомъ, могутъ насъ увѣрить, что войско его достигло до высочайшаго степени искуства. Но семилѣтніе опыты, семилѣтніе успѣхи и неудачи, соединенныя съ погрѣшностями, еще въ большее совершенство привели умозрѣніе; всѣ роды войскъ пріобрѣли въ сіе время новыя понятія; многіе полководцы сдѣлались совершенными, которые во время мира стремились достигнуть всей той чести, какую токмо оной можетъ доставить, усовершеніемъ и показаніемъ *Фридриху* войскъ себѣ ввѣренныхъ. Генералъ *Зейдлицъ* приводитъ въ совершенство конницу, коея часть бывшая подъ его смотрѣніемъ становится образцемъ всей

конницы находящейся въ Прусской армiи. Онъ внушаетъ въ нее ту смѣлость, то проворство въ движенiи, тотъ жаръ при нападенiи, коихъ въ ней недоставало, и кои совершенно соотвѣтствовали великимъ намѣренiямъ *Фридриха* въ разсужденiи сего рода войскъ. Во всѣхъ другихъ государствахъ конница въ пыли истощеваетъ силы свои, прибѣгая отъ одного правила къ другому; или лучше отъ одной погрѣшности къ другой; она умножая свои обороты, думаетъ, что чрезъ то умножаетъ свою дѣятельность; она обучается малыми ескадронами, малыми строями, малыми корпусами, отъ чего не прiобрѣтаетъ никакого навыку ни къ великимъ фрунтамъ, ни къ великому разстоянiю, ниже къ тѣмъ движенiямъ, помощiю коихъ одна ширенга или цѣлое крыло непрiятеля опровергаетъ, окружаетъ или охватываетъ: словомъ, коими рѣшитъ сраженiя, или претерпѣнный уронъ возстановляетъ. Въ одной токмо Пруссiи конные солдаты и ихъ офицеры имѣютъ

то искуство и ту смѣлость управлять лошадями, кои по видимому соединяя ихъ съ оными, приводятъ на память понятїе о баснословныхъ Кентаврахъ; въ одной токмо Пруссїи съ особливымъ благоразумїемъ число оборотовъ ограничено тѣмъ, что подлинно можно дѣлать, и что производится предъ непрїятелемъ. Такимъ образомъ становиться колонною, пробѣгать великїя пространства съ различною скоростїю, строиться въ боевой порядокъ, и наконецъ нападать стремительно или поражать непрїятеля: вотъ въ чемъ состоятъ всѣ дѣйствїя сея конницы. Тамъ токмо представляются взору отъ шестидесяти до осьмидесяти ескадроновъ въ одномъ мѣстѣ, (каждой изъ оныхъ содержитъ въ себѣ сто тридцать или сто сорокъ лошадей въ рядъ, кромѣ запасныхъ позади стоящихъ), и представляютъ то, что крыло конницы хорошо управляемой можетъ произвести въ сраженїи. Тамъ токмо можно видѣть, какимъ образомъ отъ осьми до десяти тысячь лошадей, произ-

водятъ общее нападенїе съ возможнымъ стремленїемъ чрезъ весьма великое пространство, по томъ вдругъ останавливаются въ наилучшемъ порядкѣ, и не рѣдко оное возобновляютъ противу новаго непрїятельскаго строя, когда оный имъ представится. Во всѣхъ лагеряхъ, при ученїи войскъ, *Фридрихъ* всякой разъ видя свою конницу, на сїи важныя нападенїя обращаетъ величайшее свое вниманїе, и наиболѣе оныя уважаетъ. Онъ становится предъ ними на флангѣ, повелѣвая нѣсколькимъ коннымъ представлять непрїятельское крыло. По данному знаку сраженїе начинается; все приходитъ въ движенїе, скорость увеличивается по степенно, земля распространяетъ далеко стонъ свой, вдругъ ничего болѣе невидно кромѣ облака пыли, по среди коего слышенъ нѣкїй ревъ, подобный быстро стремящемуся съ горъ источнику; тогда воины достигаютъ непрїятеля, обнажаютъ свои мечи, привстаютъ на свои стремена и показуютъ острїе оружїя съ великимъ крикомъ. На-

мѣренiе исполнено: вдругъ всѣ останавливаются, и тогда ничего болѣе неслышно, кромѣ голосу начальниковъ, приводящихъ въ порядокъ свои ескадроны, и сквозь изчезающую пыль видимъ бываетъ весь строй и при томъ въ совершенно прямой линiи. Коль прекрасное зрѣлище видѣть подобныя движенiя конницы! Не можно на оныя смотрѣть безъ ужаса смѣшеннаго съ удивленiемъ. Здѣсь приходитъ на мысль то прекрасное изреченiе св. писанiя, гдѣ стремленiе конницы уподобляется облакамъ несомымъ на крылехъ вѣтренныхъ. Сколь великое имѣетъ она различiе съ безполезною пышностiю древнихъ нашихъ ристалищъ! Коль достойны взоровъ Государя слѣдствiя порядка, военнаго устройства и обученiя; и видя сiе, сколь легко понять можно, что *Фридрихъ* предпочиталъ оныя Царскому великолѣпiю, и утѣшался ими до конца своей жизни!

Прусская пѣхота, которой меньше уже оставалось сдѣлать поступовъ къ совершенству, приходитъ также съ году

на годъ въ большее совершенство. Новые цилиндрическіе шомполы, кои солдатъ не имѣетъ нужды дважды переварачивать заряжая свое ружье, умножаютъ также скорость его выстрѣла. *Салдернъ* и *Меллендорфъ* два искуснѣйшіе ея надзиратели, ввели множество такихъ правилъ, кои сокращаютъ обученіе, и споспѣшествуютъ много успѣхамъ. Они между прочимъ присовокупляютъ умозрѣніе, какъ строиться войску и маршировать; умозрѣніе, которое отъ пѣхоты тотчасъ переносится и на конницу, и посредствомъ коея маршированія прямымъ фрунтомъ, направленіе колоннъ, построеніе ширенгъ между данными точками, доведены даже до маѳематической точности; умозрѣніе, кое чужестранныя войска стараются нынѣ себѣ присвоить, но кое низкіе умы употребляютъ съ крайними мѣлкостями и съ излишнимъ раболѣпствомъ, и котораго ни гдѣ еще не умѣютъ употребить къ стати и съ разумомъ, кромѣ того государства, въ коемъ оно бытіе свое получило.

И по среди всѣхъ сихъ усовершенїй цѣлость состава не подвергается ни малѣйшей перемѣнѣ. Онѣ составляютъ внутреннее онаго приращенїе, которое не токмо ничего не уничтожаетъ въ цѣлости сея машины, но еще силы ея усугубляетъ. Между тѣмъ, какъ всѣ другїя Европейскїя войска претерпѣваютъ различныя перемѣны, безпокоятся и истощеваютъ силы свои сумнительными испытыванїями, сїе одно войско пребываетъ непремѣнно и спокойно: всѣ ему подражаютъ; оно одно ничего ни отъ кого не заимствуетъ, ни въ чемъ другимъ не слѣдуетъ, остается тѣмъ, чѣмъ оно есть, и будучи увѣрено о превосходствѣ своемъ въ разсужденїи важныхъ предмѣтовъ, справедливо гордится храненїемъ всего своего, даже самыхъ недостатковъ.

Здѣсь не можемъ мы прейти молчанїемъ войны за наслѣдство Баварїи, которая *Фридриху* представила случай, явить свѣту свои свойства со стороны гораздо еще блистательнѣйшей и благо-

роднѣйшей. Наслѣдство *Баварїи* смертїю Курфиста сдѣлалось празднымъ, по естественному же праву и договорамъ, принадлежало оно Пфальцской линїи; но Вѣнской дворъ хочетъ себѣ часть онаго присвоить. Да и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ онъ на то нѣкїе виды правъ, а особливо право пользы, которое война утверждаетъ, по тому что война есть право насильства, но которое политика всегда правосудїе за основанїе себѣ прїемлющая, весьма часто несправедливо употребляетъ. *Германїя* трепещетъ; *Францїя* пребываетъ въ молчанїи; одинъ *Фридрихъ* противится требованїямъ Вѣнскаго Двора. Онъ дѣлаетъ представленїя, все объясняетъ, говоритъ сперва съ умѣренностїю, а напослѣдокъ съ силою. Вѣнской Дворъ настоитъ въ своихъ требованїяхъ, отнюдь ничего не уступая. Король Прусскїй видя себя принужденнымъ приняться за оружїе, послѣ осмотра войскъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ 1778 году созываетъ предъ себя Генераловъ своихъ и говоритъ имъ слѣду-

ющую рѣчь: „Я всѣхъ васъ собралъ сю-
„да для нѣкоего всеобщаго дѣла. Боль-
„шая часть изъ васъ служили вмѣстѣ
„со мною и въ службѣ отечеству сво-
„ему покрылись сѣдинами, по сему всѣ
„мы знаемъ совершенно, коликимъ опа-
„спостямъ и трудамъ мы подвергались,
„и коликую себѣ пріобрѣли славу. Знаю
„я несомнѣнно, что вы всѣ, такъ какъ
„и я, ужасаетесь кровопролитія; но
„опасность грозящая владѣніямъ нашимъ
„не токмо намъ должностію сіе поста-
„вляетъ, но и приводитъ насъ къ не-
„избѣжной необходимости принять ско-
„рѣйшія и дѣйствительнѣйшія мѣры
„для разсѣянія заблаговременно тучи
„готовящейся на насъ низринуться. Я
„во всемъ совершенно полагаюсь на ва-
„шу давно мнѣ извѣстную и прехваль-
„ную ко службѣ ревность, и во все те-
„ченіе жизни моея съ искреннимъ удо-
„вольствіемъ чувствую къ вамъ призна-
„тельность. Паче всего желаю я и по-
„ставляю вамъ священною должностію,
„чтобъ вы во всякомъ случаѣ къ непрі-

„ятелю были человѣколюбивы и строжайшее имѣли бы смотрѣнїе за добрымъ порядкомъ ввѣренныхъ вамъ войскъ. Хотя я и не желаю ѣхать съ Царскою пышностїю; всѣмъ вамъ извѣстно, что я не имѣю склонности къ богатымъ екипажамъ; но умножающаяся моя старость и оскудѣнїе силъ моихъ дѣлаютъ меня неспособнымъ къ верховой ѣздѣ, которую я любилъ въ молодые мои лѣта. Сей ради причины долженъ я буду ѣхать въ коляскѣ. Но при сраженїяхъ вы всегда будете меня видѣть разъѣзжающаго верхомъ.„ *Фридрихъ* со 120000 человѣкъ вступаетъ въ *Богемїю. Саксонїя*, которую двѣ несчастныя войны научили познавать истинныя свои выгоды, свое войско къ нему присоединяетъ. Императоръ *Iосифъ II* самъ защищаетъ Богемїю, по крайнѣй мѣрѣ съ толикимъ же числомъ войскъ. Самъ онъ предводительствуетъ однимъ корпусомъ, съ которымъ 10 лѣтъ навыкалъ въ военныхъ дѣйствїяхъ, и которой великое искуство Прусаковъ пре-

восходилъ другими выгодами; за нимъ слѣдовали *Лаудонъ* и *Ласци*. Самъ прозорливъ, дѣятеленъ, неутомимъ, преисполненъ жару къ славѣ, преисполненъ также почтенія къ остроумію *Фридрихову*; но сїе чувствованїе, ни мужества, ни надежды въ успѣхахъ его не лишало. Европа въ молчанїи и недоумѣнїи ожидаетъ, что потекутъ кровавые рѣки. Но *Фридрихъ* ничего болѣе не желаетъ, кромѣ того, чтобъ подкрѣпить съ большею силою свои переговоры, которые уже посредствомъ *Францїи* началися въ Вѣнѣ. Онъ былъ увѣренъ о склонности *Марїи Терезїи* къ миру; и при слабости, въ которую приведенъ онъ долготою лѣтъ своихъ, а болѣе еще тягостїю понесенныхъ трудовъ, не имѣлъ уже склонности пускаться въ неизвѣстную и страшную войну. Сея ради причины избѣгаетъ онъ всего, чрезъ что пламень ея раздуваться или продлиться можетъ. Онъ самъ не нападаетъ и неподвергается опасностямъ претерпѣть нападенїе; а доволь-

ствуется тѣмъ только, чтобъ бѣдственное бремя всѣхъ сихъ великихъ вооруженій свалить на непріятельскую землю. Миръ заключенъ: *Австрія* на всѣ свои требованія не болѣе получаетъ, какъ токмо нѣкоторые округи по ту сторону *Емса*, а прочее изъ наслѣдства отошло, куда принадлежало по законамъ. *Фридрихъ* же при семъ ни чего себѣ не пріобрѣлъ, кромѣ безкорыстныя славы, которая одна достойна желаній любомудрствующаго Государя приближавшагося къ концу всѣхъ суетъ и мечтаній. При томъ же имѣлъ онъ счастіе при различныхъ случаяхъ во время сей раждающейся войны увѣриться, что наслѣдный Принцъ *Прусскій*, его племянникъ не однократно уже себя ознаменовавшій, способенъ шествовать по слѣдамъ его.

Спустя нѣсколько времени *Баварїи* паки предопредѣлено было доставить сему великому Государю новое право на благодарность Европы. Обладаніе сею прекрасною областію *Нѣмецкія* земли все еще наполняло сердце Императора.

Оное не только могло бы ему доставить во власть весь Дунай; но соединило бы наслѣдственныя его земли со *Швабїею* и *Австрїею*. Тогда то былъ бы онъ обладателемъ всея южныя части Германїи, и въ сей пространной полосѣ земли осталися бы независящими отъ него немногїе токмо разсѣянныя области вольныхъ Имперскихъ городовъ, и нѣкоторые слабые и безоружные Князья. Тогда то имѣлъ бы онъ за собою проходы въ *Италїю*; стоялъ бы почти одною ногою на *Черномъ морѣ*, а другою на *Рейнѣ*; касался бы предѣлами своими, съ *Францїею*, съ другою половиною *Германїи*, съ *Польшею* а чрезъ нее съ *Россїею* и *Оттоманскою Портою*. Тогда держава его былабъ хотя въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ, но власть его имѣла бы большее влїянїе и большую дѣятельность, нежели власть *Карла V*. Чего онъ не могъ произвести силою оружїя, то старался получить размѣномъ съ Курфирстомъ Пфальцкимъ. Онъ желалъ дать ему въ замѣну *Нидерланды*, области

богатыя и многолюдныя, стоющія по крайнѣй мѣрѣ столько же, сколько и Баварія, и по причинѣ близкаго съ нею сосѣдства весьма для Пфальціи способны. Къ сему могъ онъ еще присовокупить Королевскій титулъ, толико лестный для Курфирстскаго дома; ибо оной на сей высочайшій степень суеты человѣческія не можетъ взирать безъ зависти. Какъ бы то ни было, при семъ размѣнѣ не было ни нападенія, ни притѣсненія, ниже хитрости: оный и дѣйствительно по нѣкоторымъ отношеніямъ былъ полезенъ для *Пфальцскаго* дома, и могъ его со временемъ содѣлать большею державою. Сія корона и въ меньшемъ пространствѣ заключающіяся слѣдовательно и сильнѣйшія владѣнія, могли бы быть весьма благопріятны для такого Государя сего дома, который бы отличился великими дарованіями и великимъ разумомъ. *Фридрихъ* явилъ примѣръ Европѣ, какую пользу великій человѣкъ можетъ получить отъ такового положенія. Но сіи счастливые слу-

чаи были отдалены и неизвѣстны; напротивъ того выгоды Императора очевидны и совершенно надежны. Сколь много выигралъ бы онъ чрезъ обладанiе Баварiи, теперь мы видѣли; но уступая Нидерланды онъ отдавалъ не иныя, какъ отдаленныя отъ него, и крѣпостями неприкрытыя области, коихъ онъ защищать не можетъ; которые при первомъ разрушенiи добраго съ Францiею согласiя могутъ быть подвержены отъ нея нападенiю, и захвачены быть вмѣсто заклада или въ замѣну вреда. И такъ сей вымѣнъ былъ бы для него сугубымъ подкрѣпленiемъ? ибо и то, чего онъ желалъ, и то, что уступалъ, равную пользу ему приносило. Чемъ больше Императоръ показывалъ познанiя своихъ выгодъ, дѣятельности, отвращенiя отъ пышности, склонности къ хозяйству, прилѣпленiя къ своимъ войскамъ, тѣмъ паче сiя перемѣна долженствовала устрашать Германiю и приводить въ беспокойствiе Европу. Все сiе не могло укрыться отъ *Фридрихова*

проницанія, и для того туже самую минуту сей лѣтами удрученный левъ пробуждается и изходитъ изъ своего жилища. *Фридрихъ* Владѣльцамъ Имперскимъ наводитъ страхъ, котораго самъ не чувствуетъ; онъ довольно увѣренъ, что до конца жизни своея ни кто не дерзнетъ нарушить его покоя, и онъ умретъ въ мирѣ, но онъ печется для родовъ грядущихъ и мыслитъ о потомствѣ, которое не будетъ уже его имѣть себѣ подпорою. Онъ объявляетъ свое несогласіе, представляетъ основанія онаго въ явныхъ манифестахъ, ссылается на права и законы Имперскаго устава, и учреждаетъ союзъ Германскій къ соблюденію оныхъ. *Герцогъ Цвейбрикскій* наслѣдникъ Курфирста первой къ оному приступаетъ; всѣ Протестантскіе и многіе Католическіе Князья съ нимъ соединяются; сей замыслъ остается безъ исполненія, со стороны Курфирста съ признаніемъ своея слабости, а со стороны Императора съ умѣренностію мудрой и прозорливой силы, чув-

ствующей, что мѣры ея предупреждены и что должно ожидать благопріятнѣйшаго времени.

Сіе было послѣднее всеобщее дѣло, въ коемъ *Фридрихъ* участвовалъ, какъ будто бы счастіе еще при концѣ его жизни хотѣло тѣмъ представить ему случай къ показанію свѣту въ большемъ сіяніи градоправительныя своея мудрости, и что слава быть покровителемъ Имперіи, безъ сомнѣнія большая, нежели быть владыкою оныя, была предоставлена его дому; при чемъ далъ онъ своему преемнику такіе правила, отъ коихъ сей не можетъ отступить не удалясь отъ своего благосостоянія.

Прежде, нежели станемъ говорить о *Фридриховой* смерти, должны еще возвести очи наши на прекрасную картину частныя его жизни. Какъ свободные часы юности его, кои онъ могъ отнять отъ своихъ упражненій, такъ и дни старости протекли въ уединеніи: они посвящены были любомудрію и наукамъ, сему великому и неизчерпаемому

благу человѣческія жизни. Къ сему присовокупилъ онъ вкусъ къ садамъ и къ природѣ. Онъ чрезвычайно любилъ плоды, ѣлъ ихъ во всѣ времена года и на сей конецъ содержалъ пространныя и великолѣпныя оранжереи. Сія чувственность прилѣпляющаяся къ плодамъ и цвѣтамъ и среди суроваго холода творящая себѣ весну и лѣто, есть, можетъ быть одна въ своемъ родѣ, которая наиболѣе согласуется съ простотою философіи; по крайней мѣрѣ она ничего кромѣ невинности въ себѣ не заключаетъ и ища наслаждаться сладчайшими и пріятнѣйшими ея дарами, прежде нежели время оныхъ приспѣло, или и тогда, когда уже протекло оное, сугубитъ тѣмъ жертву природѣ. О съ коликимъ подобострастіемъ каждой путешественникъ чувствующій цѣну славы и разума, приближался къ жилищу *Фридрихову*. Изъ Потсдама, гдѣ все дышало войною, простиралася всегда почти уединенная аллея къ *Санъ-Суси*. Тамъ не такъ, какъ на пути ко двору, никогда не слышенъ

шумъ и смятенїе; не видно безпрерывнаго волненїя празднолюбиваго величества и гордости спѣшащей къ понесенїю оковъ и ко впаденїю во уготованные ей пронырствомъ сѣти. Тамъ не поражаютъ взора страсти обыкновенно ко Дворамъ тѣснящїяся, надежда, жадность, честолюбїе, кои чаще подвергаются несчастїю, нежели получаютъ себѣ удовлетворенїе. Пришедъ туда, подумаешъ, что пришелъ въ жилище частнаго человѣка. У самыхъ чертоговъ три или четыре невооруженные воина всю стражу составлявшїе, не много мысль сїю перемѣняли. Едва токмо нѣсколько служителей по разнымъ мѣстамъ глазамъ представлялись. Все казалось необитаемо, и все тѣмъ казалось величественнѣе, подобно какъ во храмахъ, гдѣ уединенїе паче, нежели стеченїе народа, возвѣщаетъ присутствїе Божїе и вселяетъ въ душу благоговѣнїе. Во всемъ пространствѣ сихъ чертоговъ, царствующая по всюду пустота, великолѣпїе представленное по

видимому болѣе для любопытства, нежели для употребленія, малой покой, въ коемъ *Фридрихъ* имѣлъ свое убѣжище, все заставляло думать, что все сіе принадлежитъ Государю, которой отрекшись отъ своея короны, удержалъ токмо для себя свои палаты. Тамъ каждый могъ прохаживаться въ садахъ, и наслаждаться всѣмъ тѣмъ, въ чемъ *Фридрихъ* обрѣталъ свое успокоеніе. Путешественникъ садился съ глубокимъ почтеніемъ подъ тѣми же сѣнолиственными древами. Съ удовольствіемъ видѣлъ храмъ сооруженный дружеству. Сей памятникъ показывалъ, что чувствованіе дружбы царствовало въ душѣ его, или по крайнѣй мѣрѣ, что оная къ тому стремилась. Прекрасная мраморная колонада, внутри коея разставлено драгоцѣнное собраніе древностей Кардинала *Полиньяка*, свидѣтельствовала о вкусѣ его къ художествамъ, кои, какъ извѣстно, толико жизнь его услаждали. Но если его видѣть случалось: — да и былъ ли когда Государь, къ коему

всѣ имѣли толь свободный доступъ? Былъ ли когда Государь, которой бы подобно ему каждаго достойнаго въ своемъ родѣ человѣка, какой бы онъ ни былъ земли, чина и состоянія, принималъ съ толикимъ снисхожденіемъ и съ толикимъ любопытствомъ? --- Когда его, говорю, видѣть случалось, то благородный и купно кроткій его видъ, взоръ его исполненный жара и пріятности, пречудныя и весьма подвижныя черты лица, каждую минуту, по обстоятельствамъ, людямъ, разговорамъ и мыслямъ перемѣнявшіеся; величество, которое ни въ красотѣ вида, ни въ важномъ положеніи всего тѣла, ни въ привычкѣ представлять великое лицо, ниже въ наружномъ великолѣпіи, но которое при всей наружной простотѣ, не взирая на небрежность одѣянія простиравшуюся иногда до излишества, все произтекало изъ души его, изъ его свойства, и безъ сумнѣнія такъ же изъ того очарованія славы, которое подобно сіянію, всю его особу озаряло и отражалось на всѣ окрестные

предмѣты: все сїе оставляло вѣчно незагладимое впечатлѣнїе въ душѣ видѣвшаго его человѣка.

Разговоръ его часто состоялъ въ вопросахъ; таковъ по необходимости бываетъ разговоръ у всѣхъ Государей, ибо благоговѣнїе, каковымъ каждой къ нимъ исполненъ, всегда возлагаетъ на нихъ трудъ начинать разговоръ, или осуждаетъ ихъ пребывать въ скучномъ молчанїи. Но его вопросы никогда не были пусты; и когда онъ распространялся о какомъ предмѣтѣ, то разговору своему придавалъ ту живость и ту вольность, кои споспѣшествуютъ къ изслѣдованїю дѣла, и подаютъ способы познать понятїя вопрошаемаго. Никогда не хотѣлъ онъ дерзновенныхъ въ разговорѣ обуздывать властїю престола; напротивъ того иногда употреблялъ къ тому съ нѣкоторою строгостїю превосходную остроту своего разума, родъ притѣсненїя едва ли великодушнѣе перваго. Можетъ быть онъ съ лишкомъ великое находилъ удовольствїе посрам-

лять самолюбивыхЪ и низлагать гордость посредственныхЪ умовЪ. ВЪ *Волтеровомъ* училищѢ прїобрѢлЪ онЪ вкусЪ и искуство вЪ острыхЪ и иногда язвительныхЪ шуткахЪ, но *Волтеръ* такЪ же научилЪ его той прїятности и тонкости, которую онЪ самЪ почерпнулЪ вЪ блистательныхЪ остаткахЪ сообществЪ вѢка *Людвига XIV*. На конецЪ, если бы ие было ему предуготовано судьбою быть величайшимЪ изЪ Государей, то безЪ сомнѢнїя былЪ бы онЪ по всюду отличнѢйшимЪ и любезнѢйшимЪ изЪ человѢковЪ.

МожетЪ быть, что онЪ какЪ человѢкЪ на такомЪ уже степени, которой возбраняетЪ на множество малостей обращать свое вниманїе, сЪ лишкомЪ имѢлЪ великую склонность выискивать всѢ дурачества и заблужденїя разсѢянныя по лицу земному, для того, чтобЪ имѢть удовольствїе посмѢять ихЪ. МожетЪ быть онЪ нѢсколько не былЪ воздерженЪ вЪ колкихЪ своихЪ епиграммахЪ на другїе Дворы, и ихЪ пронырства

или ихъ внутреннюю малость. Величество его гораздо болѣе прїобрѣло бы себѣ блистательности, если бы онъ съ лишкомъ невыставлялъ на позорище свѣта противоположности, которая его самаго и всю его жизнь довольно уже отличала. Но по крайнѣй мѣрѣ онъ былъ столько справедливъ, что и самъ не оскорблялся, если что когда говорили, или печатали что нибудь для него оскорбительное. Въ Берлинѣ вольность въ разговорахъ была чрезвычайная; а вольность въ печатанїи простиралась даже до необузданности. Ни на какого Государя не было столько оскорбительныхъ сочиненїй; но онъ ни кого ни за одно не наказывалъ. *Волтеръ* писалъ противу его ужаснѣйшїя клеветы, если дѣла имъ описанныя ложны, или самыя подлыя злословїя, если онъ измѣнилъ по довѣренности открытымъ ему тайнамъ. Король, то зналъ, и всегда ихъ презиралъ и прощалъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, видѣли мы по смерти уже сочинителя, что постыднѣйшее оныхъ со-

бранїе по всѣмъ обществамъ въ Парижѣ было разнашиваемо и наконецъ предано тисненїю. Король Прусскїй зачинщика сея дерзости могъ бы заставить наказать, но и сїе почелъ онъ малостью; ибо онъ былъ кротокъ по свойству и терпѣливъ по правилу; зналъ такъ же и то, что мщенїе ругательнымъ письмамъ придаетъ больше цѣны и общей довѣренности, и бываетъ поводомъ къ сочиненїю новыхъ, по тому, что злодѣи всегда усугубляютъ свои удары, коль скоро примѣтятъ, что жертву свою поразили въ чувствительное мѣсто.

Если достойно удивленїя, что сей Государь не имѣлъ двора, не имѣлъ стражи, не имѣлъ личныя пышности, провождалъ жизнь свою, какъ любитель мудрости и отъ престола ничего себѣ не удержалъ, кромѣ единыхъ должностей и власти, то колико усугубилося удивленїе, когда его видѣли, съ какою простою, съ какою легкостїю, и съ какимъ малымъ числомъ пружинъ управлялъ онъ своимъ государствомъ. Въ сильныхъ

Монархїяхъ обыкновенно образъ правленїя подобенъ машинѣ составленной изъ безчисленныхъ частей; издали она поражаатъ человѣка превеликимъ множествомъ колесъ, рычаговъ и орудїй всякаго рода; все тамъ движется, все напрягаетъ свои силы, все кажется въ дѣйствїи; но коль скоро къ ней приближишся, то ничего не увидишъ, кромѣ тщетныхъ, или противоборствующихъ себѣ усилїй; кромѣ тренїя, сопротивленїя, наконецъ кромѣ слѣдовъ надостатка и несовершенства. Ежели вопросить о самихъ дѣйствїяхъ, то сколь они малы и ограниченны! они подобны тѣмъ малымъ протокамъ воды въ *Марли*, которые съ превеликими издержками подняты на высоту горы. На противъ того у *Фридриха*, при немъ во кругъ его, едва слышно, едва видно, какїя посредства; все идетъ, все приближается къ своему концу, безъ препятствїя, безъ замѣшательства, безъ утраты времени, движенїемъ толь единообразнымъ, толь спокойнымъ, толь

нечувствительнымъ, что труды *Фридриха* болѣе представляютъ порядокъ и назиранїе, нежели старанїе и напряженїе силъ; подобно какъ Милтонъ изображаетъ намъ небесныя силы, кои въ глубокомъ молчанїи управляютъ теченїемъ небесныхъ круговъ.

Да не помыслитъ кто; что сїя столь простая и столь удобная машина приводится въ движенїе своенравїемъ Государя, какъ то бываетъ въ другихъ Монархїяхъ? Да не помыслитъ кто, что дѣла тамъ отправляются медлѣннѣе, и что подданные не столь часто имѣютъ прибѣжище къ самому Государю. Текущїя дѣла, и приходящїя ежедневно изъ другихъ областей, немедлѣнно ему предлагаются. Онъ не пропускаетъ ни одного письма, ни одного прошенїя, что бы на оныя въ тотъ же день, или по крайнѣй мѣрѣ на другой не отвѣтствовать; а дабы живо себѣ представить возможность толь противуположнаго обыкновеннымъ понятїямъ нашимъ порядка въ отправленїи дѣлъ, должно токмо по-

мыслить, что гдѣ время употребляется во благо, тамъ оно и почитаемо, и что когда Государь самъ управляетъ, и слѣдовательно установляетъ правила и выдаетъ въ народъ свои положенія, то безполезныя и неправедныя прошенія страшася его прозорливости и его свойства, весьма рѣдко дерзаютъ приближаться ко престолу.

Въ заключеніе того, что остается намъ сказать о *Фридрихѣ*, представимъ мы здѣсь достопамятное о немъ примѣчаніе. Сей преудивительный мужъ, гораздо болѣе кажется самъ себѣ одолженъ, нежели природѣ. Онъ родился со слабымъ здоровьемъ, но укрѣпилъ оное своими трудами. Онъ любилъ увеселеніе и избраннѣйшія въ жизни забавы. Но коль скоро вступилъ на престолъ, то порядокъ и трудолюбіе поставилъ первымъ жизни своея закономъ. Въ юности своей воинскія упражненія для него несносны были, но по принятому правилу вдругъ сдѣлался онъ первымъ воиномъ, и первымъ полководцемъ. Говорятъ,

что онъ на первомъ сраженіи, въ коемъ самъ предводительствовалъ, то есть подъ *Мольвицемъ*, послѣ пораженія его конницы, онъ не дождавъ конца уклонился отъ битвы, которую пѣхота его поправивъ выиграла. Пріемля сіе дѣло за истинное, по злословію ли, или по клеветѣ о немъ разсѣянное, должны мы тѣмъ паче удивляться мужеству, которое онъ явилъ послѣ, и тому сильному стремленію, каковымъ онъ вознесся на чреду Ироевъ. Да и подлинно, колико приносятъ чести человѣчеству видимыя въ немъ явленія: сіе прекрасное соревнованіе остроумія и природы; сіи способности въ бытіе приведенныя силою разсужденія; сіе свойство можетъ быть втайнѣ размышленіемъ преображенное, или возвеличенное; сіе зачатіе системы начертавшей ему мудрое поведеніе и устройство на всю его жизнь! И мужъ тако себя образовавшій, или самъ себя усовершившій, неизмѣненъ и во гробъ снисходитъ. Таковымъ *Фридрихъ* явился! онъ не прежде престалъ

царствовать, и быть способнымъ къ царствованїю, какъ когда уже смерть пресѣкла жизнь его.

Король Прусскїй былъ подверженъ припадкамъ подагры, отъ которой многократно жизнь его была въ опасности. Однако же не сїя болѣзнь прекратила дни его. За годъ предъ тѣмъ здравїе его видимо ослабѣвало, и начала показываться въ груди водяная болѣзнь. Онъ мужественно боролся съ симъ мученїемъ, иногда преодолѣвалъ его; безпрестанно продолжалъ дѣла до правленїя касающїяся, и по временно показывался въ публикѣ. Наконецъ не могъ уже онъ присутствовать при смотрѣ своихъ войскъ весною, и тогда лишъ только начали думать, что онъ одержимъ смертельною болѣзнїю. Болѣзнь его не чувствительно усугублялась; но умъ и душа его бодрствовали. Не могши самъ присутствовать при ученїи войска начерталъ онъ собственною рукою наставленїе своимъ Генераламъ и предписалъ упражненїя войскамъ, и еще мысль его

заступала мѣсто самаго дѣла, и изнеможенныя его руки держали бразды царствованія не опуская оныхъ. Безъ сумнѣнія *Фридрихъ* мыслилъ такъ, какъ и *Веспасіанъ*, что Государь долженъ умереть стоя: ибо онъ почти даже до смерти вставалъ и одѣвался по своему обыкновенію. За нѣсколько дней предъ его кончиною, одинъ Французской офицеръ исполненъ будучи желанія, хотя одинъ разъ увидѣть его въ близи, дабы имѣть образъ его начертанный въ душѣ своей, вошелъ въ садъ и тихими шагами простирая путь далѣе, увидѣлъ сквозь решотку близь Королевскихъ покоевъ единаго человѣка сидящаго на ступеняхъ лѣсницы. Сей человѣкъ былъ въ мундирѣ, въ половину покрытъ плащемъ, а на головѣ большая съ перьями шляпа. На одной токмо его ногѣ былъ надѣтъ сапогъ, другую же онъ протянулъ и казалось, что чувствовалъ мучительную въ ней боль; онъ ласкалъ собаку и подкрѣплялъ силы свои лучами восходящаго солнца. Сей человѣкъ былъ *Фридрихъ*.

Коль достойна быть предана потомству сія картина, коея самый образецъ имѣетъ въ себѣ нѣчто великое, и въ коемъ зрится купно и Ирой силящійся исторгнуть изъ рукъ смерти остальные дни жизни могущей быть полезною свѣту, и философъ безъ роптанія приближающійся ко своей кончинѣ. Въ самомъ дѣлѣ *Фридрихъ* до послѣдняго дня не оставлялъ спокойныхъ своихъ забавъ и отдохновеній, чтенія и бесѣды. Не должно быть отъ потомства сокрыто, что послѣдніе книги, которые онъ читалъ, были жизнь *Генриха IV* и жизнь *XII первыхъ Кесарей.* Созерцаніе дѣеписаній, сіе великое позорище, гдѣ все преходитъ и изчезаетъ, дѣйствительно есть такое поученіе, которое наиболѣе раждаетъ въ человѣкѣ равнодушія къ жизни и къ самой славѣ.

Уже приближаемся мы къ послѣднимъ минутамъ *Фридриховой* жизни, и сіи послѣдніе минуты подобны всему теченію оныя, и такъ же достойны памяти. Если человѣкъ умираетъ окру-

женный свидѣтелями, то всегда почти удобно можетъ явить нѣкїй видъ мужества. Тогда довольно нѣсколькихъ словъ съ усилїемъ произнесенныхъ и можетъ быть прїуготованныхъ нѣкиїми притворными чувствованїями; такъ умеръ *Людовикъ XIV*; такъ умираютъ всѣ почти Государи. Се послѣднее явленїе, на коемъ они представляютъ великое лице, и суета предъидетъ ихъ смерти, такъ какъ она жизнїю ихъ управляла; но предстать смерти на единѣ и удалить отъ себя всѣ ложныя подпоры, кои придворные обряды, обыкновенїя, благопристойность, предразсужденїя, и даже малыя и быстротекущїя впечатлѣнїя общества представляютъ умирающимъ; къ сему требуется можетъ быть большаго мужества и больше истиннаго достоинства. Не уже ли природа одного токмо человѣка изключила отъ того всеобщаго закона, коему кажется подвергла всѣхъ земнородныхъ, закона побуждающаго ихъ искать самыхъ мрачныхъ и самыхъ уединенныхъ мѣстъ для

своего убѣжища, когда они чувствуютъ приближающуюся дней своихъ кончину. Какъ бы то ни было, для того ли, что душа ищетъ себѣ подкрѣпленія противу ужаса наводимаго ничтожествомъ, или для того, что желаетъ упованіемъ на безсмертіе вознестися на лоно Бога утѣшителя; или по тому, что потребна ей вся крѣпость, дабы расторгнуть мучительныя узы привязующія ее къ жизни, или для того, что человѣкъ хочетъ углубиться въ единую мысль и послѣднее свое дыханіе единому посвятить предмѣту, дабы пройти мысленно жизнь предъ существомъ вѣчнымъ; или можетъ быть и по тому, что страшится представить очамъ друзей своихъ зрѣлище ниспадшаго естества, и лучше желаетъ оставить въ памяти образъ ихъ къ нему привлекающій, нежели картину раждающую къ нему нѣкое отвращеніе. Но для какой бы то ни было причины, всегда должно предпочесть, кончить жизнь свою, предавшись себѣ самому и укрывшись отъ очей

свѣта. Таково по истиннѣ было мнѣнїе *Фридрихово;* ибо въ послѣднїя жизни своея минуты, онъ хотѣлъ остаться на единѣ. Одинъ его служитель и одинъ комнатный гусаръ заступали мѣсто всѣхъ придворныхъ обыкновенно окружающихъ смертный одръ Царей. Многократно лишался онъ голоса и всѣхъ чувствъ; когда же опять приходилъ въ чувства, то никого неспрашивалъ и никого не звалъ къ себѣ. Въ полуночи онъ впадаетъ въ мучительную тоску; ему подкладываютъ подъ голову подушки, чтобъ положить ее по его желанїю: *такъ хорошо,* вѣщаетъ *Фридрихъ, уже мы перешли гору.* И подлинно, все что смерть въ себѣ ужаснѣйшаго заключаетъ, сїя послѣдняя борьба жизни съ разрушающею ее болѣзнїю, уже миновалась; источники жизни изсякли: онъ паки лишается всѣхъ чувствъ. Наконецъ 17 Августа 1786 года въ три часа по полуночи, по выраженїямъ врача, которой его пользовалъ, и которой издалъ въ свѣтъ извѣстїе его болѣзни, „*вдругъ*

„*всѣ пружины сего чрезвычайнаго ума*
„*остановились.*„ *Фридрихова* жизнь пресѣклась, и вѣчность его имени воспріяла свое теченіе.

КОНЕЦЪ.

